

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

6

2015

Часть VIII

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 6 (86) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, доктор филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

На обложке изображен Улугбек — правитель тюркской державы Тимуридов, сын Шахруха, внук Тамерлана. Выдающийся математик, астроном и астролог своего времени. Основал одну из важнейших обсерваторий средневековья.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Шанявский А. И.

Интеграционная политика Республики Армения: причины и перспективы выбора евразийского вектора развития 757

СОЦИОЛОГИЯ

Зайцева Т. А., Зайцева Т. Н.

Основные этапы русской эмиграции 762

Латипова А. Р., Шабанов Л. В.

Гендерные особенности стилей поведения в условиях социально-трудовых конфликтов 765

Поликарпов П. Б.

Место медиации в борьбе населения с некачественными медицинскими услугами .. 767

Сухова А. С., Селезнева И. Г., Австрийсков Е. В.

Влияние экономических факторов на особенности развития девиантного поведения в Царицыне в конце XIX — начале XX вв. 771

ПСИХОЛОГИЯ

Коробова Е. А.

К вопросу о формировании толерантного поведения подростков в условиях межэтнического общения 776

Лаврентьева И. В., Игнатенко К. М.

Выявление учебно-профессиональной мотивации в процессе обучения в вузе (на материале тестирования студентов-дефектологов 1–3 курсов) 778

Маслова М. В., Кузнецова Т. И.

Мотивы употребления психоактивных веществ в подростковом возрасте 783

Скрипкина Н. В.

Организация психологической помощи детям с отклонениями в развитии и их семьям 785

Степанова Е. В.

Анализ актуальных форм и методов психолого-педагогической профилактики агрессивного поведения подростков 788

ФИЛОЛОГИЯ

Адамбаева Н. К., Дзугаева З. Р.

Сопоставительный анализ обращений современного английского и русского языков 791

Асадова А. Ю.

Некоторые лингвистические характеристики терминологических единиц (на примере современной англоязычной терминологии цифровой фотографии) 794

Букатникова С. Д.

Понимание текста как проблема современной лингвистики и гуманитарного познания 799

Воробьева Л. В.

Образ Англии в творчестве Тэффи как культурно-исторический феномен 803

Жайынбаева А. А.

Русские и английские интерпретации реалий казахской культуры 805

Зими́на Н. Ю.

Образ падшей женщины в повести Ф. М. Достоевского «Вечный муж» 809

Зоирова Ф. У., Хасанов Э. Р., Шейхмамбетов С. Р.

О лингвистической природе многозначного слова 811

Камалова Д. О.

Перевод — важная часть языкознания 814

Королькова Я. В. Трансформация сказочной модели в произведениях авторов фэнтези..... 817	Степура С. Н. Джойс как явление русского модернизма 839	
Костомаров П. И. Модальность текстов представителя немецкой народно-разговорной речи Сибири 819	Холикова Х. Р., Киямова Г. Р. Communicative competence 842	
Красавский Н. А. Образные и ценностные признаки эмоционального концепта «гнев» (на материале немецких и русских пословиц)..... 823	Щирова Е. С. Лексический уровень как платформа для создания языковых шуток..... 843	
Матенов Р. Б. Фонетические, лексические, синтаксические средства выразительности и тропы в стихотворении А. С. Пушкина «Анчар» 826	Эргашева Г. А., Хасанова Ю. М. Компонентный анализ предложных сочетаний в позиции предикатива 846	
Мифтахутдинова Ф. А. В «изумрудную» Ирландию за знаниями и опытом..... 828	ПРОЧЕЕ	
Мурадова Н. Т., Эрданова С. А. Интерактивные средства обучения иностранному языку 833	Закиряева Н. Г. Национальная одежда: потребительские предпочтения современных жителей Бухарского региона 848	
Перцева А. А. Особенности баварского диалекта немецкого языка 835	Пулатова С. У., Вафаева З. С., Чориева М. М. Способы изготовления традиционно- национальных золотошвейных изделий 852	
Сенцов А. Э., Чубинец А. А., Хоречко У. В. Лексические особенности научно-популярных статей на китайском языке (на примере сферы солнечных технологий) 837	Пулатова С. У., Нутфуллаевна Ш. Н. Способы изготовления бухарских золотошвейных тюбетеек 855	
	Темирова Г. И., Пулатова С. У. Маркетинговые исследования потребительского спроса для проектирования изделий из каракуля 859	

ПОЛИТОЛОГИЯ

Интеграционная политика Республики Армения: причины и перспективы выбора евразийского вектора развития

Шанявский Алексей Иванович, магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет

В представленной статье рассматривается интеграционная политика Армении в период с 1991 по 2015 год, результатом которой стало вступление республики в Евразийский экономический союз. Показана взаимосвязь интеграционных процессов с проводимой Республикой Арменией политикой комплементаризма. Кроме того, автор анализирует причины и перспективы, связанные с выбором Арменией евразийского пути развития.

Ключевые слова: Армения, СНГ, ЕС, ЕвразЭС, ЕАЭС, Восточное партнерство, интеграция, комплементаризм.

Введение

1 января 2015 года на Евразийском континенте появилось новое международное интеграционное экономическое объединение — Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Согласно ранее подписанным и ратифицированным договорам уже 2 января 2015 года к ЕАЭС присоединилась Республика Армения [1]. Став четвертым по счету государством-участником данного интеграционного объединения на постсоветском пространстве вслед за Россией, Казахстаном и Беларуссией, Армения после более чем 20 лет государственной независимости, возможно, окончательно выбрала вектор будущего развития. Однако такое решение было принято в условиях, при которых Армения активно развивала свое сотрудничество в рамках «Восточного партнерства» Европейского Союза (ЕС), что также предполагало постепенную экономическую и политическую интеграцию с возможной перспективой вступления в ЕС. Примечательно, что решение отказаться от постепенной евроинтеграции и повернуть в сторону формируемого ЕАЭС было сделано в очень короткий промежуток времени. Неожиданность такого поступка вызвала широкий общественно-политический резонанс как в Армении, так и в мире. Указанные обстоятельства, по нашему мнению, можно оценивать как дискуссионные и как следствие требующие изучения.

В данной статье мы рассмотрим процесс, вследствие которого Республика Армения сделала свой выбор, проследив ее интеграционные инициативы с момента обретения независимости и до сегодняшнего дня. Кроме того,

нами будут обозначены перспективы Армении после вступления в ЕАЭС.

Интеграционные процессы в Армении в 1991–2013 годах.

Формирование политики комплементаризма

Датой рождения современной армянской государственности принято считать 21 сентября 1991 года, когда по результатам проведенного в стране референдума Армения стала независимым государством. Примечательно, что отказавшись от проведения всесоюзного референдума о сохранении СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года, Республика Армения уже через 3 месяца после обретения своей независимости становится членом первого интеграционного проекта на постсоветском пространстве — Содружества независимых государств (СНГ).

Первым серьезным шагом молодой республики в интеграционном направлении становится участие в международных процессах 1992–1994 годов. Результатами этих лет стали: ратификация Арменией Беловежских и Алма-Атинских соглашений, присоединение к только что созданному Совету североатлантического сотрудничества НАТО. Кроме того, Республика Армения становится страной-соучредительницей Договора коллективной безопасности (ДКБ), получив дополнительные гарантии своей защиты, так необходимые республике на фоне непрекращающегося Нагорно-Карабахского конфликта с Азербайджаном.

С 1993 года во внешнеполитической деятельности Армении начинает проявляться особая стратегия разнонаправленной взаимодополняемой политики, позже на-

званной комплементаризмом. Показателен пример, «когда Ереван получал оружие и военную технику на протяжении боевых действий от русских, деньги на строительство государственности (и на закупки вооружений в той же России) — от американцев, продовольствие и гуманитарную помощь для населения — от европейцев (при этом в основном получая их через Турцию), а топливо для воюющей против Азербайджана армии — от Ирана» [2]. Причиной выбора данной стратегии стали следующие факторы. Во-первых, сложная геополитическая обстановка вокруг Армении, сложившаяся в результате карабахских событий и рассорившая ее с ближайшими соседями в регионе. Во-вторых, наличие трех крупных армянских диаспор за рубежом: в США, Европе и России, каждая из которых стремилась, лоббируя интересы Армении через политические институты стран своего проживания, оказать республике всеобъемлющую помощь для построения независимого государства.

В 1993 году Республика Армения подписала Договор «О создании экономического союза», который предусматривал создание Таможенного союза в рамках СНГ и предполагал более глубокую экономическую интеграцию по сравнению с нынешним ЕАЭС. Согласно документу, вступившему в силу для Армении 26 июля 1994 года, государства-участники союза должны были иметь согласованную торгово-экономическую политику, также предполагалось формирование общего рынка товаров, услуг и рабочей силы, вплоть до создания единого рублевого пространства. Об этом, кстати, некоторое время назад вспомнили в Национальном собрании Армении в ответ на критику о вступлении страны в ЕАЭС [3]. Однако, несмотря на то, что данный документ действует и сегодня, его статьи не исполняются. Причиной, по которой Армения не стала исполнять обязательств Договора, стал быстрый распад союза, вызванный положением об обязательном характере принимаемых им решений, что было неудобно для многих стран-участниц. К тому же вставал вопрос о целесообразности развития союза в условиях, когда в его ведущей стране — России — продолжался экономический кризис, а рублевая зона перестала существовать еще в 1993 году. Продолжая развивать свою разнонаправленную внешнюю политику, Армения в 1994 году присоединилась к натовской программе «Партнерство ради мира», что происходило на фоне угасающего Нагорно-Карабахского конфликта и его перехода в мирное русло, получившее одобрение со стороны НАТО и ЕС.

Следующий большой интеграционный этап внешней политики Республики Армения относится к первому десятилетию нового века, «и связан с именем ее главного архитектора и идеолога, которому и принадлежит авторство термина «комплементаризм» — Вардана Осканяна, главы МИД Армении в 1998—2008 годах» [2]. Учитывая этот фактор, последующие события, на наш взгляд, являются вполне закономерными.

С 2001 года Республика Армения становится членом Европейского совета, что открыло стране путь к по-

степенной евроинтеграции. В 2002 году Армения наравне с другими государствами-участниками ДКБ принимает решение о его преобразовании в полноценную международную организацию — Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В 2003 году Армения присоединилась к евразийским интеграционным процессам и получила статус государства-наблюдателя при Евразийском экономическом сообществе (ЕврАзЭС). В 2004 году Армения стала участником программы Европейской политики соседства (ЕПС).

В результате мирового финансового кризиса 2008—2009 годов Республика Армения приняла участие в организации Антикризисного фонда стран ЕврАзЭС на базе Евразийского Банка Развития (ЕАБР). Подписав соглашение об учреждении ЕАБР и оплатив в установленном порядке определенную часть акций Банка, Республика Армения с 2009 года является его соучредителем. Интересно заметить, что главными сферами деятельности ЕАБР, помимо решения задач по преодолению последствий мирового финансово-экономического кризиса, является «создание условий для устойчивого экономического развития и углубление интеграционных процессов между государствами-участниками ЕАБР» [4]. Развивая свое сотрудничество в рамках СНГ, Армения в 2011 году подписала соглашение о Зоне свободной торговли (ЗСТ). В следующем 2012 году, данное соглашение было ратифицировано Национальным собранием Армении, «министр экономики Тигран Давтян, представлявший соглашение в парламенте, в ходе обсуждения документа заявил, что соглашение о Зоне свободной торговли в СНГ будет иметь существенное положительное влияние на экономику Армении, способствовать росту ВВП и экспорту продукции» [5].

Параллельно с этими событиями Армения активно развивает сотрудничество с ЕС, по-прежнему придерживаясь стратегии комплементаризма. Напомним, что в 2009 году в рамках развития Европейской политики соседства (ЕПС) на Пражском саммите ЕС было принято решение об учреждении нового интеграционного проекта под названием «Восточное партнерство» (ВП). «Главной целью новой инициативы было декларировано создание необходимых условий для ускорения политической и экономической интеграции между Европейским союзом и заинтересованными странами-партнерами путем содействия политическим и социально-экономическим реформам в странах-участницах «Восточного партнерства» [6]. В результате этого сотрудничества в 2010 году были инициированы переговоры между Арменией и ЕС по Соглашению об ассоциации. В 2012 году были проведены переговоры по созданию зоны глубокой и всеобъемлющей свободной торговли в рамках Соглашения об ассоциации между Арменией и ЕС. Согласно этим инициативам «планировалось, что Ереван подпишет Соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли с Евросоюзом в Вильнюсе на саммите «Восточного партнерства». Однако по итогам переговоров президентов Армении и России Сержа Сарг-

сяна и Владимира Путина 3 сентября 2013 года было заявлено о намерении Армении вступить в Таможенный союз и в последующем участвовать в формировании Евразийского экономического союза» [7]. С этого момента начинается ускоренный этап интеграции Республики Армения в экономическое пространство создаваемого ЕАЭС.

Интеграционный поворот Армении в 2013–2015 году.

Причины вступления и перспективы Армении в ЕАЭС.

Стремительное изменение Республикой Армения вектора развития от сближения с ЕС в сторону формируемого ЕАЭС, стало неожиданным и спровоцировало не только недоумение в западной прессе, но и локальные протесты в самой стране [8]. Весьма примечательно, что еще 18 марта 2013 года президент Армении С.А. Саргсян на встрече с корреспондентами армянских СМИ на вопрос об ассоциации с ЕС ответил: «Соглашение о зоне глубокой и всеобъемлющей свободной торговли уже почти в стадии завершения, и дай нам Бог силы, чтобы в этом году мы его завершили и подписали» [9]. Однако обстоятельства, в которых руководство Армении сделало свой выбор, свидетельствуют, что на тот момент данное решение было наиболее перспективным для будущего армянского государства. Перечислим основные причины, непосредственно повлиявшие на ход окончательного принятия евразийской модели интеграционного развития.

Первая и самая главная касается *железнодорожного сообщения*. В январе 2013 года в ходе визита в Армению премьер-министра Грузии Б.Г. Иванишвили появилась реальная надежда на решение многолетней транспортной проблемы страны. «На совместной с армянским коллегой Тиграном Саргсяном пресс-конференции Иванишвили прямо заявил, что открытие железной дороги через Абхазию возможно. «Мы должны работать над срочным решением этой проблемы», — заявил премьер Грузии. Напомнив о проблемах в отношениях Грузии и России, он подчеркнул, что Тбилиси пытается урегулировать их как можно скорее. Чтобы восстановить работу железной дороги в ближайшее время, грузинская сторона, по выражению премьер-министра, готова и к диалогу с абхазскими братьями» [10]. В свою очередь на встрече в Москве 3 сентября 2013 года по результатам переговоров президентов России и Армении стало известно, что «РЖД могут инвестировать в развитие армянской железнодорожной сети около 15 миллиардов рублей» [11].

Второй причиной является *энергетическая безопасность*. В своей предвыборной программе 2013 года «Вперед к безопасной, благополучной Армении», С.А. Саргсян, в главе, посвященной пропорциональному развитию страны, пообещал завершение строительства второго энергоблока АЭС в намеченные сроки [12, с. 14]. Необходимо указать, что выполнением данных работ занимается российская государственная корпорация Рос-

атом. «Между тем, в печально известном соглашении об ассоциации с ЕС не было ничего относительно Армянской АЭС. Европа предлагала различные программы консервации станции по истечении срока ее эксплуатации, при этом Турция и Азербайджан активно лоббировали этот процесс. Понятно, что в случае евроассоциации из РФ также не было бы получено ни технологий, ни средств, ни, что еще важнее, политического содействия» [13]. Здесь же стоит отметить газовые соглашения о сохранении льготных цен сроком на пять лет, которые были заключены между Арменией и Россией 29 августа 2013 года. «Согласно новым договоренностям, цена на газ для Армении теперь будет составлять 189 долларов за тысячу кубометров вместо 270. А доля компании «Газпром» в газовом монополисте «АрмРосгазпроме» составит уже не 80, а 100 процентов» [14].

Третья причина, повлиявшая на принятие евразийской модели интеграционного развития — это *национальная безопасность*. Тот факт, что Россия является гарантом безопасности Армении, также сыграл немаловажную роль в определении президентом С.А. Саргсяном своего отношения к евразийской интеграции: «Сейчас наши партнеры по ОДКБ формируют новую платформу экономического взаимодействия. Я не раз говорил, что, находясь в одной системе военной безопасности, невозможно и неэффективно изолироваться от соответствующего геоэкономического пространства» [15].

Четвертой причиной следует назвать *экономический фактор*. Доказательством этого может служить высказывание С.А. Саргсяна, сделанное им 10 октября 2014 года в Минске после подписания Договора о присоединении к ЕАЭС: «Мы приняли это решение с целью придать новый импульс прогрессу экономики нашей страны, — отметил президент. — С передвижением товаров, услуг, капитала и трудовой силы, доступностью энергоресурсов и внедрением единых транспортных решений на евразийском пространстве появляются новые возможности повышения конкурентоспособности и эффективности нашей экономики» [16].

Примечательно, что решение, принятое руководством Армении о вступлении в ТС и интеграцию с Россией, Казахстаном и Белоруссией, совпало с мнением армянского народа. Согласно социологическому исследованию, проводившемуся на территории Армении с 5 по 11 октября 2013 года, были получены интересные результаты [17, с. 25]:

— При свободном выборе сотрудничество с Россией предпочитает подавляющее большинство населения Армении — 67%, а с Европейским союзом — 17%.

— При принудительном альтернативном выборе сотрудничества или с Россией, или с Европейским союзом пророссийская ориентация растет до 75%, а проевропейская — до 19%.

— Население Армении плохо осведомлено о Таможенном союзе России, Белоруссии Казахстана. Не слышали о нем почти 40% населения Армении, не представ-

ляет, что это такое — почти 30%. В итоге почти 70% населения Армении практически ничего не знает о Таможенном союзе.

— Простое разъяснение населению, что «Россия, Белоруссия и Казахстан основали Таможенный союз, в рамках которого люди могут свободно перемещаться из страны в страну, работать в той стране, где им захочется, а также в этих странах все товары перемещаются свободно, без пошлин на ввоз и вывоз», приводит к тому, что к присоединению Армении к Таможенному союзу положительно относится 86% населения Армении. Это на 11% больше, чем ориентация на сотрудничество с Россией при свободном выборе — Россия или Европейский союз.

Сделав свой интеграционный выбор в 2013 году, 10 октября 2014 года в Минске Армения подписывает Договор о присоединении к Договору о ЕАЭС от 24 мая 2014 года при участии президентов России, Казахстана и Белоруссии. В декабре того же года Национальное собрание Армении ратифицировало договор о присоединении страны к ЕАЭС, и уже со 2 января 2015 года Республика Армения стала полноправным членом союза. Согласно вступившим в силу договоренностям «доля Армении в распределяемых таможенных пошлинах, полученных от ввоза товаров на территорию ЕАЭС, составит 1,13 процента. В сфере услуг Армения присоединяется к договоренностям членов ЕАЭС на общих основаниях, а в сфере торговли товарами предусмотрен постепенный (до 2022 года) переход к единому таможенному тарифу ЕАЭС» [18].

Перспективы, открывшиеся перед Арменией в результате ее вступления в ЕАЭС, во многом совпадают с причинами, подтолкнувшими республику к евразийской интеграции. Например, на постепенное решение транспортной проблемы Армении нацелен проект «Север-Юг», в рамках которого выделены средства антикризисного фонда ЕАБР в объеме 150 млн. долларов [19]. По-прежнему ведутся работы по модернизации второго

энергоблока армянской АЭС, завершение которого намечено на 2019 год [20]. Свободное передвижение товаров, услуг и рабочей силы в рамках 170 млн. рынка ЕАЭС, а также связанный с этим приток инвестиций, дадут Армении до 2% прироста ВВП ежегодно [21, с. 6].

Заключение

Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что сделанный Республикой Армения в 2013 году выбор нельзя назвать необдуманным или недальновидным. Используя внешнеполитическую стратегию комплементаризма, Армении удалось на протяжении двух десятилетий поддерживать положительные и взаимовыгодные отношения как с Россией, так и с Западом. Однако в тот момент, когда перед Арменией встал вопрос будущего развития, руководство республики, взвесив возможные выгоды, а также помня об общем историческом прошлом, сделало выбор в пользу России, руководство которой назвало для себя приоритетным развитие нового интеграционного проекта для Евразии [22].

Вступление Армении в ЕАЭС в обозримом будущем должно привести к восстановлению разорванных кооперационных связей после распада СССР, расширению присутствия армянских компаний на рынках государств евразийского пространства. Следует отметить и возможность более эффективно защищать интересы армянского бизнеса в евразийских странах, а также реальную перспективу повышения качества жизни и социального благополучия граждан Армении. Главным препятствием к полноценной реализации этих перспектив по-прежнему остается отсутствие железнодорожного сообщения между Арменией и остальными странами ЕАЭС и в первую очередь Россией. Именно поэтому евразийское будущее Армении напрямую зависит от того, как быстро страны-участницы союза смогут найти решение этой проблемы.

Литература:

1. Армения присоединяется к Евразийскому экономическому союзу // «Итар-Тасс» // URL: <http://itar-tass.com/ekonomika/1681738> (Дата обращения: 03.01.2015)
2. Минасян С. Некоторые концептуальные основы внешней политики Армении // НОФ «Нораванк» // URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=1999 (Дата обращения: 03.01.2015)
3. Армения присоединилась к прототипу ЕАЭС еще в 1994 году — армянский парламентарий // «REGNUM» // URL: <http://www.regnum.ru/news/1872322.html> (Дата обращения: 04.01.2015)
4. О банке // Евразийский Банк Развития // URL: <http://www.eabr.org/r/about/> (Дата обращения: 04.01.2015)
5. Армения ратифицировала соглашение о зоне свободной торговли СНГ // «Файл-РФ» // URL: <http://file-rf.ru/news/9428> (Дата обращения: 06.01.2015)
6. Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership // The Council of the EU // URL: http://www.consilium.europa.eu/register/en/content/out/?&typ=ENTRY&i=ADV&DOC_ID=ST-8435-2009-INIT (Дата обращения: 06.01.2015)
7. ЕС и Армения обновят план действий в рамках «Восточного партнерства» // «РИА-Новости» // URL: <http://ria.ru/world/20131129/980658100.html> (Дата обращения 06.01.2015)
8. Решение о вступлении в Таможенный союз вызвало в Армении недоумение и протесты // «Deutsche Welle» // URL: <http://dw.de/p/19c2r> (Дата обращения: 08.01.2015)

9. Встреча Президента Сержа Саргсяна с представителями СМИ // Президент РА // URL: <http://www.president.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2013/03/18/President-Serzh-Sargsyan-press-conference/#!/officialPhotos> (Дата обращения: 08.01.2015)
10. Иванишвили обещает открыть железную дорогу из Армении в Россию // «Deutsche Welle» // URL: <http://dw.de/p/17LuM> (Дата обращения: 08.01.2015)
11. РЖД может вложить 15 млрд рублей в развитие армянской железной дороги // «РИА-Новости» // URL: <http://ria.ru/economy/20130903/960488091.html> (Дата обращения: 08.01.2015)
12. Предвыборная программа президента РА Сержа Саргсяна на президентских выборах 2013 года // Республиканская партия Армении // URL: <http://www.hhk.am/ru/election-program/#sthash.4gkhubru.dpuf> (Дата обращения: 08.01.2015)
13. Армения лишилась бы своей атомной электростанции, если бы не вступила в ЕАЭС // «ИноСМИ.Ru» // URL: <http://inosmi.ru/overview/20141230/225255877.html> (Дата обращения: 08.01.2015)
14. Саркисян: соглашения с РФ позволят на пять лет сохранить цены на газ для жителей Армении // «Кавказский узел» // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/234533/> (Дата обращения: 09.01.2015)
15. Армения вступает в Таможенный союз // «Ведомости» // URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/15925511/armeniya-svernula-na-sever> (Дата обращения: 10.01.2015)
16. Армения присоединилась к ЕАЭС ради развития своей экономики // «Независимая газета» // URL: <http://www.ng.ru/news/481903.html> (Дата обращения: 10.01.2015)
17. Социологическое исследование «Отношение армянского общества к евразийской и европейской интеграции» / С. А. Манукян, Г. А. Арутюнян, А. В. Сафарян. Исследовательско-аналитическая общественная организация «Интеграция и развитие», 2013. // URL: http://www.soyuzinfo.am/upload/pdf/unknown_parameter_value.pdf (Дата обращения: 10.01.2015)
18. Армения стала полноправным членом ЕАЭС // «LENTA.RU» // URL: <http://lenta.ru/news/2015/01/02/armenia/> (Дата обращения: 11.01.2015)
19. Строительство автодорожного коридора «Север-Юг» в Армении // Евразийский Банк Развития // URL: <http://acf.eabr.org/r/projects/Sever-Ug/> (Дата обращения: 11.01.2015)
20. Россия и Армения подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве в продлении срока эксплуатации энергоблока №2 Армянской АЭС // «Российское атомное сообщество» // URL: <http://www.atomic-energy.ru/news/2014/12/23/54000> (Дата обращения: 12.01.2015)
21. Армения и Таможенный союз: оценка экономического эффекта интеграции / ЦИИ ЕАБР, 2013. — 48 с.
22. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // «Известия» // URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (Дата обращения: 12.01.2015)

СОЦИОЛОГИЯ

Основные этапы русской эмиграции

Зайцева Татьяна Александровна, студент
Пражский экономический университет (Чехия)

Зайцева Татьяна Николаевна, кандидат биологических наук, доцент
Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (Челябинская обл.)

Веками люди разных национальностей, возрастов и положения в обществе сталкивались с необходимостью покинуть свою родную страну по различным политическим, идеологическим, религиозным, а также социальным, экономическим и другим причинам. И сегодня в условиях возрастающей интернационализации общественной жизни межгосударственная миграция населения является одним из ключевых элементов становления современного общества. Это поистине глобальное явление оказало особое влияние и на развитие Российского государства, оставив неизгладимый след в его истории и культуре.

Многие наши современники хотя бы раз в жизни задумывались об отъезде из России в другие страны. Среди основных причин эмиграции выделяются главным образом неудовлетворённость занимаемой рабочей должностью, оплатой труда, желание повысить уровень своего благосостояния, обеспечить будущее себе и своим детям. В настоящее время переезд в другую страну является самостоятельным и добровольным решением каждого человека. Однако так было не всегда.

Возникает вопрос, какие же мотивы эмиграции были у наших соотечественников и какой характер носила русская эмиграция в разные исторические периоды.

История русской эмиграции насчитывает не одно столетие. Например уже в начале XVI века новгородско-московские еретики, дабы укрыться от преследований православной церкви и московской великокняжеской власти, были вынуждены бежать за границу Российского государства в Литву [2].

В «петровскую» эпоху к политическим мотивам эмиграции добавились мотивы религиозные. Эмиграция по экономическим мотивам, так характерная для стран Центральной и Западной Европы, практически не затрагивала Россию вплоть до XIX века, хотя и есть упоминания о русских переселенцах XVI–XVIII вв. в Америку, Китай и Африку. Количество эмигрантов, однако, в данный период было незначительным [2].

С массовой эмиграцией Россия столкнулась в XIX веке. Волна переселения русской аристократии, в основе которой лежали прежде всего политические мотивы, была вызвана царскими репрессиями после Восстания декабристов в 1825 году. Главным центром русской эмиграции во второй четверти XIX века был Париж, а после революции в 1848 году им стал Лондон. Именно в Лондоне в 1853 году А. И. Герценом была основана первая Вольная русская типография, которая издавала запрещенную в России революционную литературу и в целом оказывала значительное влияние на формирование русского политического мышления того времени. Другой не менее важной причиной массового отъезда русского дворянства был сравнительно более высокий уровень жизни и политической свободы в европейских странах. Этим воспользовался например известный русский анархист и учёный П. А. Кропоткин, бежавший из тюремного заключения в Великобританию в 1876 году.

Спусковым крючком следующей эмиграционной волны стала Октябрьская революция в 1917 году. Эта волна получила название «белая», так как в своём большинстве её представляли сторонники белого движения, а также классовые противники большевиков. Среди них были такие всемирно известные деятели науки и искусства, как Н. Н. Афанасьев, И. А. Бунин, В. Г. Гайдаров, С. Н. Гладкая, В. В. Набоков, Л. О. Пастернак. Основными направлениями русской эмиграции в те годы были страны Европы и Дальнего Востока, а её главными центрами стали Берлин, Париж, Прага, Белгород и София [2].

Большинство эмигрантов полагали, что их отъезд был вынужденным и временным явлением, и свято верили в то, что в скором времени они вернуться в Россию после, как им казалось, быстрого коллапса советской власти. Однако со временем стало ясно, что крушение советской власти в ближайшее время не произойдет и пребывание русских эмигрантов за границей приобрело постоянный характер.

По данным Лиги Наций в общей сложности после октябрьской революции из России выехали приблизительно

1 миллион 160 тысяч человек, примерно четверть из которых принадлежали к Белой армии [1].

Следующая волна русской эмиграции в отличие от предыдущей, большое влияние на которую оказывала Гражданская война, сформировалась в период активного развития социализма, сталинского террора 20-х — 30-х гг. XX века и Второй мировой войны.

Довольно многочисленную группу эмигрантов в конце 30-х гг. представляли этнические немцы, которым в 1939 году было разрешено вернуться на родину после заключения особой договорённости между Советским Союзом и Германией. Чуть позже в 1939—1940 гг. в результате русско-финской войны сформировалась ещё одна группа эмигрантов, в числе которых были главным образом советские военнослужащие, оказавшиеся в финском плену, которые по окончании войны бежали в нейтральную Швецию и не были выданы советским властям. Массовая же эмиграция пришлась на период Великой Отечественной войны (ВОВ). Временем завершения формирования данной волны считается начало 50-х гг., когда были упразднены международная и советская организации, занимавшиеся вопросами репатриации и эмиграции.

Массовая эмиграция в период ВОВ отличалась принудительным характером, её причины не укладывались в традиционное понятие «эмиграция», а мотивы были несхожи с мотивами эмиграции в мирное время.

В 1941—1945 гг. за линией фронта оказалась значительная часть территорий СССР, на которой до войны проживало около 88 миллионов человек. Из числа этих людей в основном и формировалась послевоенная эмиграция [1].

Русские эмигранты этого периода делятся на две основные категории: 1. Военнослужащие и гражданские лица, бежавшие с отступавшими войсками нацистской Германии с оккупированных территорий СССР. 2. «Невозвращенцы», в числе которых были военнопленные, советские граждане, в основном молодежь, которых принудительно отправляли в Германию в качестве рабочих и которые позже избежали репатриации и не пожелали вернуться в Советский Союз [2].

Новая волна эмиграции, иногда именуемая диссидентской, охватила Россию в период холодной войны (1948—1989 гг.). По разным оценкам количество отбывших за границу Советского Союза насчитывает около полумиллиона человек. Эмигрантов этой волны можно условно разделить на две категории: репатрианты, возвращавшиеся в Германию, Израиль и Грецию; диссиденты, которые насильно или добровольно покинули Россию.

Представители первой категории быстро теряли связь с Россией, так как старались как можно быстрее ассимилироваться в новом обществе. Анализ же второй категории представляется более сложным процессом. Диссиденты за границей в основном занимались пропагандой правозащитного движения в СССР, издавали литературные произведения, которые были запрещены в Советском Союзе,

так как значительно отличались от доминировавшей в то время в советском обществе коммунистической идеологии. В числе авторов этих произведений были такие известные фигуры, как В.К. Буковский, А.А. Зиновьев, В.Е. Максимов, А.И. Солженицын и И.А. Бродский. Самыми же известными изданиями были в первую очередь журналы «Континент» и «Вече».

Русские диссиденты всем сердцем любили Россию и верили, что ведут борьбу за её освобождение от коммунистических цепей, за восстановление национальной России. Однако на деле всё оказалось иначе. Западные спецслужбы их попросту использовали в борьбе с «советским режимом и коммунистической идеологией», которая была лишь поводом для раздробления и уничтожения России. Некоторые эмигранты, например А.А. Зиновьев и В.Е. Максимов, осознали, что были использованы во вред своей Родине, другие же, например В.К. Буковский и В.П. Аксёнов, осознав изменение ситуации, сменили антисоветскую риторику на антирусскую [2].

Современная волна русской эмиграции началась в 90-х годах XX века после распада Советского союза. В России, а также на Западе бытовало мнение, что открытие границ приведет к эмиграционному буму. По данным Всесоюзного (позднее Всероссийского) центра изучения общественного мнения — ВЦИОМа, который в 1990 году провёл опрос на тему: «Отношение населения СССР к работе за границей», 1,5–2 миллиона граждан заявили о готовности к выезду с территории СССР, и ещё 5–6 миллионов рассматривали такую возможность. По оценкам западных экспертов предполагалось, что количество эмигрантов могло достигнуть 20 миллионов человек. Однако эти предположения оказались слишком преувеличенными. Вопреки ожиданиям резкого увеличения эмиграции из России не произошло. Начиная с 1990 года русская эмиграция держится примерно на одном уровне, колеблясь от максимума 114 тысяч человек в 1993 году до минимума 78 тысяч человек в 2000 году. Данные о эмиграции из России представлены на графике 1. В целом за последнее десятилетие XX века из России выехали примерно 1 миллион 100 тысяч человек [1].

По данным Государственного комитета по статистике средний возраст эмигрантов составлял 30 лет, 2/3 из них были мужчины, 34% — служащие, 31% рабочие, 2% — колхозники, 4% — учащиеся, 25% — незанятое в производстве население и пенсионеры. Интересным является и тот факт, что среди эмигрантов 99,3% граждан не владели никакими другими языками, кроме русского [2].

По данным Федеральной службы государственной статистики в период с 2000 по 2013 гг. за пределы России выехал приблизительно 1 миллион 170 тысяч человек, что свидетельствует о том, что прирост количества русских эмигрантов по сравнению с 90-ми гг. в целом остался на том же уровне [3].

Мотивы современной волны русской эмиграции вследствие нестабильной социально-экономической ситуации

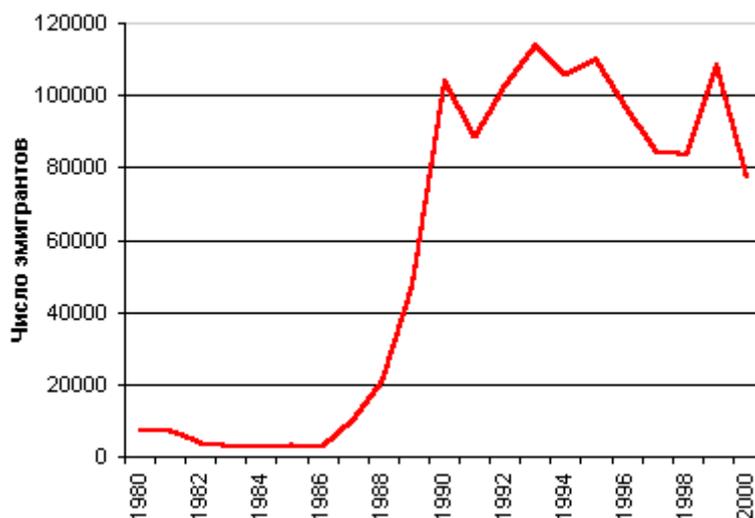

Рис. 1. Эмиграция из России в страны «дального зарубежья» по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации

в стране имеют прежде всего экономический характер. Важно отметить и тот факт, что в настоящее время эмиграция за границу России является добровольной [5].

В поиске причин, вынуждающих жителей стран бывшего Советского союза на переезд в другую страну, Американский институт общественного мнения Гэллуп в 2010–2012 гг. провел опрос между гражданами 12 стран бывшего Советского союза включая Россию. Главный вопрос, заданный участникам опроса, звучал так: «Теоретически, если бы у Вас была такая возможность, уехали бы Вы в другую страну на постоянное место жительства, или предпочли бы остаться в Вашей стране?» (англ. «Ideally, if you had the opportunity, would you like to move permanently to another country, or would you prefer to continue living in this country?»). Результаты опроса приведены в таблице 1 [4].

Оказалось, что в среднем свою страну хотят покинуть 15 % граждан данных государств, причем в России этот показатель был ниже среднего.

Также респондентам предлагалось указать причину их желания эмигрировать из своей страны. Полученные в ходе опроса данные приведены в таблице 2 [4].

В заключении хотелось бы отметить, что сегодня большинство стран мира стремится приспособиться к быстро меняющейся действительности и насколько возможно регулировать международную миграцию населения. В связи с этим предпринимаются все необходимые меры для обеспечения данной области необходимым законодательством и правовым полем. И хотя международная миграция ещё не является областью до конца изученной, её проблематика всё чаще становится предметом широких дискуссий.

Таблица 1. Результаты опроса

	Процент желающих уехать в другую страну, %
Армения	40
Молдавия	32
Украина	21
Беларусь	17
Кыргызстан	16
Россия	14
Азербайджан	14
Грузия	14
Казахстан	13
Таджикистан	11
Туркменистан	6
Узбекистан	5
В среднем	15

Таблица 2. Основные причины эмиграции

Основные причины эмиграции	%
Улучшение уровня благосостояния	52
Для будущего детей	13
Получение работы/Невозможность устроиться на работу	10
Социальные блага	4
Воссоединение с семьей	3
Жизнь в стране, где защищены права человека	3
Жизнь в стране с более низким уровнем преступности	1
По причине экологических проблем в стране проживания	1
Другие причины	2
Не знаю/Не хочу отвечать	12

Литература:

1. Демоскоп Weekly [Электронный ресурс] — Режим доступа — <http://demoscope.ru/>
2. Ионцев, В. А. и кол. Эмиграция и репатриация в России. Москва: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001—490 с. ISBN 5—901716—01—9.
3. Росстат [Электронный ресурс] — Режим доступа — <http://www.gks.ru/>
4. Gallup [Электронный ресурс] — Режим доступа — <http://www.gallup.com/>
5. Šišková, Tatjana, ed. Menšiny a migranti v České republice: [my a oni v multikulturní společnosti 21. století]. Praha: Portál, 2001—188 s. ISBN 80—7178—648—9.

Гендерные особенности стилей поведения в условиях социально-трудовых конфликтов

Латипова Алсу Расиловна, студент;

Шабанов Лев Викторович, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

В данной статье рассмотрены проблемы равенства полов в современных социально-трудовых отношениях, большое внимание уделено проблеме гендерных стереотипов. Особенности гендерного фактора в трудовых отношениях, по мнению авторов, связаны с тем, что женщины и мужчины не просто различны в моделях конфликтных проявлений, но и не могут выйти из стереотипных суждений о поло-ролевой коммуникации в условиях трудового конфликта.

Социально-трудовой конфликт — это особый вид социального конфликта, который проявляется через противостояние индивидов или групп по поводу отношений и/или условий их обеспечения в формате организационного, делового или трудового взаимодействия. Как правило, это характеризует стадию максимального развития противоречий между субъектами трудовой деятельности в трудовой или связанных с трудовой деятельностью областях, что представляется — силовым динамическим воздействием [2, с. 282]. Трудовые конфликты могут быть инициированы как работодателем, так и работником.

До сих пор достаточно сложно ответить на вопрос, где завершается конфликт обычный и начинается конфликт трудовой, поэтому изучение природы трудового

конфликта требует от конфликтолога-практика комплексного подхода — привлечения экспертного и общественного мнений, изучения причин действий участников трудовых отношений, мотивов поведения сторон, ценностей и интересов конкретных индивидов и т. п.

В современных социально-трудовых отношениях идея равенства полов давно уже никем не оспаривается (по крайней мере, в России), но, параллельно или даже: вопреки сложившейся ситуации, социальные науки уделяют все больше внимания проблеме гендера (оценкам социальности половой идентичности). [5, с. 45]. Данный термин начинает отражать не столько «социальный пол», сколько оценочные отношения к тем или иным занятиям (профессиям, образу жизни, оценкам качества) выра-

женным в поло-ролевой контексте, где трудовая занятость коррелирует с местом в социальной иерархии человека, его предпочтениями, политическими взглядами и даже покупательной способностью. Говоря иначе, многие гендерные стереотипы, такие, как «мужчины никогда не плачут», «женщина должна уметь готовить» и т. п. давно превратились в исторически-обусловленные клише; — ярлыки, которые навязывались нам в ходе определенных периодов нашей жизни. Часто мы слышим, что женщины и мужчины совершенно разные существа. Что мы с разных планет, что наше сознание устроено совершенно по-разному, даже что анатомически мы устроены по-разному. Но можно заметить, что это никак не влияет на наше существование рядом, не мешает нам работать бок о бок друг с другом. Мы работаем на одних и тех же рабочих местах, и критерии при повышении заработной платы, при продвижении по службе для каждого одинаковые.

Проблемой гендерного фактора в трудовых отношениях является то, что женщины и мужчины различны в моделях проявления себя в конфликте. Слабый пол более эмоционален, их потенциальная конфликтность проявляется во всех уровнях жизни, даже неустраиваемость личной жизни женщины может существенно влиять и на межличностные отношения в коллективе, и на саму работу. Часто это приводит к выплеску своих внутренних проблем в коллектив, результат же сказывается на производительности и качестве труда, на взаимоотношениях сотрудников и на психологическом климате в коллективе. Некоторые женщины, испытывая подавленность, стремясь понять возможные причины своего состояния, «тщательно обдумывая», приходят к навязчивому фокусированию на проблеме, что увеличивает уязвимость женщины по отношению к стресс-факторам окружающей среды. Мужчины, наоборот, пытаются отгородиться от депрессивных эмоций, концентрируясь на чем-то другом, например, переключаясь на активную работу, компенсируя негативные факторы новым интересным проектом. Мужчин в большей мере волнует самоутверждение, способность отстаивать свои права, что сегодня уже можно считать одной из копинг-стратегий современного карьеростроительства [4, с. 207–208]. Именно здесь проявляются такие черты, как агрессивность, конкуренция, доминирование. Однако, что делать, если оппонентом оказывается женщина (?), в условиях равенства полов, она воспринимается, как не способная конкурировать в полной мере.

Атрибутивность: «женщины проявляют больше терпимости и стремления к компромиссному примирению интересов» и, соответственно, «мужчины и женщины по-разному разрешают конфликтные ситуации», как правило, работает в пользу женщины, особенно в условиях конфликтов, возникающих в трудовом коллективе. Получается, что нивелируя гендерные различия, общество не избавилось от гендерных стереотипов?

Гендерные различия, предположительно, должны проявляться в модели поведения конфликтующих сторон в ситуациях около конфликтного взаимодействия. Жен-

щины склонны к конфликтам, и их основной моделью проявления в конфликтах является компромисс на основе уступок оппонента, а у мужчин — более выражено поведенческая агрессивность на основе конкурентного взаимодействия.

Чтобы проверить это предположение, было приведено тестирование по методике Томаса-Килмена с целью определения стиля поведения, личностной предрасположенности к конфликтному поведению и оценки уровня конфликтности личности для выявления моделей поведения в конфликтных ситуациях у мужчин и женщин.

По мнению разработчика методики, К. Томаса, важным определяющим поведение человека в конфликте, является соотношение интересов конфликтующих сторон. Для описания поведения в конфликте, он предложил двухмерную модель регулирования конфликта, основополагающими измерениями которой являются: кооперация — направленность на интересы другого человека, вовлеченного в конфликт, и напористость — направленность на собственные интересы. Соответственно этим двум измерениям выделяются пять основных способов (стилей) поведения в конфликтной ситуации: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление. В тесте каждый способ поведения в конфликте описывается с помощью 12 суждений. В различных сочетаниях они представлены в 30 парах, в каждой из которых обследуемому предлагается выбрать только одно суждение, которое в наибольшей степени соответствует его поведению в конфликтной ситуации. Подсчитывается количество ответов, соответствующих каждому способу поведения, и, в зависимости от набранных баллов, делается вывод о преобладании того или иного стиля поведения в конфликте и степени его представленности. [1, с. 64–67].

В исследовании приняло участие 34 человека: 18 девушек и 16 юношей в возрасте 18–20 лет.

Анализ результатов исследования показал, что уровень конфликтности у девушек выше, чем у юношей на 0,75 ед. Для юношей (7) и для девушек (7,59) преобладающей моделью поведения является компромисс, самые низкие показатели по противоборству: 4,83; 4,84. Избегание преобладает больше у юношей (6,94), чем у девушек (5,79), сотрудничество у юношей (6,4) и у девушек (6,1) имеет примерно равные показатели. Уступчивость девушек (5,11) немного меньше, чем у юношей (5,6).

При обсуждении результатов в фокус-группе, участникам опроса задавался вопрос, почему вы так ответили, объясните свою позицию? И чаще всего, когда речь заходила о социально-трудовом конфликте в формате мужчина — женщина, ответ мужчин звучал примерно так: «это женщина и я не могу конфликтовать с ней, как с равным соперником»; ответ женской части аудитории, так же отражал стереотипы: «если он настоящий мужчина, то должен уступить женщине» или «он мужчина и он должен понимать...». Можно сделать вывод, что стили поведения, не имеют привязки к конкретным половым признакам, однако, они формируются определенными

гендерными моделями, создавая личностную предрасположенность к стратегиям в конфликте, которые отражаются на динамических изменениях уровня конфликтности личности.

Литература:

1. Гришина, Н. В. Психология конфликта. — СПб.: Издательство «Питер», 2000—464 с.
2. Емельяненко, Л. М. Конфликтология. Учебное пособие. — К.: КНЕУ, 2004. — 450 с.
3. Фомина, Т. А. Мужчина и женщина в сфере бизнеса // Социологические исследования. — 2000. — №3/4.
4. Шабанов, Л. В., Антонова Л. В. Трудовой конфликт, как фактор социально-политической трансформации// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. — 2015. — №2. — с. 207—209.
5. Шевченко, Л. А. Гендерная психология. Учебное пособие. — Харьков: ООО «МИТ», 2004—100 с.

Место медиации в борьбе населения с некачественными медицинскими услугами

Поликарпов Павел Борисович, аспирант

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

ЮНЕСКО рекомендовало всему человечеству ценить здоровье, нежели богатство, власть или же развлечения [1]. Возможно, здоровье не единственная цель, к которой стремится современное человечество. Но это основа и посылка для реализации стремлений каждого. XXI век можно считать одним из символов здоровья, ведь значительная часть населения Земли стремится к оздоровлению, к улучшению его возможных проявлений.

Важной составляющей субъективной оценки здоровья выступает посещение медицинских учреждений и в этой связи все актуальней становится проблема качественного/некачественного оказания медицинских услуг. В ходе проведенного автором социологического опроса [2] выяснилось: 32,1% опрошенных считают, что качество медицинских услуг в государственных лечебных учреждениях за последние два года не изменилось. По мнению 27,6% респондентов оно незначительно улучшилось. 10,4% горожан заметили значительные ухудшения в качестве медицинских услуг. 6,7% саратовцев выделили незначительное ухудшение качества медицинских услуг. По мнению 3,7% опрошенных оно значительно улучшилось. 19,4% горожан затруднились определить изменения за последние два года в качестве медицинских услуг государственных учреждений.

Что касается частных лечебных учреждений, то 33,6% считают, что качество оказываемых в этих учреждениях медицинских услуг за этот же период не изменилось. Для 17,2% респондентов оно незначительно улучшилось. По мнению 7,5% опрошенных оно значительно улучшилось. 2,2% горожан заметили значительные ухудшения в качестве медицинских услуг. 1,5% саратовцев выделили незначительное ухудшение качества медицинских услуг. 38,1% горожан затруднились определить изменения за последние два года в качестве медицинских услуг частных учреждений. Это может быть связано

с тем, что услуги платных клиник чаще всего недоступны для большинства горожан.

Среди опрошенных жителей г. Саратова 39,3% не приходилось получать некачественные медицинские услуги. 28,1% респондентов имеют опыт однократного получения некачественного медицинского обслуживания, столько же саратовцев (28,1%) сталкивались с данной проблемой неоднократно. 4,4% горожан затрудняются сказать о наличии опыта получения некачественных медицинских услуг.

Таким образом, можно сделать вывод, что больше половины респондентов, так или иначе, сталкивались с некачественным медицинским обслуживанием, которое подразделяется на соответствующие виды:

Самым распространенным медицинским учреждением, в котором были оказаны некачественные услуги, является городская больница (45,3%), на втором месте по популярности стоит участковая больница (24,2%). В областной больнице имели опыт получения некачественных медицинских услуг 11,6% опрошенных, а в центральной районной больнице 8,4%. Среди учреждений, в которых были оказаны некачественные медицинские услуги, саратовцы выделили так же частную клинику (8,4%). По 1,1% приходится на тех, кто столкнулся с некачественным медицинским обслуживанием в федеральной больнице и больнице ведомственного подчинения.

Выяснилось, что больше половины жителей г. Саратова, имеющих опыт некачественного обслуживания, получили его во взрослой поликлинике (53,4%). В травматологическом пункте была оказана некачественная медицинская помощь 11,7% горожан, а в стационаре — 8,7%. Недовольными стоматологической поликлиникой остались 7,8% саратовцев, а в детской поликлинике были оказаны некачественные услуги 5,8%. Среди структурных подразделений учреждения, в котором были оказаны не-

Таблица 1. Получение некачественных медицинских услуг, % к опрошенным

Виды некачественных медицинских услуг	%
Низкий уровень качества или дефекты в оказании медицинской помощи, несоответствие качества и объема медицинской помощи установленным стандартам, не повлекшие причинения вреда здоровью	28,0
Низкий уровень качества или дефекты в оказании медицинской помощи, несоответствие качества и объема медицинской помощи установленным стандартам, повлекшие причинение вреда здоровью или смерть застрахованного	16,0
Необоснованный отказ от оказания медицинской помощи	15,2
Нарушение условий и режима лечения	12,0
Необоснованное взимание или требование платы за лечение	10,4
Злоупотребления со стороны медицинских работников	8,8
Применение не щадящих (болевых) методов лечения при возможности их исключения или использования иных, щадящих методов.	6,4
Нарушение прав застрахованного в части его информированности о диагнозе, возможном риске, последствиях и результатах лечения и на сохранение в тайне сведений, составляющих врачебную тайну.	1,6
Отсутствие, дефекты оформления, представление недостоверной медицинской, статистической и финансовой документации	1,6
Итого	100,0

качественные медицинские услуги, указали станцию скорой медицинской помощи (4,9%), а 3,9% отметили подразделение женской консультации. В родильном доме столкнулись с некачественным медицинским обслуживанием 1,9% респондентов, а по 1% приходится на тех, кто недоволен оказанными услугами в аптеке и диспансере.

Можно констатировать, качественная цивилизационная система взаимоотношений пациентов и работников медицинских учреждений, к сожалению, сегодня не сформировалась. Подобная реальность порождает проблему защиты прав потребителей, в случае которой, помощь могут оказать различные инстанции.

При возникновении каких-либо недоразумений в процессе лечения или же простого обращения за медицинскими услугами в соответствующее учреждение, значительная часть респондентов (15,4%) усматривают наибольшую актуальность и продуктивность обращения к руководителю лечебного учреждения. При этом, подобное обращение может быть в двух формах: как в письменном виде, так и в устном. Небольшой разрыв, составляющий 1% между такими категориями как собственные переговоры с лечебным учреждением (13%) и обращения в органы прокуратуры (12%), отражает значительность как органов власти в решения проблем населения, так и собственного мнения, собственных сил, для решения конфликтной ситуации. Доля, определяющих страховую медицинскую организацию, выдавшую застрахованному полис обязательного медицинского страхования (принявшую на себя обязательства по защите его интересов) как детерминанту, среди существующего спектра способов защиты прав потребителей, составляет 11,4% респондентов. 10,8% наделяют органы управления «властью» разрешения сложившейся проблемы, в то время как 9,8%

горожан подобному, предпочитают судебное разбирательство (суд общей юрисдикции). Независимая оценка, как основной мотив, по мнению 7,4% саратовцев, является отражением обращения именно к независимой экспертизе по установлению фактических обстоятельств дела. 6,1% опрошенных действенным определяют обращение в независимые общественные организации и профессиональные ассоциации (союзы) при защите личных прав во время получения медицинской помощи. Третейский суд выступает в роли защитника 3,7% горожан, в то время как 3% респондентов считают лучшим функцию посредничества, нежели обращение в какие-либо вышестоящие правовые органы.

Многообразие путей решения конфликтной ситуации в сфере медицинских услуг позволяет сделать выбор наиболее оптимального для каждого. Самым легким и действенным является обращение к руководителю медицинского учреждения, и лишь потом выбор падает на правовые органы. Подобный выбор респондентов подтверждается мнением экспертов по данному вопросу: «В первую очередь нужно изложить проблему руководителю лечебного учреждения» — утверждает кандидат медицинских наук, главный врач медицинского центра Владимир Давыдов [3].

На 52% респондентов никто не повлиял при принятии решения об обращении/необращении в официальные инстанции по поводу некачественной медицинской помощи. В решении данного вопроса на каждого четвертого жителя города Саратова (20%) оказали влияние близкие родственники. На 19% саратовцев в этой проблеме повлияли друзья и знакомые. Средства массовой информации оказали воздействие на 1% горожан. 8% респондентов затруднились определить субъекта, повлиявшего на принятие решения об обращении/необращении в официальные инстанции. 30,2% опро-

Таблица 2. Способы защиты прав потребителей, % от ответов

Категория	Частота	% ответов	% респондентов
Обращение (жалоба) руководителю лечебного учреждения (устное и письменное)	104	15,4	81,9
Собственные переговоры с лечебным учреждением	88	13,0	69,3
Жалоба в органы прокуратуры	81	12,0	63,8
Обращение в страховую медицинскую организацию, выдавшую застрахованному полис обязательного медицинского страхования и принявшую на себя обязательства по защите его интересов	77	11,4	60,6
Обращение в орган управления здравоохранения (в управление здравоохранения района, Департамент здравоохранения города)	73	10,8	57,5
Судебное разбирательство в суде общей юрисдикции	63	9,3	49,6
Обращение в органы государственной власти, осуществляющие лицензирование медицинской деятельности	53	7,9	41,7
Независимая экспертиза по установлению фактических обстоятельств дела	50	7,4	39,4
Помощь независимых общественных организаций и профессиональных ассоциаций (союзов)	41	6,1	32,3
Третейский суд	25	3,7	19,7
Медиация (посредничество)	20	3,0	15,7
Итого	675	100,0	531,5

шенных горожан не стали обращаться с жалобами в официальные инстанции по факту некачественной медицинской помощи, так как у них не было времени этим заниматься. 26% саратовцев не видят смысла в этом и не верят в удовлетворительный результат обращения. У 12,5% респондентов на тот момент не было мотивации этим заниматься. Каждый десятый житель города Саратова (10,5%) не имеет необходимых знаний для составления грамотного обращения по поводу некачественной медицинской помощи. Знакомые отговорили не обращаться в официальные инстанции 7,3% респондентов. 4,2% горожан уже имели опыт негативного результата

обращения с жалобами по поводу некачественных медицинских услуг. У 3,1% жителей города Саратова не было финансовых возможностей для подготовки грамотно составленного документа. 2,1% саратовцев не считали нужным вообще заниматься этой проблемой. Также не имели достаточно информации по данному вопросу и вообще не знали, что возможно куда-либо обратиться в подобной ситуации 2,1% респондентов соответственно.

Таким образом, большинство опрошенных не стали обращаться с жалобами по поводу оказания им некачественных медицинских услуг, так как не имели времени

Таблица 3. Аргументы респондентов в пользу необращения с жалобами в официальные инстанции по факту некачественной медицинской помощи, % к опрошенным

Категория	%
Не было времени этим заниматься	30,2
Не вижу смысла, так как не верю в удовлетворительный результат	26,0
На тот момент не было мотивации этим заниматься	12,5
У меня нет необходимых знаний для составления грамотного обращения	10,5
Отговорили знакомые	7,3
Имел опыт негативного результата обращения	4,2
Не было финансовых возможностей для подготовки грамотно составленного документа	3,1
Не считаю нужным вообще заниматься этим вопросом	2,1
У меня нет (недостаточно) информации об учреждении, в которые я могу обратиться по данному вопросу	2,1
Я вообще не знал, что с подобными вопросами куда-то можно обращаться	2,1
Итого	100,0

этим заниматься и не верили в удовлетворительный результат своего обращения. Это может быть связано с тем, что процедура рассмотрения жалоб занимает большое количество времени и средств.

Сегодня в ходе различных конфликтов участники все чаще прибегают к медиации (от лат. *mediare* — посредничать). Это — способ внесудебного решения конфликта с участием нейтрального посредника (медиатора), представляющего третью сторону. Такой способ разрешения спора считается мягким, альтернативным, так как все субъекты конфликта самостоятельно обсуждают его и приходят к решению, наиболее выгодному и безболезненному для всех сторон. Этот способ является проявлением партнерских взаимоотношений сторон и все чаще применяется в здравоохранении, так как помогает сохранить время, финансы, силы сторон.

Согласно результатам, полученным в ходе исследования, самым распространенным пониманием жителями города Саратова термина «медиация» является «посредничество» (11,1%). На втором месте по распространенности является такое определение, как «переговоры конфликтующих сторон в присутствии третьего лица, не заинтересованного в решении данного спора» (5,9%). 3% опрошенных уверены, что данный термин обозначает помощь независимого эксперта.

Чуть менее популярным является отношение к данному понятию как к деятельности, направленной на собственное изменение и улучшение (2,2%). По 1,5% жителей города считают, что медиация — это сфера деятельности, с помощью которой можно улучшить здоровье больного или распространение медицинских препаратов и биодобавок. Мнение о том, что данный термин означает нечто, связанное с видео, медиаресурсами или распознаванием и лечением болезней также имеет место среди респондентов (по 0,7%). Столько же опрошенных (0,7%) уверены, что значение этого слова расшифровывается как «сотрудничество». Важно отметить, что не дали ответа или затруднилось пояснить это понятие подавляющее большинство респондентов — 72,5% (48,1% и 24,4% соответственно), что говорит о том, что население мало знакомо с явлением медиации и лишь малое количество жителей обращались к подобной услуге раньше.

Исследование показало, что четвертая часть жителей города Саратова (25,2%) не готова привлечь к разрешению конфликтных ситуаций, в том числе при оказании некачественной медицинской помощи, нейтрального независимого посредника, в то время как пятая часть (19,3%) высказали желание обратиться к посреднику. Не смогли определиться с ответом 55,6% опрошенных, что вызвано более низким уровнем распространенности сведений о сути медиации и о существовании такого явления.

Наиболее распространенной причиной, по которой в случае возникновения конфликтных ситуаций по поводу получения некачественной медицинской помощи саратовцы готовы прибегнуть к помощи нейтрального независимого посредника, является необходимость в услугах специалиста (30%). Также значимыми мотивами являются получение либо просто качественной медицинской помощи, либо медицинских услуг, соответствующих всем стандартам (20% и 15%). Десятая часть жителей города Саратова обращаются к медиаторам для поддержки, подтверждения своей правоты или чтобы выяснить ситуацию, уточнить, справедливо и быстрее все решить. Отсутствие помощи и доверия к врачам вызывает желание прибегнуть к медиации у 5% опрошенных.

Напротив, наиболее распространенной причиной, по которой саратовцы не желают пользоваться услугами медиатора является сомнение в действенности этого метода. Данной позиции придерживается треть населения города (31,8%) что представляет собой модальную характеристику по данному вопросу. По 22,7% опрошенных либо не хотят привлекать посредников, либо просто не видят смысла в данном действии. Полностью уверены в собственных силах 18,2% жителей, и только для 4,5% респондентов причиной является недоверие к посредникам.

На основе полученных данных очевидно, что подавляющее большинство саратовцев не сталкивались прежде с термином «медиация» и практически не имеют представления о его значении либо трактуют его неверно, что говорит о крайне низкой распространенности данного явления среди жителей города. Однако они с большим доверием относятся к медиации и испытывают больше ожиданий к этой форме разрешения конфликтов в здравоохранительной сфере.

Таблица 4. Причина обращения к медиации, % от общего

Вариант ответа	Вал. %
как к специалисту, независимому человеку (это должен быть профессионал, имеющий опыт подобных дел)	30
получение качественной медицинской помощи	20
чтобы получить достойную медпомощь, соответствующую всем стандартам	15
необходима поддержка, помощь	10
уверенность в действенности данного способа (медиации)	10
чтобы выяснить ситуацию, уточнить, справедливо и быстрее все решить	10
помогать некому, врачам не доверяю	5
Итого	100

Литература:

1. Самооценка здоровья [Электронный ресурс]/Справочно-информационный интернет-портал АЗБУКА ЗДОРОВЬЯ — Режим доступа: <https://azbukazdorova.wordpress.com/2010/05/03,07,13>.
2. Социологический опрос «Медицинские услуги в общественном мнении саратовцев», проведен в 2014 году методом анкетирования населения от 18 до 77 лет, отобранных по целевой выборке — пациентов, получающих медицинские услуги.
3. Куда жаловаться на некачественные медицинские услуги? [Электронный ресурс]/Справочно-информационный интернет-портал АиФ — газета Аргументы и факты — Режим доступа: <http://www.aif.ru/health/dontknow/10873>. 20.07.13

Влияние экономических факторов на особенности развития девиантного поведения в Царицыне в конце XIX — начале XX вв.

Сухова Анна Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент;
Селезнева Ирина Геннадьевна, кандидат социологических наук, доцент;
Австрийсков Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент
Волгоградский государственный технический университет

В данной работе была проанализирована природа и специфика различных форм девиаций в Царицыне конца XIX века — начала XX вв., описаны основные социально-экономические факторы, способствующие развитию аномии в данный исторический период в обществе. Исследован мотивационный комплекс, структура и формы девиантного поведения, представлены тенденции развития девиаций.

Ключевые слова: модернизация, девиантное поведение, аномия, личностная дезорганизация, маргинализация, экономическая стабильность, социальная норма, экономический кризис, поведенческие ожидания, социальное благополучие.

Условия экономического кризиса, социально-экономическая ситуация резко обострили проблемы, связанные с коррекцией отклоняющегося, аномального поведения в Царицыне конца XIX века — начала XX вв. Изменения, происходящие в обществе, практически разрушили ранее существовавшие представления о норме в поведении. Так как в каждом регионе, на каждом предприятии решаются проблемы и вопросы оплаты труда, распределения и перераспределения доходов, а, следовательно, сталкиваются интересы миллионов людей, интересы различных социальных групп, работников и работодателей, то понимание принципов функционирования системы социальных отношений приведет к сглаживанию противоречий между обществом, государством и наемными работниками.

Специфическая структура гендерных исследований предполагает системный анализ половой дифференциации не столько в качестве биологически определенной, сколько в качестве социальной структуры. Гендерные особенности непосредственно связаны с конкретными особенностями социальной адаптации индивидов и представляет собой социальную конструкцию. Состояние и анализ девиантного поведения является одной из важных характеристик развития общества, своеобразным показателем его благополучия и стабильности. Девиация вообще

и женская, в частности, связана с конкретными историческими условиями жизни общества, то есть зависит от множества экономических и социальных факторов.

Достаточно сложным историческим этапом для России была вторая половина XIX века. Этот период характеризовался совокупностью процессов индустриализации, урбанизации, изменения механизмов политической власти. В Нижнем Поволжье в это время наблюдалось бурное экономическое развитие, активное вовлечение женщин в производственную и социальную деятельность. На этой основе шло постепенное изменение восприятие правового статуса данной группы и психологии поведения. Царицын быстро развивался и становился одним из торгово-промышленных центров, с каждым годом, привлекающим все большее количество работного люда, который в летний сезон превышал численный состав коренных жителей. Некоторые сезонные работники обосновывались в Царицыне, другие приезжали весной, а исчезали с закрытием навигации.

Надо отметить, что еще в середине XIX в. Царицын отставал в своем развитии от быстро развивающихся соседних городов (например, Саратова). Общая площадь Царицына в то время равнялась 3 верстам (с предместьем до 6 верст). Жители города разводили сады, выращивали бахчевые культуры, содержали постоянные дворы и ловили

рыбу. В большом количестве из Волги вылавливали стерлядь, осетра, белорыбицу, севрюгу, судака, сазана ежегодно на 30 тысяч рублей серебром. В городе также существовало много торговых лавок: 30 молочных, 10 мучных, 4 рыбных, 15 мясных и др. Имелась городская больница на 45 коек, 3 частных богадельни для вдов, убогих и сирот. Современники и путешественники того времени отмечали, что простые люди ходили в одних рубашках, а муниципальные советники только в торжественных случаях надевали на себя ситцевые халаты и сапоги.

В 1868 году, было начато и в том же году закончено строительство Грязе-Царицынской железной дороги, а в 1897 году была открыта Царицын-Тихорецкая железная дорога [2, Д 1, Л. 3]. Связь с пристанями осуществляли построенная Волжская станция и железная дорога, соединившая по берегу Волги лесные и соляные причалы с основными железнодорожными магистралями. Город превратился в мощный узел железнодорожных и судоходных путей. Так что с уверенностью можно сказать, что за короткое время наш город Царицын вырос в крупнейший торговый и перевалочный пункт не только на Волге, но и в стране. Донецкий уголь и руду отправляли на Урал, а лес и бакинскую нефть — на Украину. Теперь Царицын был связан с Ригой, а русский хлеб и лес стали вывозить за границу. Надеясь на богатую добычу, сюда быстро устремился русский и иностранный капитал. Известные промышленники братья Максимовы построили здесь свои лесозаводы, появилась шведская фирма нефтепромышленников Нобель, пароходы Зевеке швартовались к собственным пристаням. В конце XIX. — начале XX вв. были построены и начали работать гвоздильно-проволочный завод братьев Серебряковых, механический завод промышленника Барышева, металлообрабатывающий завод Грабилина. Легкая промышленность в Царицыне была представлена несколькими кожевенными заводами, мыловаренным заводом купца Кулыгина, двумя ватными и чулочной фабриками. Работали также 2 крупные паровые мукомольные мельницы, 4 пивоваренных и водочный заводы, около двух десятков колбасных и кондитерских заведений.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод, что Царицын по сути за полстолетия превратился а самый развитый индустриальный центр юго-востока России. Если в 1861 г. в Царицыне проживало 7 тыс. жителей, то в 1897 г. их было 56, 5 тыс., а в 1903 г. — 79, 8 тыс. Будучи уездным городом, Царицын по числу жителей обогнал такие развитые губернские центры, как Владимир, Калуга, Кострома, Вятка, Орел, Пермь, Смоленск, Тверь, Тамбов, Рязань, Уфа и другие. Именно за высокие темпы роста населения Царицын в то время называли «Русским Чикаго».

Процесс модернизации российского общества принёс в Царицын не только много позитивных перемен, но, разрушая традиционный уклад жизни, способствовал развитию девиантного поведения населения, в том числе и его женской части.

Само положение Царицына — крупного узла железнодорожного и водного транспорта — способствовало тому, что он сделался перевалочным пунктом как для проезжающих «гастролирующих» профессиональных преступниц, так и для транспортировки и сбыта разного имущества преступного происхождения. Специальные криминологические исследования свидетельствуют, что наряду с самым популярным для женщин способом тайного хищения чужого имущества — так называемым свободным доступом — женщины все чаще стали прибегать к таким традиционно мужским приемам, как проникновение в жилище или помещение путем взлома окна, выбивания двери, взлома замка и даже стены (в общей сложности в 35% случаев) [2, Д 1, Л. 9]. В преступлениях более сложных по способу совершения (поджог застрахованного имущества для получения страховки, мошенничество, разбой, грабёж), женщины выступали в роли соучастниц. Преступления против личности, как правило, были направлены против близких людей (детей, мужей, родственников, сожителей). Правонарушительницы, в отличие от мужчин, больше тяготели к скрытым способам убийства — отравление, убийство во сне и другим. Выделялись типично женские преступления — плодоизгнание и детоубийство. Девиации против общественного порядка (беспатентная торговля вином, клевета, незаконное сожительство) совершались женщинами довольно часто и были очень схожи с мужскими правонарушениями данного рода [2, Д 1, Л 12]. Девиации против порядка управления занимали значительное место в общем количестве женских правонарушений, однако наказанию подвергались далеко не всегда. Как правило, при погроме помещичьих имений или сопротивлении властям, которые составляли основную массу правонарушений данного вида, женщины не выступали в роли организаторов и не принимали активного участия, ограничиваясь мелкими кражами. Подавляющая масса преступлений против веры была связана с принадлежностью к деструктивным сектам, в которых женщины, как правило, составляли большинство. Преступления против постановлений государственных и земских (нарушение постановления о повинностях земских и военной службы), против имущества и даров казны (изготовление фальшивых денег или нарушение разного рода уставов, например, монетного, о соли и других) можно считать типично мужскими правонарушениями, женщинами они совершались крайне редко.

Комплиментарная структура женской преступности в значительной мере определялась положением женщины в обществе, семье, уровнем образования, её образом жизни и менталитетом. В видовой структуре женских преступлений преобладали корыстные правонарушения над насильственными. Мелкие корыстные преступления (кражи, беспатентная торговля вином и другие), составлявшие подавляющее большинство, совершались женщинами в одиночку. В корыстных преступлениях, более сложных по способу совершения (поджоги застрахованного имущества, разбой, грабежи, мошенничество, изго-

товление фальшивых денег или нарушение разного рода уставов, например, горного, монетного, о соли и других), женщины фигурировали лишь как соучастницы. В насильственных преступлениях женщины нередко проявляли далеко не женскую жестокость. «Львиную долю» женских жертв составляли дети, мужья, ближайшие родственники, на жизнь которых женщина, как правило, покусалась самостоятельно. При посягательстве на жизнь посторонних людей правонарушительницы, в большинстве случаев, прибегали к помощи мужчин [2, Д. 1, Л. 4].

Изучение женского девиантного поведения даёт возможность для более системного анализа экономических, политических, правовых и других аспектов существования женщин во второй половине XIX в., способствует формированию представления о том, как менялось их положение в провинциальном обществе под влиянием модернизационных процессов в условиях разрушения патриархальных устоев, постепенной трансформации семьи и ценностных ориентаций. Исследование девиантного поведения женщин помогает дополнить представление о сферах семьи, частной жизни, традиционно приоритетных для женщины, дает возможность выявить последствия активного включения женщин в производственную и социальную деятельность.

Регионально ориентированное изучение женской преступности, ограниченное рамками Царицына, одного из развитых провинциальных городов поволжского региона, позволяет проанализировать основные особенности женского девиантного поведения того времени. Царицын во второй половине XIX — начале XX вв. был развитым индустриальным центром юго-востока России. Подобная специализация региона откладывала отпечаток на развитие города в целом и способствовала ломки традиционного общества. Несмотря на реформы и начавшуюся модернизацию, разрушение патриархальных устоев происходило крайне медленно. В большей степени эти процессы влияли на мужское население. Провинциальная женщина, особенно в небольшом городе, по-прежнему была замкнута в семейных заботах и крайне мало была втянута в общественную и производственную деятельность. Положение женщины в уголовном праве во второй половине XIX рассматривается в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., являвшегося базовым законодательством уголовного права данного исторического периода. Подробный анализ данного законодательства показал, что в уголовном праве положение мужчин и женщин было одинаковым. Современный принцип равенства всех преступников перед законом, независимо от пола, имел место и во второй половине XIX в. Небольшие «привилегии» (облегчённые кандалы, освобождение беременных от тяжёлых работ, ограничение в применении телесных наказаний и смертной казни и так далее) не позволяют говорить об особом статусе женщин в уголовном законодательстве.

Анализ женской и мужской девиации показывает, что на динамику преступности в Царицыне во второй половине XIX — начале XX вв. влиял комплекс разнообразных факторов.

Так, ужесточение режима в годы царствования Александра III привело к снижению женской преступности в Царицыне, лишь иногда уровень ее немного поднимался и то, только в годы неурожая и экономического кризиса. В начале правления Николая II сохранялся прежний уровень женской преступности в Царицыне, затем на развитие девиантного поведения женщин стало действовать достаточно много факторов (экономический кризис 1900—1903 гг., русско-японская война, революция 1905—1907 гг., Первая мировая война). В то же время показатели женской преступности в Царицыне были крайне низкими и почти неизменными по десятилетиям, особенно в сопоставлении с численностью женского населения. Правонарушительницы, осуждённые за крупные преступления, ежегодно составляли от 0,003% до 0,011% от общего числа жительниц города. Всплесков преступности, подобных мужским, у женщин не было [2, Д. 3, Л. 4].

Как показало исследование, мотивационный комплекс женских девиаций в Царицыне во второй половине XIX фактически не зависел от политических процессов, происходивших в государстве, и в большей мере зависели от положения женщины в социуме, семье и ее психологических особенностей. Финансовые преступления женщин почти всегда были активизированы корыстными мотивами, нередко подпитываемые простой нуждой. Делинквентное поведение женщин против личности тоже достаточно часто были связаны со стремлением к удовлетворению личных материальных и других потребностей. В свою очередь агрессия, направленная на семью и близкое окружение была вызвана эмоциональной реакцией женщины. Важное значение, в преступных девиациях женщин имели психологические особенности царицынских преступниц. В преступлениях против городского благоустройства, как правило, доминировали корыстные мотивы и нужда. Преступления против порядка управления наряду с мотивом защитной агрессии (сельскохозяйственными забастовками и погромами имений население проявляло неприятие существовавшего порядка вещей) у женщин в большей степени стимулировались и корыстно-потребительскими мотивами, поскольку основная масса женского населения губернии была достаточно аполитична. Преступления против веры во многом были связаны с узостью образования населения. Женские девиации в данный период в Царицыне многогранны, так как они разворачиваются в многомерном социальном пространстве, которое характеризуется массой точек социальной напряженности. Кардинальная ломка старых ценностных ориентиров, традиционно приоритетных для женщины, при выработке официального идеологического курса преломляется в массовом сознании в лучшем случае полным регрессом духовной сферы, а в худшем — активизацией цинизма и открытым отказом от нравственного социального поведения.

Особое место в системе женских девиаций занимало и такое явление как проституция. С 1843 года проституция была объявлена терпимой; полиция должна была выискивать женщин, сделавших из проституции ремесло, ставить

их на учёт и подвергать медицинскому освидетельствованию; для этих целей в Царицыне и других крупнейших городах были созданы особые врачебно-полицейские комитеты. Было две основных категории проституток: билетные (работающие в публичном доме) и бланковые (работающие на съёмных квартирах под присмотром сутёров). Проститутка была обязана являться в полицию и подвергаться освидетельствованию и медицинскому осмотру 2 раза в неделю (норма была отменена в 1909 году). У проститутки отбирался паспорт и взамен выдавалось особое свидетельство, называвшееся «желтый билет». В Царицыне в 1890 г. домов терпимости было отмечено 22, тайных притонов 32, проститутных домов терпимости 65, одиночек 287 (это — минимальные цифры, фактически, видимо, больше). Публичные дома в Царицыне делились на три категории. В борделях высшей категории за визит платили 100 рублей, а суточная норма была 5–6 человек. В борделях средней категории — суточная норма 10–12 человек при цене 1–7 рублей. Низшей — 30–50 копеек при суточной норме 20 человек и более.

При этом необходимо отметить, что самыми частыми и распространенными женскими преступлениями были покушения на собственность, в частности, кражи, совершаемые женщинами, как правило, в одиночку. Оставаясь по-прежнему доминирующим «дамским промыслом», доля этих посягательств в структуре преступности женщин, несколько сократилась (с 35,7% в 1893 г. до 22,1% в 1900 г.). Эта группа преступлений претерпевает весьма ощутимую качественную трансформацию [2, Д 1, Л. 4]. Если еще в начале 90-х гг. отмечалось, что женщины-воровки охотнее совершали кражи общественного имущества, которые в какой-то мере оправдывались не только их индивидуальным, но и групповым сознанием, то затем картина существенным образом изменилась. В 1896 г. 72,2% краж было сопряжено с похищением личного имущества граждан. Изменились и способы совершения этих преступлений.

Вначале XX вв. грабежи и кражи распространились особенно широко. Из совершенных в марте 1903 г. преступлений по Царицыну, кражи составили более 50%. По сути, они стали ежедневным, повседневным явлением. И все усилия полиции не могли сбить эту растущую волну преступлений против имущества граждан. Особенно низка была раскрываемость так называемых домашних краж, то есть краж белья и одежды из запертых и незапертых помещений, о которых начальник сыска писал: «Они производились по острой нужде, укравший одежду или белье надевает таковые под свою верхнюю одежду, и найти его составляет неразрешимую задачу, так как раздевать население всего района вокруг происшедшего случая, практически неосуществимо» [2, Д 1, Л. 38]. Социальные преобразования не только демонтировали экономический уклад общественной жизни российского общества, но и изменили ценностные ориентиры. Соответственно, произошла утеря нормативно-ценностных оснований, которые необходимы для поддержания социальной солидарности и обе-

спечения приемлемой социальной идентичности. В этих обстоятельствах возникают различные формы девиантного поведения, как у мужчин, так и у женщин, выражающиеся как в социальных инновациях, так и в социальном протесте. В определенном приближении некоторые отклонения можно в достаточной степени уверенно характеризовать как позитивные, которые служат средством конструктивного развития общественной системы, повышения качества и уровня ее функционирования, организованности.

Девиации свидетельствуют о наличии исторических предпосылок, объективных и субъективных условий, о противоречивости общественного развития, в котором тесно переплелись как трудности становления и развития, так и деформация экономических, социальных, политических и духовных процессов.

Известно, что все социальные системы жестко ограничены в своем развитии эволюционными закономерностями. Устойчиво функционирующее общество может двигаться только вверх. Оно лишено возможности спускаться вниз или оставаться долго на одном месте. Несмотря на наличие разнообразных теоретических подходов к рассмотрению социальных изменений (Г. Зиммель, Р.К. Мертон, А. Гидденс, П. Штомпка и др.), главное заключается в том, что эти изменения являются не только результатом естественного процесса развития социальных систем, но и преобразующей деятельности человека. Девиации, во — первых, существуют потому, что новая социальная система возникает не на пустом месте, а вырастает из ряда элементов прежней системы — идет ли речь о людях или об элементах производительных сил, духовной или материальной культуры. Во-вторых, процесс развития новой экономической системы неравномерен, а это порождает диспропорцию в соотношении ее элементов и приводит к отставанию некоторых из них. В-третьих, наблюдается неполная адаптация развивающейся системы к внешним и внутренним условиям ее существования. Все это в совокупности и является конкретным источником различных девиантных явлений.

Основное, что не следует упускать из виду, это существование различных форм социального неравенства. Имущественная дифференциация населения превзошла все разумные критерии и опыт развитых стран мира, что повлекло за собой вступление общества в зону социальной нестабильности.

В заключении можно сделать вывод, что каждый вид преступления был обусловлен собственными побудительными мотивами. Совершение женщинами преступлений в большой мере зависело от индивидуальных психических особенностей личности, специфики микросреды, в которой она находилась, степени господства патриархальных традиций и силы довлеющего над женщиной общественного мнения. Определенное значение имели особенности развития региона, степень его включенности в политические, экономические и социальные процессы, происходившие в государстве во второй половине XIX и начале XX в.

Литература:

1. Гончарова, О. В. Повседневная жизнь провинциального российского города на рубеже XIX–XX вв.: на материалах Нижнего Поволжья: диссертация... кандидата исторических наук/О. В. Гончарова. — Астрахань, 2007. — 203 с.
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-249. Оп. 2.
3. Мастюгина, Т. М. Русский город, гражданское общество и рынок (исторические предпосылки современных урбанизационных процессов)/Т. М. Мастюгина. — М., 1992. — 325 с.
4. Миронов, Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие/Б. Н. Миронов. — Л., 1990. — 271 с.
5. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т./Б. Н. Миронов. — СПб., 2000. Т. 2. — 583 с.
6. Романова, О. Е. Деятельность городского самоуправления Нижнего Поволжья в решении хозяйственных и социальных вопросов в 1870–1914 гг. Дисс.... канд. ист. наук/О. Е. Романова. — Астрахань, 2003. — 223 с.
7. Рындзюнский, П. Г. Городское гражданство пореформенной России/П. Г. Рындзюнский. — М., 1958. — 452 с.
8. Царицын в путевых записках, дневниках и мемуарах современников (конец XVI в. — 1917 г.). В 4 т./под общей ред. проф. М. М. Загорюлько. — Волгоград: 2005. Т 4. — 394 с.

ПСИХОЛОГИЯ

К вопросу о формировании толерантного поведения подростков в условиях межэтнического общения

Коробова Екатерина Александровна, студент
Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

В статье представлена попытка изучения толерантного поведения подростков в условиях межэтнического общения, а также представлены результаты исследования данного вопроса.

Ключевые слова: толерантность, толерантное поведение, подростковый возраст, межэтническое общение.

On the formation of tolerant behavior of adolescents in terms of interethnic communication

Korobova Ekaterina Alexandrovna, student
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas Branch)

The article is an attempt to study the tolerant behavior of adolescents in terms of inter-ethnic communication, as well as the results of research on this subject.

Keywords: tolerance, tolerant behavior, adolescence, inter-ethnic communication.

Проблема толерантного поведения подростков в условиях межэтнического общения всегда была и остается актуальной в многонациональном российском обществе. Изучая теоретические аспекты этнической культуры, можно сделать вывод о том, что уровень межнациональной толерантности в России снижается, что связано прежде всего с увеличением миграционных потоков, и как следствие, с ростом межэтнических конфликтов, с появлением трудностей национальной идентификации и др. В современных условиях все чаще происходят случаи насилия и агрессии, нацизма и этноэгоизма, которые вызваны социально-экономической напряженностью в стране, растущей коррупцией, снижением рабочих мест, игнорированием идеалов и ценностных установок.

В отечественной и зарубежной литературе проблемой толерантного поведения занимались В. С. Агеев, А. Г. Асмолов, П. Бейль, Е. С. Богардус, С. К. Бондырева, И. Кант, Я. Корчак, Н. М. Лебедева, М. Монтель, С. Р. Роджерс, П. В. Степанов, Т. Г. Стефаненко, А. А. Сыроедова, М. Уолтер, М. Юнг и др. Согласно Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 1995 г., «толерантность озна-

чает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности, это гармония в многообразии, это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [1]. По мнению М. С. Мацковского, «толерантность — определенное качество взаимодействия между субъектом и объектом толерантности, характеризующее готовностью субъекта принимать социокультурные отличия объекта, включающие в себя внешние признаки, высказывания, особенности поведения и т. д.» [3]. Если изучать данное понятие с позиции О. Ю. Харламова, то «толерантность характеризует отношения личности, группы, общества друг к другу и может проявляться в смирении или принятии» [6]. Феномен толерантности может рассматриваться в различных аспектах: философском, этическом, социокультурном, психологическом, педагогическом и др. Таким образом, толерантность — это многоаспектное явление, которое состоит в формировании и развитии личности, уважении чувств и ценностей другого народа, принятии норм общества

и готовности взаимодействовать, праве человека на свободу мысли и самовыражение.

В научной литературе встречаются три вида толерантности: личностную, социальную и этническую. Личностная толерантность включает в себя ценностно-смысловое содержание, в котором центральное место занимают уважение к личности, ее права и свободы, выражение внутреннего мира и интересов. Социальная терпимость отражается во взаимодействии личности с различными индивидами и группами, она выражается в партнерском равноправном отношении, где должны соблюдаться все правила и договоренности для достижения общих целей и выполнения общественно значимых задач. Этническая толерантность проявляется в понимании норм народов различных конфессий, уважении образа жизни других наций, умении сотрудничать с разными этническими группами, признавать обычаи и верования различных наций. Формирование межнациональной и межконфессиональной толерантности длительный, сложный процесс, начинающийся в раннем детстве и протекающий в течение всей жизни. Этот вид толерантности ориентирует на уважение ценностей других культур, продуктивному взаимодействию с ними, повышению уровня адаптации в непривычных условиях, выдержке в критических ситуациях. Российская Федерация является многонациональной страной, поэтому с раннего возраста воспитывать в детях культуру межкультурного общения, основанного на нравственности, понимании и терпимости.

Формирование толерантного поведения сложный и многоуровневый процесс, в котором необходимо учитывать возрастные особенности и новообразования данного периода жизни. Особые трудности возникают с ребятами старших классов. Пубертатный период является трудным и критичным для человека, так как происходят изменения всех сторон развития ребенка: личностной сферы, мотивационно-нравственной, эмоциональной, а также смена видов его деятельности. Меняются условия жизни и функционирования индивида, следовательно, происходит перестройка психики. Подростковый возраст характеризуется расширением социальной среды, ребята пересматривают взгляды и ценностные установки, переосмысливают свои отношения с окружающей их действительностью. Меняется ведущий тип деятельности, основным становится интимно-личностное общение, что приводит к усилению влияния сверстников, формируются новые интересы и виды общения. Подростки становятся более взрослыми и самостоятельными, поэтому авторитет семьи снижается. Во время этого периода происходит кризис идентичности, характеризующийся заострением взгляда на себе, своих интересах, увлечениях, месте в референтной группе. В основе данного процесса лежит личностное самоопределение, имеющее ценностно-смысловую природу. Таким образом, подростковый период вносит большое количество изменений в становление личности, которые необходимо учитывать родителям при общении с ребенком и педагогам при построении учебно-воспитательного процесса.

Т.Т. Щелина среди специфических особенностей современной системы образования выделяет возникновение конкурентных и даже «коммерческих» отношений в классах и проникновение различных контркультурных влияний, обусловленных ослаблением воспитательного процесса [7]. В законе РФ «Об образовании» выделен один из основных принципов содержания образовательных программ: обучение должно быть направлено на развитие и прогресс общественной деятельности, которая строится на взаимопонимании и сотрудничестве людей, независимо от половой, расовой, национальной, этнической и религиозной принадлежности [2]. Следовательно, перед общеобразовательной школой ставится задача воспитания ответственного гражданина, способного к активному взаимодействию и коммуникации, умеющего адаптироваться в изменяющихся условиях окружающей среды, мобильного и разносторонне развитого.

Важным условием продуктивной учебной деятельности является профессионализм и опыт учителя. Педагогу необходимо выбрать такую модель преподавания, в которой будут объединены основная общая учебная программа и знания национальной культуры. Ознакомление с историей различных народов, встречи с представителями других наций, проведение круглых столов и дискуссий, ролевые игры и моделирование условных ситуаций, позволяют ребятам узнать о традициях и обычаях этносов, их истории, социально-бытовом укладе и т.д. Такие занятия способствуют образовательному росту личности, преодолению кризиса идентичности, становлению этнокультурного взаимодействия. Развитие толерантности происходит через осознание ребенком моральных ценностей, нравственных установок, моделей поведения. Понимание содержания оказываемого родителями и педагогами воздействия приводит к переосмыслению собственного миропонимания и поведения. В результате формируются новые установки, нормы поведения и ценности, собственная культурная идентичность.

В данной работе представлены результаты исследования, проведенного с целью изучения формирования толерантного поведения подростков в условиях межкультурного общения. Опытной-экспериментальной базой выступила МБОУ Дивеевская СОШ, в исследовании приняли участие 27 учащихся 11 класса (9 мальчиков, 18 девочек).

Для определения типов этнической идентичности мы использовали методику Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой, которая позволяет диагностировать этническое самосознание и его трансформации в условиях межкультурной напряженности [4].

По результатам исследования было выявлено, что у 100% ребят этническая идентичность находится в норме (15–19 баллов). Это говорит о принятии своего народа и положительном отношении к представителям других этнических групп, готовности взаимодействовать, обмениваться опытом. Показатели по шкале этнонигилизм находятся в пределах от 1 до 5 баллов, это свидетельствует

о стойкой принадлежности к какой-либо этнической группе. Баллы по шкале этническая индифферентность колеблются от 5 до 12, что указывает на низкий и средний уровни размывания этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности. Этноэгоизм проявляется на низком уровне (15–19 баллов), данный тип идентичности выражается в приоритете своей этнической группы, может звучать сарказм в отношении других народов, нежелание находиться рядом, заниматься общим делом. Показатели по шкале этноизоляционизм — убежденность в превосходстве своего народа, отрицание смешения народов, выражение протеста межнациональных браков и т. д., имеют минимальное значение от 7 до 10 баллов. Этнофанатизм также проявляется слабо (2–9 баллов), отражает готовность на любые поступки для «очищения» своей нации, не признание прав и свобод людей других национальностей.

Использование экспресс-опросника Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгерова «Индекс толерантности» [5], позволило нам определить общий уровень толерантности ребят. Мы выявили, что у 22 учащихся (81,5%) средний уровень толерантности, для них характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт, в одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявлять интолерантность. У 5 ребят (18,5%) — низкий уровень толеран-

ности, что свидетельствует о наличии у них выраженных интолерантных установок по отношению к окружающему миру и людям.

Для качественного анализа аспектов толерантности в этом опроснике используется разделение на субшкалы: этническая и социальная толерантность, толерантность как черта личности. Были получены следующие результаты: по субшкале этническая толерантность (отношение к представителям других этнических групп) были получены следующие результаты: средний уровень этнической толерантности у 21 подростка (77,8%), низкий — у 6 ребят (22,2%); социальная толерантность (помогает исследовать положительные и отрицательные установки в отношении различных социальных групп): на высоком уровне у 3 учащихся (11,1%), на среднем уровне у 18 (66,7%), на низком у 6 (22,2%); толерантность как черта личности (личностные черты, установки и убеждения): на среднем уровне у всех школьников, однако, у 5 человек (18,5%) данное значение равно минимальному порогу.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о необходимости целенаправленной работы по формированию толерантного поведения, изучению культуры и истории различных этнических групп, верований и ценностей других народов, что является основой конструктивного межэтнического общения.

Литература:

1. Декларация принципов толерантности. URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (дата обращения: 13.02.2015)
2. Закон 273-ФЗ «Об образовании в РФ»: офиц. текст. — М., 2013.
3. Мацковский, М. С. Толерантность как объект социологического исследования. — М.: Центр СМИ МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. — 143 с.
4. Харламова, О. Ю. Воспитание у студентов вузов профессиональной толерантности в ходе обучения иностранному языку. — СПб.: Питер, 2004. — 208 с.
5. Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности. — М.: Смысл, 1998. — 389 с.
6. Солдатова, Г. У. Психодиагностика толерантности личности. — М.: Смысл, 2008. — 172 с.
7. Щелина, Т. Т. О духовном измерении педагогики // Высшее образование в России. — 2005. — №4. — с. 151–154.

Выявление учебно-профессиональной мотивации в процессе обучения в вузе (на материале тестирования студентов-дефектологов 1–3 курсов)

Лаврентьева Ирина Владимировна, старший преподаватель;
Игнатенко Кристина Михайловна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Мотивация учебно-профессиональной деятельности студентов относится к числу профессионально значимых личностных характеристик. Она является как показателем, так и критерием успешности и качества профессионального становления будущего специалиста.

Мотивация определяет содержательную избирательность в учебной деятельности. Для обеспечения эффективности обучения необходимо, чтобы особенности построения и организации учебного процесса на разных этапах образования отвечали мотивационной сфере студента.

Переход от старшего школьного возраста к студенческому сопровождается противоречиями и ломкой привычных жизненных представлений. Необходимо учитывать, что отличия в мотивации могут наблюдаться у студентов различных курсов, факультетов и специальностей.

Г.Е. Смирнова говорит о том, что высокий уровень профессиональной мотивации субъекта — одно из основных условий его эффективной профессиональной деятельности. Высокоразвитая профессиональная мотивация является источником профессионального саморазвития личности. Она направляет в будущее, обеспечивая продуктивное целеполагание, активность и настойчивость в достижении поставленных целей. Следовательно, развитие профессиональной мотивации является равноценной с другими задачами в процессе становления специалиста в вузе. [6, с. 86]

На этапе обучения в вузе мотивация будущей профессиональной деятельности органично формируется в недрах учебной мотивации. [4 с. 19] Под профессиональными мотивами будем понимать не любые, побуждающие деятельность в какой-либо реально или только осваиваемой сфере, но такие мотивы, которые подвигают субъекта к совершенствованию собственной деятельности — ее способов, средств, форм, методов и т. п. А.В. Сотникова говорит о том, что профессиональную мотивацию можно определить как совокупность потребностей, интересов, которые побуждают человека к профессиональной деятельности, к профессиональной самореализации и профессиональному совершенствованию. [7, с. 121] То, что заставляет функционировать профессиональные мотивы и актуализирует элементы, определяющие направленность человека — стимул, понимаемый как механизм вербального воздействия, активизирующий работу эмоциональной сферы. [2, с. 51]

Профессиональные мотивы по своей природе являются познавательными и поэтому могут формироваться в обучении.

На этапе овладения профессией мотивация, связанная с интересом к данной профессии, выступает в качестве ресурса и предпосылки, которые необходимы для развития профессионализма. Иными словами, студенту необходимы устойчивые профессиональные мотивы учебной деятельности и вполне адекватные представления о своей будущей работе. При наличии этих составляющих мотивации у студентов последние будут стремиться к постоянному развитию креативности, нацеленной на получение нового знания и формирования профессионально важных качеств. [3 с. 266]

В традиционной психологии принято выделять такие виды мотивации, как внешняя и внутренняя, положительная и отрицательная, устойчивая и неустойчивая мотивация. Рассмотрим эти виды подробнее.

Внешняя мотивация (экстринсивная) — это мотивация, не связанная с содержанием определенной деятельности, но обусловленная внешними по отношению

к субъекту обстоятельствами. Внутренняя мотивация (интринсивная) — мотивация поведения, определяющаяся внутренними психологическими факторами.

Экстринсивные (внешние) мотивы — такая группа мотивов, когда побуждающие факторы лежат вне деятельности. В случае действия экстринсивных мотивов к деятельности побуждают не содержание, не процесс деятельности, а факторы, которые непосредственно с ней не связаны (например, престиж или материальные факторы).

Если в процессе деятельности экстринсивные мотивы не будут подкреплены процессуально-содержательными, то есть интересом к содержанию и процессу деятельности, то они не обеспечат максимального эффекта. В случае действия экстринсивных мотивов привлекательна не деятельность сама по себе, а только то, что связано с ней (например, престиж, слава, материальное благополучие), а этого часто недостаточно для побуждения к деятельности.

Внутренняя мотивация проявляется тогда, когда человек, решая задачу, формирует мотивы. Например, это может быть стремление к достижению определенной цели, завершению работы, познанию, желание бороться, страх.

На основе внутренней мотивации люди действуют спокойнее; они добросовестнее выполняют работу, затрачивают меньше сил, лучше понимают задания и овладевают знаниями. Внутреннее побуждение к действию является результатом взаимодействия сложной совокупности изменяющихся потребностей, поэтому руководитель для осуществления мотивации должен определить эти потребности и найти способы их удовлетворения.

Л.С. Гринкруг считает, что к наиболее выраженным типам внутренних мотивов учения принадлежат: творческое развитие в процессе учения; действие вместе с другими и для других; познание нового, неизвестного. [1, с. 182]

Положительная и отрицательная мотивация. Мотивация, основанная на положительных стимулах, называется положительной. Зарубежные ученые-теоретики сходятся на том, что положительная мотивация наиболее эффективна, люди работают продуктивнее, не испытывая постоянного давления. Как правило, в момент положительной мотивации человек осознанно выполняет какую-либо трудовую деятельность, при этом у человека только положительные эмоции. **Мотив достижения успеха** — стремление человека добиваться успехов в различных видах деятельности и общения. Все действия направлены на то, чтобы достичь конструктивных, положительных результатов. Личность активна, инициативна, ищет способы преодоления препятствий, независима от внешнего контроля, настойчива при достижении поставленной цели.

Мотивация, основанная на отрицательных стимулах, называется отрицательной. Отрицательная мотивация отличается от положительной тем, что для человека она звучит как наказание, как материально, так и нематериально, за малейшую ошибку в работе. В психологическом смысле для каждого человека осознание отрицательной

мотивации всегда вызывает негативное впечатление. И как следствие этого выступает нежелание работать вообще и полностью поглощаться работой. Мотив избегания неудачи — относительно устойчивое стремление человека избегать неудач в жизненных ситуациях, связанных с оценкой другими людьми результатов его деятельности и общения. Такой человек характеризуется слабой инициативностью, избеганием ответственных заданий. Как правило, он предпочитает легкие задания, но иногда, наоборот, ставит неоправданно завышенные цели, необъективно оценивая свои возможности. Склонен к переоценке своих успехов в свете неудач. В экстремальных условиях результаты деятельности ухудшаются.

Целью нашего экспериментального исследования было выявление уровня учебно-профессиональной мотивации в процессе обучения в вузе. Базой исследования стал Кубанский Государственный университет. Выборку составили студенты 1–3 курсов дневной формы обучения, направления специального (дефектологического) образования в количестве 64 человек, в возрасте от 17 до 21 года.

Для проведения исследования нами были выбраны две методики: Т.Н. Ильиной «Мотивация обучения в вузе» и К. Замфир в модификации А. Реана «Мотивация профессиональной деятельности».

Методика Т.Н. Ильиной «Мотивация обучения в вузе». В ней имеются три шкалы: «Приобретение знаний» (стремление к приобретению знаний, любознательность); «Овладение профессией» (стремление овладеть профессиональными знаниями и сформировать профессионально важные качества); «Получение диплома» (стремление приобрести диплом при формальном усвоении знаний, стремление к поиску обходных путей при сдаче экзаменов и зачетов).

Интерпретация. Преобладание мотивов по первым двум шкалам свидетельствует об адекватном выборе студентом профессии и удовлетворенности ею.

С помощью методики Т.Н. Ильиной выявлен тип преобладающей учебной мотивации у студентов 1–3 курсов. Результаты представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, на первом курсе у 64% опрошенных студентов преобладает мотивация, направленная на получение диплома, на втором курсе — 61% и на третьем — 68%, можно заметить, что она находится примерно на одном уровне. Мотивация на приобретение знаний преобладает на первом курсе — 18%, на втором — 26%, на третьем — 32%. Можно заметить, что мотивация на приобретение знаний увеличивается от первого курса к третьему. Учебная мотивация, направ-

ленная на овладение профессией преобладает на первом курсе у 4,5%, на втором — 9%, на третьем таких студентов не выявлено. Здесь не прослеживается закономерности, очевидно, из-за небольшой выборки респондентов.

Результаты исследования ярко иллюстрируют сложившуюся картину, в которой учебная мотивация, направленная на получение диплома является основной у большинства студентов 1–3 курсов на протяжении всего процесса обучения.

Методика К. Замфир в модификации А. Реана «Мотивация профессиональной деятельности». Цель использования методики — диагностика мотивации профессиональной деятельности, в том числе мотивации профессионально-педагогической. В основу положена концепция о внутренней и внешней мотивации. К. Замфир использовала следующие критерии для определения типов мотивации:

- 1) денежный заработок;
- 2) стремление к карьерному продвижению по работе;
- 3) желание не подвергаться критике со стороны руководителя и коллег;
- 4) стремление избежать возможных наказаний или неприятностей;
- 5) ориентация на престиж и уважение со стороны других;
- 6) удовлетворение от хорошо выполненной работы;
- 7) общественная полезность труда.

Интерпретация. На основании полученных результатов определялся мотивационный комплекс личности. Мотивационный комплекс представляет собой тип соотношения между собой трех видов мотивации: ВМ, ВПМ и ВОМ. К оптимальному балансу мотивов принято относить $ВМ > ВПМ > ВОМ$ и $ВМ = ВПМ > ВОМ$, в котором внутренняя мотивация (ВМ) — высокая; внешняя положительная мотивация (ВПМ) — равна внутренней мотивации или ниже, но относительно высокая; внешняя отрицательная мотивация (ВОМ) — очень низкая и близкая к 1. Чем оптимальнее мотивационный комплекс (баланс мотивов), тем более активность студентов мотивирована самим содержанием профессионального обучения, стремлением достичь в ней определенных позитивных результатов. Наихудшие мотивационные комплексы представлены следующим соотношением: $ВМ < ВПМ < ВОМ$, $ВПМ = ВМ < ВОМ$, $ВПМ < ВМ < ВОМ$ и $ВОМ = ВПМ = ВМ$. Между этими комплексами заключены промежуточные с точки зрения их эффективности иные мотивационные комплексы. При интерпретации следует учитывать не только тип мотивационного комплекса,

Таблица 1. Соотношение студентов 1–3 курсов по мотивам учебной деятельности

Курс	Овладение профессией	Приобретение знаний	Получения диплома
1	4,5%	18%	64%
2	9%	26%	61%
3	0%	32%	68%

ность сама по себе. Для наглядности ниже представлены диаграммы по каждому курсу отдельно.

Студенты с внешней мотивацией: на первом курсе составили 27%, на втором студентов с такой мотивацией — 22%, на третьем курсе — 32%. Студенты с внешней мотивацией, как правило, не получают удовлетворения от преодоления трудностей при решении учебных задач. Поэтому они выбирают более простые задания и выполняют только то, что необходимо для получения подкрепления (оценки). Отсутствие внутреннего стимула способствует росту напряженности, уменьшению спонтанности, что оказывает подавляющее действие на креативность обучающегося, в то время как наличие внутренних побуждений способствует проявлению непосредственности, оригинальности, росту креативности и творчества. Внешние положительные мотивы, несомненно, более эффективны и более желательны со всех точек зрения, чем внешние отрицательные мотивы.

Характеризуя экспериментальную выборку, можно сказать, что:

1. Преобладающим типом мотивации профессионального обучения всех студентов является внутренняя мотивация: на первом курсе — 68%, на втором курсе — 65%, на третьем курсе — 42%. Также можно заметить, что от курса к курсу она снижается.

2. Студенты с внешней положительной мотивацией: на первом курсе — 9%, на втором таких не выявлено, на третьем курсе — 21%. Данный тип мотивации «хуже» внутреннего типа мотивации тем, что при нем студентов привлекает не сама деятельность, а то, как она будет оценена окружающими (положительная оценка, поощрение, похвала и т. д.).

3. Студенты с внешней отрицательной мотивацией: на первом курсе — 18%, на втором курсе — 22%, на третьем — 11%. Учение студентов с таким типом мотивации характеризуется следующими признаками: учение ради учения, без удовольствия от деятельности или без интереса к преподаваемому предмету; учение из-за боязни неудач; учение по принуждению или под давлением и др.

4. У большинства студентов (на первом курсе у 64%, на втором курсе — 61% и на третьем — 68% опрошенных) преобладает мотивация, направленная на получение диплома.

Учебно-профессиональная мотивация складывается из оценки студентами различных аспектов учебного процесса, его содержания, форм, способов организации с точки зрения их личных индивидуальных потребностей и целей, которые могут совпадать или не совпадать с целями обучения. Необходимо создать механизм повышения мотивации обучения. Подразумевается совокупность методов и приёмов воздействия на студента со стороны преподавателя, которые побуждали бы студентов к определённым поведению в процессе обучения для достижения целей преподавателя (обучения), основанных на необходимости удовлетворения личных потребностей студентов.

Специфика университета — готовить в первую очередь научно-педагогические кадры, а значит, формировать личность ученого и преподавателя высшей квалификации. С этой целью необходимо повышать эффективность профессионального обучения в вузе, а также совершенствовать процесс его индивидуализации и гуманизации с учетом когнитивного развития студентов.

Литература:

1. Гринкруг, Л. С. Концептуальный анализ мотивации участников образовательной деятельности вуза. СПб., 2010. // Известия Российского Государственного Педагогического Университета Им. А. И. Герцена. 2010. № 136.
2. Зайцева, О. И. Стадиальные элементы мотивационного процесса как теоретическая основа определения профессиональной мотивации студентов. Калининград, 2010. // Вестник Балтийского Федерального Университета Им. И. Канта. 2010. № 11.
3. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2004.
4. Молодиченко, Т. А., Павлова Н. В.. Традиции, инновации и творчество в общем, специальном и высшем образовании: социоакмеологический и психолого-педагогический аспекты. Саратов, 2012.
5. Реан, А. А. Психология и психодиагностика личности: Теория, методы исследования, практикум. СПб., 2006.
6. Смирнова, Г. Е. Развитие профессиональной мотивации у студентов психологов // М., 2009. // Вестник Московского гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. 2009. № 3.
7. Сотникова, А. В. Профессиональная мотивация как предмет социологического анализа // Краснодар, 2010 // Журнал Историческая И Социально-Образовательная Мысль. 2010. № 3.

Мотивы употребления психоактивных веществ в подростковом возрасте

Маслова Мария Вячеславовна, студент;

Кузнецова Татьяна Ивановна, ассистент

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Данная статья посвящена проблеме употребления психоактивных веществ, в статье представлены результаты исследования мотивации употребления психоактивных веществ подростками.

Ключевые слова: психоактивные вещества, зависимость, подростки, мотивы.

The motives for substance use in adolescence

Maslova Maria, student;

Kuznetsova Tatiana Ivanovna, assistant

Nizhny Novgorod state University name of Nikolai Ivanovich Lobachevsky (Arzamas branch)

This article is devoted to the problem of substance use, the article presents the results of the study motivation of the use of psychoactive substances by adolescents.

Keywords: psychoactive substances, dependence, teens, motives.

В последнее десятилетие произошло резкое увеличение количества зависимых от наркотических веществ среди подростков. Это связано с трансформацией системы ценностей в различных сферах жизни общества. Подростковый период, рассматривается исследователями, как важный биологический фактор риска приобщения к употреблению психоактивных веществ, что связано с отсутствием психологической и социальной зрелости. Выявление мотивов употребления психоактивных веществ подростками — одна из важнейших задач современного общества, которая поможет найти пути решения данной проблемы.

История становления психолого-педагогического знания свидетельствует о том, что во все времена предпринимались попытки решать проблемы противостояния различным зависимостям. В отечественной педагогике и психологии проблемы формирования установки на здоровый образ жизни и личной устойчивости исследовались в работах многих ученых — Г.Л. Апанасенко, Г.П. Аксенов, Н.В. Бредихина, П.А. Виноградов, Е.Л. Личко, Л.А. Попова, и др [7].

В середине 1980 годов появились публикации, освещающие сущность проблемы употребления психоактивных веществ и их влияния на личность подростка. Важная роль отводилась изучению психической, физической и интеллектуальной зависимости подростков от ПАВ. Ученые рассматривали эту проблему на основании клинических и психологических исследований, что позволило представить картину изменений личности подростка под воздействием употребления психоактивных веществ. У зависимых подростков наблюдалась сильная раздражительность, агрессивность, выраженная лабильность их психики и поведения.

По мнению Р. Краффт-Эбинга происходит изменение личности подростка употребляющего психоактивные ве-

щества (склонность к совершению аморальных поступков, слабохарактерность, нерешительность) [4]. А. П. Марсианова отметила, что подросткам, употребляющим наркотические вещества свойственны потеря чувства ответственности, нетерпеливость, раздражительность, узкий круг интересов [6].

В ряде исследований акцент делается на изучении мотивации употребления психоактивных веществ и деструкции поведения личности подростка. В работах Н.Ю. Максимовой отмечено, что подросток из неблагополучной семьи, более подвержен риску употребления ПАВ, обуславливается это личностным неблагополучием и появлением готовности личности к употреблению запрещенных веществ [5]. Как подчеркивает Б.С. Братусь, эмоционально-психическая сфера подростка выступает как переходное состояние, связанное с различными мотивами [1].

Мотивация начала злоупотребления психотропными веществами (инициальная мотивация) и мотивация последующего злоупотребления может быть различной. Когда формируется психическая зависимость, то основной мотивацией становится влечение — потребность изменить определенным образом свое психическое состояние. Если возникает физическая зависимость, то главным мотивом злоупотребления делается страх мучительной абстиненции.

Ц.П. Короленко, Т.А. Донских выделили следующие типы мотивации подростков к употреблению ПАВ [3]:

1. Атарактическая мотивация связана с устранением эмоционального дискомфорта. Страх, тревога, депрессии подталкивают подростков к употреблению ПАВ.

2. Гедонистическая мотивация проявляется в получении удовольствия и испытании радостного состояния от приема ПАВ.

3. Мотивация на гиперактивацию поведения отражает потребность вывести себя из пассивного состояния, апатии в состояние запредельной активности.

4. Субмиссивная мотивация основана на неспособности подростка отказаться от предлагаемого вещества, из страха быть отверженным окружающими.

5. Псевдокультурная мотивация основывается на мировоззренческих установках и эстетических пристрастиях. Важно не само употребление ПАВ, а его демонстрация перед окружающими.

Для уточнения полученных из анализа психолого-педагогической литературы данных нами было проведено исследование, с помощью тестов: на выявление никотиновой зависимости А. Леонова [2]; алкогольной зависимости университет штата Мичиган (MAST) [9]; социальный опрос «наркотики и алкоголь» [8].

Мониторинг проводился среди учащихся 1 курса Арзамасского политехнического колледжа. В мониторинге принимало участие 20 подростков (мальчиков). Преобладающий возраст респондентов 15–16 лет.

Результатами исследования явились следующие данные: когда-либо пробовали курить 90% (18 чел.) опрошенных, соответственно «нет» — 10% (2 чел.), пробовали алкогольные напитки 77% (13 чел.), нет — 23% (7 чел.), когда-либо употребляли наркотические вещества 4% (1 чел.), нет — 96% (19 чел.).

В целом отношение к курению у подростков следующее: 13% (4 чел.) положительно относятся к курению, 67% (10 чел.) относятся отрицательно, у 20% (6 чел.) отношение нейтральное.

По отношению к курильщикам мы получили несколько иные цифры: 20% (4 чел.) относятся к ним положительно, 35% (7 чел.) имеют отрицательное отношение, а 45% (9 чел.) относятся нейтрально. Это можно объяснить тем, что среди друзей учащихся часто встречается большое количество курильщиков. Это подтверждает и ответ на следующий вопрос: лишь 50% (10 чел.) опрошенных не имеют среди друзей людей курящих, 5% (1 чел.) имеют более 10 курящих друзей, а 45% (9 чел.) признаются, что среди их друзей курят все. У подростков преобладает положительное отношение, как к курению, так и к курильщикам.

Среди тех, кто хотя бы раз пробовал алкогольные напитки, были получены следующие данные: 10% (2 чел.) впервые попробовали алкоголь в возрасте младше 10 лет, 50% (10 чел.) — в возрасте 11–14 лет, 40% (8 чел.) — в возрасте 15–16 лет. Среди алкогольных напитков, которые чаще всего употребляет молодое поколение, преобладают слабоалкогольные напитки (пиво, шампанское, вино, джин-тоник).

На вопрос «Как часто вы употребляете алкогольные напитки?» 85% (17 чел.) ответили «редко (по праздникам)», 15% (3 чел.) употребляют алкоголь раз в неделю; 50% (10 чел.) справедливо считают, что употребление алкоголя еще не вошло в привычку, 20% (4 чел.) признаются, что употребление алкоголя уже стало привычкой, а 30% (6 чел.) сомневаются в этом; 50% (10 чел.) опрошенных, зна-

комых с алкоголем, сообщили, что впервые попробовали алкогольный напиток в семье, 40% (8 чел.) — в кругу друзей, и 10% (2 чел.) — при иных обстоятельствах.

Таким образом, 40% (8 чел.) сомневаются в успешности борьбы с алкоголизмом в нашей стране. 20% (4 чел.) считают наиболее эффективным средством борьбы с алкоголизмом запрет на продажу алкогольных напитков и ограничение продажи алкогольных изделий подросткам. 25% (5 чел.) считают достаточно эффективным средством профилактики (разъяснение вреда и последствий употребления алкогольных напитков). 15% (3 чел.) считают, что борьба с алкоголизмом в нашей стране бесполезна и никакие способы не помогут. На вопрос «Будете ли вы в будущем употреблять алкогольные напитки?» лишь 53% (14 чел.) уверенно сказали «нет», 20% (4 чел.) также уверены в том, что они будут употреблять алкогольные напитки, однако 27% (2 чел.) не смогли сейчас дать четкий ответ на данный вопрос, т. к. количество и регулярность употребления алкогольной продукции зависит от многих обстоятельств.

Что касается употребления наркотических веществ, то 96% (19 чел.) с уверенностью сказали, что никогда не употребляли наркотические вещества, а 4% (1 чел.) опрошенных признались в употреблении запрещенных наркотических веществ (в основном производные конопли — «травка»).

Анализ данного исследования показал, что основным мотивом употребления ПАВ гиперактивация (повышение тонуса и самооценки) — это основной мотив, характерный для 50% испытуемых, принимающих ПАВ. Атарактические мотивы (достижения психологического комфорта) — присущи 30% испытуемых. Субмиссивные мотивы (стремление к принадлежности и одобрению группы) являются основными для 17% респондентов, принимавших участие в исследовании употребляющих ПАВ. Для такого же числа опрошенных характерны гедонистические мотивы (получение специфического физического удовольствия). Псевдокультурные (демонстрация какого-либо качества) и познавательно-исследовательские мотивы (любопытство, стремление к новым впечатлениям) демонстрирует лишь 3% группы.

Благополучие подростка зависит от трех основных микросоциумов, это его семья, учебное заведение, и круг друзей. Именно они формируют личность ребенка, очень важно чтобы подросток развивался в благополучной среде. Прежде всего, необходимо мотивировать его на здоровый образ жизни, повышать тонус и помогать ребенку адекватно оценивать себя поддерживать в его начинаниях и не расстраиваться при первых неудачах. Это поможет устранить появления мотивов употребления подростками психоактивных веществ. В настоящее время доступно множество спортивных секций, музыкальных школ. Каждый подросток имеет возможность развивать в себе определённые способности. Задача взрослых — создать для подростка психологически безопасную и комфортную среду, в которой он сможет проявить себя как личность.

Литература:

1. Братусь, Б. С. Леонтьевские основания смысловых концепций личности // *Вопр. психологии*. — 2004. — №3. — с. 78–91
2. Выявление никотиновой зависимости А. Леонова «почему я курю». [Электронный ресурс]. URL: <http://parcotics.su/nikotinomania.html> (дата обращения: 9.03.2015)
3. Короленко, Ц. П., Донских Т. А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. — Новосибирск: Наука. — 1990. — 222 с.
4. Крафт-Эбинг, Р. О здоровых и больных нервах. — Донецк: Издатель Заславский А. Ю. — 2009. — 128 с.
5. Максимова, Н. Ю., Милютин, Е. Л. Курс лекций по детской патопсихологии: Учебное пособие. — Ростов н/Д.: Феникс. — 2000. — 576 с.
6. Марсиянова, А. П., Жердева, Т. С. Мотивация употребления алкоголя и психоактивных веществ в подростковом возрасте // *Вестник КАСУ*. — №3. — 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik-kafu.info/journal/3/105/> (дата обращения: 13.03.2015)
7. Профилактическая работа с несовершеннолетними различных групп социального риска по злоупотреблению психоактивными веществами: руководство для педагогов, психологов, соц. педагогов/Мин-во образования и науки РФ; [Л. М. Шипицына и др.]; под редакцией Л. М. Шипицыной, Л. С. Шпилени. — М.: Моск. гор. Фонд поддержки шк. книгоиздания, 2004. — 336с.
8. Социальный опрос «наркотики и алкоголь». [Электронный ресурс]. URL: http://www.hel.fi/wps/wcm/connect/a74a10804183f7babe6dfefb5088ca3e/Oprogs_%2B_%5B1%5D.pdf?MOD=AJPERES. (дата обращения: 13.03.2015)
9. Тест на алкоголизм Университета штата Мичиган (MAST). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psyoffice.ru/3-0-praktikum-00330.htm> (дата обращения: 9.03.2015)

Организация психологической помощи детям с отклонениями в развитии и их семьям

Скрипкина Надежда Витальевна, преподаватель
Челябинский государственный университет

Прежде всего, необходимо отметить, что отклонения в развитии детей весьма разнообразны и вызываются различными причинами. Однако общей закономерностью детей с отклонениями в развитии является особая отягощенность условий раннего развития. Наличие отклонений в развитии обедняет контакт ребенка с внешним миром, он попадает в условия депривации и в сенситивный период становления и развития основных психологических функций терпит значительный ущерб. Квалифицированная и своевременная организация психологической помощи детям с отклонениями в развитии и их семьям позволяет им адекватно социализироваться в обществе и не ощущать своей ущербности среди других людей.

Специалистам, работающим с детьми с отклонениями в развитии, необходимо информировать родителей о том, что чем раньше начинается организация и проведение профилактической и коррекционной работы, тем успешнее осуществляется преодоление имеющихся отклонений и их последствий. Гарантом эффективности развития являются высокие компенсаторные возможности психики ребенка и профессионализм специалистов, работающих с ним.

Своевременная психолого-педагогическая помощь детям с нарушениями в развитии является важнейшим звеном в системе их социальной адаптации. Организация этого процесса базируется на основных принципах оказания психолого-педагогической помощи, таких как личностный подход к ребенку с отклонениями в развитии (когда в процессе психолого-педагогической помощи учитывается личность ребенка в целом со всеми её индивидуальными особенностями); каузальный принцип (когда сложная иерархия отношений между симптомами нарушений и их причинами, структура дефекта определяют задачи и цели психологической помощи); принцип комплексности (когда помощь ребенку можно рассматривать только в комплексе клинико-психолого-педагогических воздействий); принцип деятельностного подхода (когда эффективность психолого-педагогической помощи зависит от использования продуктивных видов деятельности ребенка) [2, с. 39–40].

Коррекционные воздействия направлены как на исправление недостатков при отклоняющемся развитии ребенка, так и на создание оптимальных возможностей и условий для психического развития ребенка. Термин

«коррекция психического развития» означает совокупность психолого-педагогических воздействий, направленных на исправление недостатков, отклонений в развитии ребенка с нарушениями. Психологическая помощь является одним из способов психологического воздействия, направленного на оптимизацию развития психических процессов и функций и на гармонизацию развития личностных свойств. В зависимости от причин и специфики нарушения выстраивается программа психологической коррекции. Основными направлениями психологической коррекции являются: коррекция эмоционального развития ребенка; коррекция сенсорно-перцептивной и интеллектуальной деятельности; коррекция поведения детей и подростков; коррекция развития личности.

Целями психологической коррекции могут быть: развитие различных форм деятельности ребенка; формирование возрастно-психологических новообразований; восстановление целостности личности; модификация поведения ребенка за счет изменения среды и обучения его новым формам поведения; формирование самоуважения и адекватной самооценки; приобретение новых установок, направленных на формирование адекватных форм поведения или угасание, торможение у ребенка дезадаптивных форм поведения; формирование продуктивных видов взаимоотношений ребенка с окружающими; развитие эмоционально-волевой регуляции поведения.

В организации психологической помощи необходимо помнить о том, что психическое развитие ребенка с отклонениями происходит в процессе его сотрудничества с взрослым. А сотрудничество родителей с психологом является важным условием эффективности психокоррекционной работы. Главная цель такой работы состоит в формировании адекватных родительских установок на отклонения в развитии ребенка и решение социально-психологической проблемы путем адекватного привлечения родителей в психокоррекционный процесс.

Семья, в которой растет ребенок с отклонениями в развитии, испытывает большие трудности и сама нуждается в поддержке специалистов. Психологическая поддержка родителей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии должна осуществляться в следующих направлениях: снижение эмоционального дискомфорта в связи с отклонениями развития ребенка; укрепление уверенности родителей в возможностях ребенка; коррекция детско-родительских отношений; оптимизация педагогического потенциала родителей.

Для повышения эффективности психокоррекционной работы психологу важно, что думают родители о детском развитии и каков механизм возникновения у них подобных представлений; как ведут себя родители по отношению к детям; лучше ли развиваются дети, если родители придерживаются определенного мнения по поводу их способностей.

В процессе психологической коррекции психолог изучает эмоционально-мотивационные основы родительства, формирует у родителей компетентность в отношении воз-

растных и индивидуальных особенностей ребенка, развивает способность родителей к рефлексии собственной стратегии воспитания и способность к принятию ребенка таким, какой он есть.

Родителям самостоятельно трудно адекватно оценить состояние ребёнка, а ещё труднее подобрать эффективные методы его профилактики и коррекции. Решению этих вопросов способствует специально организованная психологическая помощь детям с отклонениями в развитии и их семьям.

Психологическая коррекция понимается как перестройка, реконструкция психологических факторов риска у детей, как воссоздание гармоничных отношений в семье [3, с. 52].

Психологическая коррекция имеет как общие, так и специальные (зависящие от специфики нарушения) направления работы. Рассмотрим специальные направления работы специалистов (на примере некоторых отклонений в развитии ребенка).

Так психологическая коррекция с детьми с задержкой психического развития, в зависимости от формы нарушения, направлена на стимуляцию их познавательной активности, развитие ориентировочной основы деятельности, самоконтроля, оптимизацию интеллектуальных функций. Эффект психокоррекционной работы зависит от того, насколько в ней задействована эмоциональная сфера ребенка. Поскольку эмоциональное благополучие ребенка является показателем оптимальности его общего психического развития и психологического здоровья. Психологу необходимо вовлечь ребенка в общность ситуативных переживаний, помочь ему преодолеть страх неуспеха и страх новизны.

Работа специалиста по психологической коррекции с детьми с дисгармоничным развитием (ранние дисгармонии) направлена на гармонизацию личностной структуры, решение актуальных психотравмирующих проблем, развитие произвольной регуляции поведения. Структура коррекционного воздействия на данном направлении состоит из трех блоков: I блок — мотивационный, направлен на развитие у детей умения выделить, осознать и принять цели поведения; II блок — операционно-регуляторный, развивает у детей умение планировать пути достижения цели, как по содержанию, так и по времени; III блок контроля, развивает у детей умение контролировать свое поведение и вносить в поведение необходимые коррективы.

Организация психологической коррекции с детьми с расстройствами аутистического спектра направлена на эмоциональную стимуляцию ребенка, на развитие его коммуникативных функций, формирование социальной активности. Организуя совместную деятельность с детьми с расстройствами аутистического спектра психологу важно наполнить её эмоционально-смысловым содержанием, поскольку аффективная сфера является центральным звеном нарушений психического развития при детском аутизме. В психологической коррекции с детьми с расстрой-

ствами аутистического спектра необходимо двигаться в направлении активизации и усложнения взаимодействия с миром, совершенствовании способов взаимодействия ребенка с окружающим и стабилизации его внутренних аффективных процессов. При построении программы психолого-педагогической коррекции необходимо учитывать все специфические особенности детей с расстройствами аутистического спектра и опираться на общие закономерности психического развития ребенка.

Психологическая коррекция с детьми с реактивными и конфликтными переживаниями направлена на помощь ребенку в выяснении неосознаваемых причин болезненных переживаний и проявлений, на выработку у них умения адекватно реагировать в различных жизненных ситуациях. В работе с детьми с реактивными и конфликтными переживаниями необходима коррекция детско-родительских отношений. Особое внимание нужно уделить проблемам эмоциональных взаимоотношений и эмоционального контакта с родителями: нарушению эмоционального контакта с матерью; препятствиям в эмоциональном контакте с отцом. В данном направлении необходимо вовремя провести коррекционные мероприятия, направленные на преодоление создавшегося конфликта и предотвращение возможных негативных последствий.

Психологическая коррекция с соматически ослабленными детьми направлена на коррекцию самооценки, выработку более адекватных и гибких форм реакций на заболевание, совершенствование личностного контроля, восстановление у ребенка коммуникативных навыков. Такая работа необходима, так как у соматически ослабленных детей в результате разных форм психической депривации наблюдаются нарушения коммуникативных функций, снижается самооценка. В систему психологической коррекции с соматически ослабленными детьми психологу необходимо включать занятия по повышению уверенности в себе и окружающем мире, повышению

психической активности ребенка, развитию любознательности, активизации желания познавать мир и общаться.

Психологическая коррекция с гиперактивными детьми направлена на снятие напряжения, следование интересам ребенка и удержание внимания на каком-то занятии или предмете. Психологу важно научить ребенка осуществлять двигательный контроль, развивать умение выслушивать взрослого до конца. Важно психологическую коррекцию с гиперактивными детьми проводить в тесном контакте с родителями. Психолог рекомендует родителям сдерживать бесконечный поток замечаний в сторону ребенка, организовать режим дня таким образом, чтобы не перегружать ребенка, обещания и поощрения ребенку предоставлять сразу, формировать у ребенка уверенность в безусловной родительской любви [1, с. 52–54].

Общими направлениями психологической коррекции с детьми с отклонениями в развитии будут: коррекция чувства неполноценности, формирование социального интереса, коррекция установок и мотивов с целью выработки нового стиля жизни. В этом случае психолог организует работу по формированию у детей положительных установок на занятия, анализирует и прорабатывает личностную позицию ребенка, подбадривает и поощряет детей. Следовательно, при организации психологической помощи необходимо учитывать как общие, так и специальные направления работы, что позволяет варьировать подходы коррекции в зависимости от конкретных целей развития, индивидуальных и возрастных особенностей ребенка.

Таким образом, психологическая помощь детям и их семьям необходима, так как знание особенностей каждого возрастного периода, знание психологических особенностей развития детей с различными отклонениями, позволяет психологу более точно дифференцировать нормальные варианты развития от нарушений и более уверенно ориентироваться в многообразных отклонениях в развитии и их коррекции.

Литература:

1. Лютова, Е. К., Моница Г. В. Тренинг общения с ребенком (период раннего детства). — СПб.: Речь; М., Сфера, 2008. — 176 с.
2. Мамайчук, И. И. Психологическая помощь детям с проблемами в развитии. — СПб.: Речь, 2006. — 224 с.
3. Спиваковская, А. С. Профилактика детских неврозов. — М., 1988.

Анализ актуальных форм и методов психолого-педагогической профилактики агрессивного поведения подростков

Степанова Екатерина Владимировна, студент

Научный руководитель: Попов Виктор Алексеевич, доктор педагогических наук
Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

В статье актуализируется проблема профилактики агрессивного поведения подростков. Описываются формы и методы психолого-педагогической профилактики.

Ключевые слова: агрессия, агрессивное поведение, профилактика, тренинг, арт-терапия, игры и упражнения.

В современном обществе увеличились различные виды отклонений в поведении подрастающего поколения. Среди таких отклонений особую тревогу вызывают агрессивность. В последние годы отмечается значительный рост, как агрессивности подростков, так и проявлений ими асоциального поведения. В целом агрессивный тип характера обнаруживают 75% 12–14 летних подростков с асоциальным поведением [1].

Агрессия — это форма поведения, нацеленная на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения.

Агрессивное поведение — специфическая форма действий человека, характеризующаяся демонстрацией превосходства в силе либо применением силы по отношению к другому человеку или группе лиц, которым субъект стремится причинить ущерб [8, с. 80].

Проявления различных форм агрессивности обусловлена одновременно как возрастными, так и половыми особенностями. В раннем подростковом возрасте у подростков преобладает физическая агрессия. Как показывают исследования Л. М. Семенюк, уже в возрасте 12–13 лет у подростков наиболее выраженной оказывается такая форма проявления агрессии как негативизм [7].

Анализ литературы позволил выделить несколько наиболее распространенных причин агрессивного поведения подростков: боязнь быть травмированным, обиженным, подвергнуться нападению, получить повреждения; длительные и частые фрустрации; унижения, оскорбления ребенка со стороны родителей; СМИ.

Школа сегодня становится одной из зон поиска наиболее эффективных форм и методов психолого-педагогической профилактики агрессивного поведения подростков.

Профилактика представляет собой совокупность мер, направленных на охрану здоровья, предупреждение возникновения и распространения болезней, улучшение физического развития населения, сохранение трудоспособности и обеспечение долголетия. Психолого-педагогическая профилактика — это система предупредительных мер, которые ориентированы на устранение внешних причин, факторов и условий, вызывающих те или иные недостатки в развитии детей [8, с. 18].

Профилактика и предупреждение агрессивного поведения подростков становится психологически необходимой. Проанализировав литературу, можно прийти к выводу, что проблема повышения эффективности ранней профилактики должна решаться в следующих направлениях:

— выявление неблагоприятных факторов и десоциализирующих воздействий со стороны ближайшего окружения, которые обуславливают возникновение агрессивного поведения, и своевременное устранение этих неблагоприятных воздействий;

— своевременная диагностика агрессивных проявлений в поведении подростков и осуществление дифференцированного подхода в выборе профилактических средств.

Ведущая роль в предупреждении агрессивности у подростков принадлежит семье, родителям. Однако большое значение отводится педагогам и психологам.

Для профилактики агрессивного поведения необходимо научить подростков навыкам позитивного общения, взаимодействия с другими членами социума, привить умения находить мирные пути решения конфликтов, большую важность также имеют навыки совместной работы, получаемые в частности в рамках школы.

Особый интерес представляет собой проблема в выборе необходимых форм и методов профилактики. Остановимся на основных формах:

1. Тренинг по профилактике агрессии наиболее эффективно воздействует на формирование социокультурной компетентности личности подростка, так как подростковый возраст — важнейший период в психосоциальном развитии человека. Программа тренингов по профилактике агрессивности подростков направлена на решение следующих задач:

1) Создать в группе атмосферу взаимного принятия, безопасности и поддержки для максимально полного раскрытия личностью своей позиции и проявления эмоций

2) Создать в группе условия для осознания каждым участником собственной ценности и уникальности, стимулируя тем самым толерантное отношение к другим на основе осознания их права на собственную неповторимость.

3) Формировать и развивать навыки уверенного поведения, конструктивного разрешения межличностных конфликтов.

4) Помочь каждому участнику осознать свою позицию в общении друг с другом на основе анализ своих агрессивных установок в отношении некоторых людей.

Для решения поставленных задач в процессе реализации данной программы используются различные формы работы: лекции, игры, мозговой штурм, групповые дискуссии, психотехнические упражнения и задания, помогающие понять и усвоить главную тему занятия [4, с. 55–56].

2. Арт-терапия. Цель: проработка переживаний человека, которые препятствуют его нормальному самочувствию и его общению с окружающими. С помощью рисунка подросток невольно сообщает о себе то, что никогда не смог бы передать на словах; метод широко применяется для снятия негативных эмоциональных состояний. Подростки рисуют в соответствии со своими желаниями, а также для того, чтобы выразить свои мысли и чувства. Очень большой эффект оказывает на психику рисование пальцем левой кисти для правшей и наоборот [2, с. 59–60].

Среди методов психолого-педагогической профилактики агрессивного поведения подростков выделяются:

1. Игры и упражнения различной направленности для снижения агрессивного поведения подростков:

— игры и упражнения для обучения приемлемым способам выражения гнева («Разрывание бумаги», «Ролевое проигрывание ситуаций»);

— игры и упражнения, направленные на обучение приемам саморегуляции («Розовый куст», «Избавление от тревоги»);

— подвижные игры для физического и эмоционального раскрепощения («Круговые движения», «Кукла Бобо»)[3, с. 246–249].

2. Дискуссия — это метод обсуждения и разрешения спорных вопросов. Результатом ее может быть общее соглашение, лучшее понимание, новый взгляд на проблему, совместное решение. Дискуссия предполагает общение, что является ведущим видом деятельности в подростковом возрасте. Дискуссия высокоэффективна для закрепления сведений, осмысления проблемы и формирования ценностных ориентаций. Примером такой работы может быть проигрывание сюжетов, индивидуальных рисунков [5, с. 102].

3. «Беседа с собой» учит подростков размышлять перед тем, как совершить агрессивное действие. Такого рода беседа будет выступать буфером между порывом и слишком поспешным действием. Данный метод предполагает следующие шаги:

1) Ребенок определяет суть самой проблемы, включая вызванные эмоции: «Он говорит глупости, а я злюсь».

2) Затем обдумывает несколько альтернативных вариантов реагирования. Педагог задает вопросы типа «Тебе нравится то, что ты сделал в этой ситуации?», «А как можно было поступить в этой ситуации?»

3) Разбираются варианты поведения и их последствия («А что будет, если...?»).

4) Затем принимается решение — что надо делать и как надо поступить [4, с. 58].

Помимо форм и методов профилактики, важно определить какие специалисты будут заниматься этой проблемой.

Необходимым условием профилактической работы с подростками, проявляющими агрессивное поведение, является привлечение специалистов: классного руководителя, психолога, инспектора по делам несовершеннолетних.

Классный руководитель является связующим звеном в комплексной группе специалистов по организации профилактической работы с подростками. Он делает первичный запрос специалистам и представляет информацию о ребенке.

Не менее важным специалистом в данной проблеме является психолог. Он изучает личность подростков, анализирует адаптацию ребенка в социуме, выявляет дезадаптированных подростков, изучает взаимоотношения подростков со взрослыми и сверстниками. В его обязанности также входит подбор диагностических методик для организации профилактической и коррекционной работы.

В случае, когда агрессивное поведение сопутствует правонарушению, к взаимодействию привлекается инспектор по делам несовершеннолетних. Он проводит пропаганду правовых знаний в образовательном учреждении, участвует в проведении родительских собраний, классных часов. Совместно с представителями педагогического коллектива образовательного учреждения в классах со сложной психолого-педагогической обстановкой проводит профилактические беседы, другие необходимые мероприятия [6, с. 73–79].

Работа образовательного учреждения в аспекте проблемы агрессивного поведения подростков представляет собой единство трех компонентов:

— предупреждения агрессивного поведения путем педагогического просвещения и актуализации проблемы для всех участников образовательного процесса к проблеме;

— сопровождения пар «агрессор-жертва» как необходимого условия прекращения или локализации агрессивного поведения;

— социально-педагогического проектирования среды самореализации подростков как предупреждения и коррекции агрессивного поведения.

Литература:

1. Аверин, В. А. Психология детей и подростков: /В. А. Аверин // Учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А. — 2006. с. 361

2. Бакшеева, Т.С. Влияние арт — терапии на поведение подростков // Школьному психологу. — 2010. — №7. — с. 58–60
3. Ванакова, Г.В. Агрессивность учащихся: как к ней относиться?/Г.В. Ванакова // народное образование. — 2012. — №7. — с. 245–250.
4. Воробьев, К. Профилактика агрессивности в подростковой среде // Воспитание школьника. — 2008. — №6. — с. 55–61
5. Кларин, М.В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии/М.В. Кларин. — М.: пед. центр Эксперимент, 1998. — 180 с. — ISBN 5–87474–011–2.
6. Самусенко, И.Л. К решению проблемы агрессивного поведения детей и молодежи/И.Л. Самусенко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. — 2010. — №9. — с. 73–79.
7. Самусенко, И.Л. К решению проблемы агрессивного поведения детей и молодежи/И.Л. Самусенко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. — 2010. — №9. — с. 73–79.
8. Социально-педагогическая профилактика зависимости от психоактивных веществ детей и подростков: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования/под ред. В.А. Попова. — М.: Академия. — 2013. — 176с. — (Сер. Бакалавриат). — ISBN 978–5-7695–7425–2.

ФИЛОЛОГИЯ

Сопоставительный анализ обращений современного английского и русского языков

Адамбаева Наргиза Кадамбаевна, преподаватель;
Дзугаева Зарина Руслановна, преподаватель
Ташкентская медицинская академия, Ургенчский филиал (Узбекистан)

Понятие «обращение» связано с понятием обращенности речи вообще и с понятием обращенности единицы языка, осуществляющей функцию речевой коммуникации в частности. Обращенности в языке выражается интонацией и поэтому имеет грамматическое значение.

Предложение, если под ним понимать коммуникативную единицу языка, целостность и законченность которой выражается по преимуществу интонацией и которому поэтому можно охарактеризовать как интонационно-смысловое целое, это обращенное предложение. При осуществлении так понимаемым предложением коммуникативной функции оно, в силу своей обращенности, вызывает тот или иной ответ со стороны того или тех, к кому оно обращено. Уточнение обращенности предложения и вместе с тем уточнение того, к кому обращено предложение и у кого тем самым вызывается ответная реакция на высказывание, осуществляется обращением.

Обращение — это слово или сочетание слов, находящееся в составе обращенного, осуществляющего функцию речевой коммуникации предложения, как интонационно-коммуникативного целого, которым прямо обозначается в качестве адресата речи тот или те, к кому обращено предложение, кто таким образом вовлекается говорящим в речевой акт и у кого, в зависимости от характера высказывания (приветствие, вопрос, приказ, просьба, сообщение и т. д.), вызывается та или иная ответная реакция, соответственно выраженная словесно, действием или и тем и другим. Обращенное предложение и обращением — это предложение с уточненной обращенностью, поскольку оно, в отличие от предложения без обращения, обладает языковым выражением уточнения своей обращенности. Уточнение обращенности предложения и вместе с тем уточнение того, к кому обращено предложение и у кого вызывается ответная реакция на высказывание, осуществляется обращением с помощью тех грамматических средств, которыми оно располагает в том или ином языке.

В английском и русском языках обращение — синтаксическая категория. За неизменением специальной вока-

тивной (звательной) формы, обращение в этих языках выражается неспециализированной формой. Однако общий падеж обращения в английском и именительный обращения в русском языке — это нейтральные к падежу независимые формы, поскольку в этой функции им не противостоят никакие косвенные падежи. В русском языке в функции обращения употребляется также так называемая «усеченная форма именительного»: *мам, пап, Оль* и т. д.

В английском языке подобные сокращения встречаются не только в функции обращения. Например: *Pa (father) raised his head.*

В этом языке в функции обращения в функции члена предложения употребляются также инициалы. В русском языке они изредка встречаются в функции члена предложения при эпистолярной форме обращения.

Независимая форма имени существительного — это называемая форма. Имя существительное в этой форме осуществляет функцию прямого обозначения или непосредственного названия лица, предмета или явления либо в качестве адресата речи, т. е. того, кому говорят, либо в качестве объекта, т. е. того, о ком, или о чем говорят. Сравнить, например, с одной стороны: «*Sorry, old thing! Poor prisoner!*» *he said, and put his arm around her.* [4. p. 162] и с другой стороны: *Her own marriage, poor thing, hadn't been successful but ...* [6. p. 215]

Формами числа имени существительного в независимой форме выражается не единичность или множественность, а все (полное) количество обозначаемых или называемых им предметов, что в английском языке находит свое языковое подтверждение в его несочетаемости с артиклем, как это видно из приведенных примеров.

Путем употребления имени существительного в независимой форме, которым прямо обозначается кто-либо или что-либо в качестве адресата речи в обращенном, осуществляющем свою коммуникативную функцию предложении, или путем его использования в качестве отдельной коммуникативной единицы языка, независимая форма

служит выражению вокативного отношения, под которым понимается отношение между первым и вторым лицами. Вокативное отношение отражает реально или воображаемо существующее отношение, устанавливаемое в момент говорения между адресатом речи и говорящим, и выражает смысловую связь между ними. [1. с. 89]

При введении обращения в предложение одновременно возникают минимум два вида синтаксических отношений: указанное вокативное отношение, выражаемое независимой формой путем ее синтаксического использования в качестве обращения, и отношение между обращением и предложением в целом, которое отражает отнесенность высказывание к тому, кто обозначает словом, составляющим обращение и которое находит свое интонационное выражение в предложении. Связь обращения со всем предложением в целом осуществляется с помощью интонации: *Would you like me to do it Mr. Barkis? No, thank you, aunt. Mary, come here.* [2. р 120]. Как видно из интонационных рисунков, обращение либо не ударно и находится в конце той или иной синтагмы. Либо ударно и само представляет собой отдельную синтагму. В обоих случаях оно находится в предложении, как в интонационно-смысловом целом, что представляется верным и для русского языка.

Указанные выше функции обращения, как уточнителя обращенности предложения и вместе с тем уточнителя того, к кому обращено предложение и у кого высказыванием вызывается ответ, осуществляются обращением в английском и русском языках совокупно, с помощью тех форм существительного, составляющего обращение, которыми может быть осуществлено уточнение. В английском языке такими формами являются формы числа, а в русском языке ещё и формы рода существительного. Путём употребления имени существительного в независимой форме в функции обращения, его формы числа, а в русском языке ещё и формы рода служат выражению грамматического значения уточнения обращенности предложения и вместе с тем уточнения того, к кому обращено предложение и у кого высказывается ответная реакция.

Осуществление обращением функции уточнение обращенности предложения и функции уточнения того, к кому обращено предложение и у кого тем самым вызывается ответная реакция, находит свое совокупное интонационное выражение фактом включения обращения в предложение как в интонационно-смысловое целое. [2. с. 45]

В зависимости от бытовой ситуации, от цели и характера самого высказывания, а также в зависимости от выражаемых говорящим эмоций, та или иная из совокупно-осуществляемых обращением функции проявляется наиболее ярко, что и находит свое интонационное выражение.

Если обращение употребляется с целью привлечения внимания обозначаемого им лица к самому говорящему и к его высказыванию и вместе с тем с целью стимулирования ответа, а также при выражении эмоций, оно

интонационно обособляется и несет на себе ударение. В этом случае функция обращения, как уточнитель того, к кому обращено высказывание и у кого оно вызывает ответную реакцию, проявляется ярче, чем его функция уточнения обращенности предложения. В русском языке такое обращение сопровождается звательной интонацией и, как и в английском, обособляется. Согласно академической грамматики, звательная интонация характерно для обращения, находящегося не только в начале, но и в конце предложения, при чем пауза, отделяющая обращение, находящееся в начале предложения. Обычно бывает более продолжительной, чем пауза, отделяющая обращение, находящееся в конце предложение.

Если обращение в английском языке употребляется лишь с целью стимулирования ответа со стороны обозначаемого им лица (лиц), оно, видимо, может и не обособляться. Однако в этом случае оно произносится в восходящем тоне. В русском языке в конце вопросительных предложений произносится тоже с некоторым повышением тона. [1 с. 45]. Обращение, которым стимулируется ответная реакция на высказывание может произноситься в русском языке с вопросительной интонацией. [1. с. 67]

В том случае, когда употреблением обращения не преследуется цель привлечения внимания обозначаемого им лица к высказыванию и стимулированию его ответа, функция обращения, как уточнителя обращенности предложения, проявляется ярче, чем его функция, как уточнителя того, к кому обращено высказывание и у кого вызывается ответная реакция. В этом случае в английском языке оно находится в конце той или иной синтагмы предложения и не несет на себе ударения. В русском языке, как указывает академическая грамматика, обращение в этом случае интонационно выделяется слабо или не выделяется совсем.

Твердый порядок слов в английском и свободный в русском языке накладывает свой отпечаток на сочетание слов в функции обращения. Флективность русского языка позволяет широко использовать в обращении не только в качестве постпозитивных определений имя прилагательное, причастие, притяжательное местоимение первого лица и имя существительное. Если в сочетании в функции обращения есть два определителя, один из которых выражен притяжательным местоимением первого лица, а второй — именем прилагательным, то они могут располагаться в любой последовательности (*моя любимая сестра, любимая моя сестра, сестра моя любимая, сестра любимая моя*). Определение, выражено причастным оборотом, также может находиться не только в постпозиции, но и препозиции (*край, страдающий в плену; мной созванные гости*).

Флективный характер русского языка позволяет отделить определяющий член обращения от его определяемого словами — членами предложения.

За кровь и слезы жаждавший расплаты.

Тебя мы видим, сорок первый год.

Аналитический строй современного английского языка способствует локализации определяющего члена в сочетаний, сопоставляющем обращений. Определение, выражено притяжательным местоимением, находится в препозиции. В постпозиции изредка встречается форма «mine» воспринимается в настоящее время как архаизм.

Определение, выраженное причастием настоящего или прошедшего времени, видимо, всегда препозитивно (*working class, respected sir*). Определение, выраженное именем прилагательным, обычно употребляется препозитивно (*sweet child*).

Обращение, где имя прилагательное в функции определения находится в постпозиции, встречается редко и воспринимается как архаизм (*lady fair*).

Слово «dear» и сочетание «my dear», «my beloved», «my sweet» и «my hearty» встречаются в обращении как в препозиции, так и в постпозиции, при этом, будучи употреблены в функции препозитивного определения к «sir», «madam», «Mr/(Mrs) Brown» и т. п. слово «dear» и сочетание «my dear» служит лишь показателем степени знакомства говорящего с обозначаемым таким обращением лицом. Такие сочетания и слово «dear» в постпозиции, видимо, можно рассматривать как необособленное приложение (*Alice dear, Phil my hearty*).

Имя существительное в притяжательном падеже употребляется в обращении в функции препозитивного определения (*Walter's uncle*). Имя существительное в общем, падеже — в функции беспредложного определения встречается в обращении только в препозиции (*Members of the Iron Guard of the Black Legion*).

В английском обращении притяжательное местоимение первого лица обычно предшествует имени прилагательному, образуя рамочную конструкцию (*my pretty child*).

Обращения типа «good my lord» встречаются редко и воспринимаются как архаизмы. Определение, выраженное причастным обращением в английском обращении, всегда постпозитивно. В английском языке определяющий член обращения никогда не отделяется от своего определяемого другими словами — членами предложения.

Исследовав обращение в английском и русском языках, мы пришли к выводу, что обращение — это слово, или сочетание слов, находящееся в составе обращенного, осуществляющего функцию речевой коммуникации предложения, как интонационно-смыслового целого. Обращение используется для обозначения в качестве адресата речи того или тех, к кому оно обращено в составе сложного синтаксического целого, которые таким образом вовлекаются говорящим в речевой акт и от кого, в зависимости от характера высказывания (это может быть приветствие, вопрос, просьба, сообщение, приказ) ожидается та или иная ответная реакция, выраженная либо словесно, либо действием, либо и тем и другим.

Необходимо отметить тот факт, что твердый порядок слов в английском и свободный в русском языке имеет огромное влияние на сочетание слов в обращении. Так, флективность русского языка позволяет не только использовать различные определители обращения постпозитивно, но и отделять их от главного члена обращения членами обращения другими членами предложения. Тогда как в английском языке наблюдается преимущественное употребление определителей обращения в препозиции, а если и встречаются постпозитивные определения, то они воспринимаются как архаизм. В английском языке, в отличие от русского, определяющий член обращения никогда не отделяется от своего определяемого другими словами.

Литература:

1. Аракин, В. А. Сравнительная типология английского и русского языков., — Москва — «Просвещение», 1989 г.
2. Зверева, Е. Н., Эбер И. Г. Грамматические соответствия английского и русского языков. — Ленинград, — ЛГУ, 1962 г.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. — Москва — «Высшая школа», 1969 г.
4. Robertson, S. Cassidy F. The Development of English. — New York. 1960.
5. Sweet, H. A new English Grammar, Logical and Historical. — Oxford. 1955.
6. Albee, E. Tiny Alice. — London. 1969.
7. Aldridge, J. The sea eagle. — London. 1973.
8. Behan, B. The Square Fellow. — New York. 1981.
9. Capote, T. Breakfast at Tiffany's. — New York. 1960.

Некоторые лингвистические характеристики терминологических единиц (на примере современной англоязычной терминологии цифровой фотографии)

Асадова Алина Юрьевна, аспирант

Пятигорский государственный лингвистический университет (Ставропольский край)

Статья посвящена анализу некоторых лингвистических характеристик англоязычных терминологических единиц сферы цифровой фотографии. Автор рассматривает понятия термина и терминологии, функции терминологических единиц, а также структурные типы терминов, терминологические заимствования и синонимы на примере терминов цифровой фотографии современного английского языка.

Ключевые слова: термин, терминология, специальная лексика, цифровая фотография, терминоведение.

Терминология, составляющая значительную часть лексического состава языка и выступающая в качестве семантического и функционального ядра научной лексики, сегодня привлекает все большее внимание как российских, так и зарубежных исследователей [см. 2–7; 9; 14; 18–22; 29–31]. При этом «терминоведению как науке о терминах отводится одно из приоритетных мест в системе научных дисциплин» [1; 26; 27] и направлений лингвистического и, в целом, гуманитарного профиля.

Термин является основной составляющей терминологии, иначе говоря, единицей специальной лексико-семантической подсистемы языка. Проблема термина как объекта лингвистического изучения и моделирования давно занимает одно из ведущих мест в языкознании. Целью данного раздела является рассмотрение лингвистических характеристик терминологии как особой подсистемы языка для того, чтобы выработать собственное понимание сущности терминологических единиц, которое будет использовано в дальнейшем для описания единиц исследуемого подязыка.

В лингвистической науке имеется огромное количество разнообразных определений термина. Это объясняется тем, что термин представляет собой объект изучения целого ряда наук, и каждая наука стремится выделить в термине признаки, существенные с ее точки зрения. Многие трудности в определении сущности и специфики термина также связаны с его двойственной природой. Являясь единицей общенационального языка, термин принадлежит лексико-семантической системе и, следовательно, обладает всеми лексико-грамматическими свойствами обычного слова [28, с. 153]. В то же время термин является единицей языка науки и существует только в пределах определенного терминологического поля, в системе терминов конкретного подязыка, обозначая специальное понятие, встроенное в глобальную иерархизированную систему общего и специального научного знания. Принадлежность термина к столь различным системам обуславливает особую сложность его определения.

Пытаясь объединить термин как единицу языка науки и термин как единицу общенационального языка, многие исследователи выделяют следующие нерядоположенные,

но взаимокоррелирующие особенности термина [34]: 1) термин — это языковая единица (слово или словосочетание) специальной сферы употребления; 2) термин — это наименование специального объекта или понятия; 3) термин — это такое наименование, которому соответствует дефиниция, точно и четко отражающая содержание соответствующего понятия, выделяющая такие его отличительные признаки, которые дают возможность отграничить одно понятие от другого и в то же время позволяют поставить данное понятие в определенный классификационный ряд.

Данные определения доказывают, что терминологи признают соотнесенность термина как лексической единицы языка и как специфического понятия определенной области знания.

С одной стороны, термин, выступая в качестве лексической единицы, принадлежит лексико-семантической системе языка. Этот факт означает, что термин подвержен влиянию тех же динамических процессов, что и любое слово, не являющееся термином. С другой стороны, являясь обозначением определенного научного понятия, термин принадлежит метаязыку соответствующей науки, и, следовательно, на него распространяется стремление к устранению неопределенности, к эстетической, эмоциональной и модальной нейтральности, а также к упорядоченности и строгой системности» [28, с. 150].

Развитие любой науки невозможно без терминов и терминологии. Термины определяют суть научных открытий, отражают содержание развивающихся областей знаний, передают вновь созданные и уже существующие в науке и технике понятия, служат названием новых предметов, явлений, процессов, приборов, приспособлений и устройств.

Несмотря на огромное количество определений слова «термин» в исследованиях различных авторов, до сих пор не существует такого его научного понимания, которое отражало бы все или хотя бы большинство лексических и функциональных особенностей слов данного класса. Данный факт связан с тем, что ученые дают различные определения слову «термин», в зависимости от объекта своего исследования. Разнообразие определений термина также объясняется большим количеством видов данных

лексических единиц, обладающих различными свойствами, а также различными парадигмальными подходами к анализу терминов.

Большинство определений слова «термин» в исследованиях различных авторов сводится к следующему мнению: термин — это слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области или деятельности. Подобные определения многочисленны, но они не отражают в полной мере характеристики, присущие термину. Термин — это более сложное понятие, состоящее из различных элементов. Также существует ряд требований, предъявляемых термину, которые мы проанализируем далее в настоящем разделе.

Если изучить работы таких авторов, как В. М. Лейчик, Д. С. Лотте, Б. Н. Головин, А. В. Суперанская, посвященные теоретическим вопросам термина и терминологии в целом, можно наблюдать широкий спектр взаимодополняющих определений термина.

Относительно определений термина необходимо подчеркнуть, что в них чаще всего раскрывается и акцентируется лишь один существенный признак (например, соотносимость с научным понятием, системность и т. п.). Так, например, по мнению И. С. Квитко, «термин — наиболее информативная единица естественного языка. Термин — точный носитель информации о научном понятии» [16, с. 19].

М. М. Глушко констатирует, что «термин — это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы» [11, с. 25].

Термин, по словам Г. О. Винокура, — это особый вид слова, отличающийся особой функцией, которая определяет специфические признаки термина: 1) специализированность значения термина, 2) его интеллектуальную чистоту, то есть его отрешение от образных и эмоциональных переживаний, обычно сопутствующих обиходному словопотреблению [10, с. 8].

По мнению Б. Н. Головина, термин — это слово или подчинительное сочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально — технических объектов и отношений между ними [12, с. 15].

Определение, данное В. М. Лейчиком, является, на наш взгляд, более комплексным. По его мнению, термин — это сложное, многослойное образование, состоящее из языковых элементов, логического содержания, определяемого признаками специального понятия, обозначаемого термином, и терминологической сущности, которая включает концептуальную, функциональную и формальную структуры, представленные терминологическими элементами. [24, с. 14]. Автор справедливо полагает, что термин обладает сложной структурой, включающей в себя функциональную, формальную и концептуальную подструктуры. Определение,

подобное этому, дает и А. В. Суперанская. По ее мнению, термин — это специальное слово, принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях [35, с. 14]. Мы полагаем, что под особыми условиями, ученый понимает профессиональную коммуникацию.

Разнообразие точек зрения на сущность термина наблюдается и у зарубежных лингвистов. Под термином понимается лексическая единица, состоящая из одного или нескольких слов, которая репрезентирует понятие внутри определенной сферы (a lexical unit consisting of one or more than one word which represents a concept inside a domain) (*перевод наш — А. А.*) [37, р. 151]. Термин — это лингвистический символ, который связан с одним или несколькими понятиями, которые определяются посредством смежных понятий. Термин может представлять собой слово или словосочетание, а также букву или графический символ, аббревиатуру, акроним, условный знак и т. д. (A linguistic symbol which is assigned to one or more concepts, which are defined from neighboring concepts. It can be a word or a word group. It can also be a letter or graphic symbol, an abbreviation, an acronym, a notation, etc.) (*перевод наш — А. А.*) [39, р. 168].

В зарубежных терминологических стандартах под термином понимается обозначение, состоящее из одного или более слов, представляющих общее понятие в специальном языке [40]. Подобное определение находим и у других лингвистов: термины — специальные лексические единицы, которые возникают в определенной дисциплине или предмете, используемые для обозначения понятий в языке [см. 42].

Т. Сэйвори считает наиболее характерной отличительной чертой терминов их эмоциональную нейтральность и рассматривает термины как условные знаки, предназначенные для передачи определенной закодированной информации, поддающейся дешифровке (пониманию) лишь теми, кто располагает соответствующим ключом (кодом) [43]. Т. е. нужно быть специалистом, чтобы хорошо разбираться в терминологии.

Как отмечает С. Ландау, определение специального понятия часто требует отнесения к базовому (basic) понятию и обязательно требует включения специальных понятий с общими и пересекающимися признаками (Terms sharing a common element) [41, р. 151].

В соответствии с логико-лингвистическим подходом термин представляет собой условный символ (слово, группу слов...), выражающий определенное понятие в конкретной области знания [39, р. 54]. Терминологическая единица определяется как элемент терминологической системы, которая является языковым выражением системы понятий определенной области знания [38, р. 15]. По мнению Л. Бесекирска, термин — это слово или сочетание слов, представленных в содержательном плане научным, техническим или другим специальным понятием [8, с. 34]. В данном определении также отмечается логико-лингвистическая соотносимость специального понятия и языковой единицы.

Проанализировав данные определения, под термином мы понимаем слово или словосочетание, соотношенное с понятием, системно встроенным в определенную область знания, обладающее дефиницией и являющееся составной частью определенной терминосистемы. Термин выступает результатом научно-фундаментального или научно-прикладного мышления и одним из важнейших элементов профессиональной коммуникации.

При системном упорядочении терминологий некоторые лингвисты сталкиваются с проблемой разграничения терминов и номенов. Номены в таких случаях выделяются как самостоятельная категория специальной лексики. О необходимости разграничения термина и номена впервые писал Г.О. Винокур: «Что касается номенклатуры, то в отличие от терминологии, под ней следует понимать систему совершенно абстрактных и условных символов, единственное назначение которой состоит в том, чтобы дать максимально удобные с прагматической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей, без прямого отношения к потребностям теоретической мысли, оперирующей этими вещами» [10, с. 8]. Исходя из данного определения, мы можем прийти к выводу, что функция номена — удобное обозначение различного рода мер, которое должно отражаться в форме единицы.

А.А. Реформатский, вслед за Г.О. Винокуром, проводит различие терминологии и номенклатуры. В концепции А.А. Реформатского значение номенов конкретнее и точнее значения терминов ввиду того, что номены могут обозначать единичные предметы, поэтому могут быть и именами собственными [32].

По вопросу соотношения терминов и номенов, мы можем согласиться с В.А. Татариновым, который считает, что термин отражает абстрактное общее понятие, номен — конкретное единичное понятие, которое может быть репрезентировано и именем собственным. К номенам относятся названия конкретных предметов, процессов, материалов [36, с. 311].

Мнение о том, что термины — это особые слова, является одним из основополагающих для школы Д.С. Лотте, который разработал наиболее стройную систему требований к термину. Д.С. Лотте считал, что термин, в отличие от обычного слова, всегда выражает строго фиксированное понятие, что термин должен быть краток, лишен многозначности, синонимии, омонимии [25, с. 7].

В современном терминоведении существует и ряд других требований к термину, среди которых отечественные лингвисты выделяют следующие: 1) соответствие нормам национального языка; 2) соотношенность с понятием специальной области знания; 3) системность в рамках определенного терминологического поля; 4) внеконтекстуальность; 5) отсутствие синонимов в рамках одной терминосистемы [1, с. 252; 15, с. 78; 27, с. 127].

Следует заметить, что, несмотря на большое количество работ лингвистов, рассматривающих различные требования к термину, на практике многие из них являются необязательными. По мнению А.И. Моисеева, при-

знаки, обычно приписываемые термину и терминологии в целом, — не более как тенденция или их желательные качества, или, наконец, требования к рационально построенной терминологии [27, с. 132].

Однако выявление и определение требований к термину необходимо, поскольку они позволяют терминологам при исследовании лингвистической сущности термина и терминографам при составлении словарей ориентироваться на них «как на своего рода эталон, достижение которого проблематично, но стремиться к которому следует» [1, с. 14].

Для более четкого понимания сущности термина важным является вопрос о выполняемых им функциях. Несмотря на большое количество работ, освещающих эту проблему, следует признать, что в этом вопросе среди лингвистов также нет единого мнения.

Многие терминоведы доказывают, что термин имеет функциональную природу. В.М. Лейчик включает в круг функций термина коммуникативную, номинативную, прагматическую, сигнификативную и эвристическую. Сущностно данные функции можно разграничить следующим образом:

- коммуникативная — функция передачи специального знания;
- номинативная — функция называния класса специальных объектов;
- прагматическая — функция воздействия на адресата посредством профилирования определенным образом содержания общего понятия в системе понятий определенной специальной области знаний;
- сигнификативная — функция обозначения общего понятия, входящего в систему понятий специальной области знания.
- эвристическая — функция открытия нового знания, присущая термину как элементу терминосистемы, входящей в теорию некоторой специальной области знания или деятельности; иными словами, термин здесь выступает как инструмент познания и приращения научного знания.

Все выполняемые термином функции находятся в постоянном взаимодействии и обуславливают друг друга в процессе реализации [23, с. 78–90].

По мнению Б.Н. Головина, функции термина в различных сферах общественной деятельности в значительной степени определяются особенностями его семантики [12, с. 15; 13].

В научных терминах на первый план выступает связь с понятием, а в технических и других типах терминов — соотношенность с называемым предметом. Поэтому производственные, технические и другие термины семантически близки к словам общеупотребительным; причем граница между производственно-техническим термином и общеупотребительным словом может быть проведена лишь при помощи контекстуального анализа.

Несмотря на стремление ученых упорядочить научно-техническую терминологию и накопленный опыт по нормированию и стандартизации терминов и термино-

систем, изучению такого активно развивающегося подъязыка техники, как терминология цифровой фотографии, не было уделено должного внимания. Между тем, значимость фотографии как научно-технического направления в современном обществе трудно переоценить. Анализ показывает, что терминология цифровой фотографии отличается наличием многокомпонентных терминосочетаний, преобладающих над однословными терминами, а также аббревиатур различных типов — *buffer memory* (буферная память), *image stabilization* (стабилизация изображения), *auto white balance* (авто-баланс белого), *CMY colours* (цвета голубой, пурпурный, желтый; цвета ГПЖ), *CMYK colour separation* (субтрактивная система (модель) цветоделения голубой-пурпурный-желтый-черный), *Compact Flash Card (CF card)* (компактная флеш-карта, карта памяти), *OLED (Organic Light Emitting Diode)* (органический светоизлучающий диод, органический светодиод), *tagged image file format* (теговый формат файлов изображения) [44]. В сравнении с русским языком, англоязычная терминология цифровой фотографии является более разнообразной и разветвленной, что способствует появлению большого количества терминологических заимствований в русском языке. Наиболее распространенными видами заимствований являются термины-кальки и смешанные заимствования [33], заполняющие языковые лакуны, маркирующие отсутствие терминологических единиц для номинации вновь разрабатываемых фотоприборов и техник фотографии. Например: *формат файла* — *file format*, *карта памяти* — *memory card*, *пиксель* — *pixel*, *мегапиксель* — *megapixel*, *фокус* — *focus*, *автофокус* — *autofocus*, *фотшош* — *Photoshop*, *апертура* — *aperture*, *экспозиция* — *exposure* и т. д. [45].

Требование к отсутствию синонимов в терминологии цифровой фотографии не является актуальным, ввиду наличия сильно развитой синонимии исследуемых терминов — *memory card* — *flash-card* (карта памяти), *photograph* — *photo, image, picture, pic* (фотография, картинка), *photographic camera* — *camera, camcorder, taking camera, still camera* (фотоаппарат), *panorama* — *landscape, scene, background* (панорама, пейзаж), *photoflash lamp* — *photoflash, flash bulb, flash gun, electronic flash, flash* (вспышка) [46] и т. д. Мы наблюдаем наличие как семантических (*photograph* — *image*), так и структурных синонимов, основанных на сокращении и эллиптизации (*photograph* — *photo, electronic flash* — *flash*). Синонимичные термины составляют большую часть всех терминологических единиц. Синонимия терминов обусловлена близостью входящих в их состав терминологических элементов, а также тенденцией к сокращению лексической протяженности термина, что объясняет существование большого количества синтаксических или — шире говоря — структурных вариантов единиц рассматриваемой терминосистемы.

Англоязычная терминология цифровой фотографии представляет собой интересную и практически неизученную область лингвистических исследований. Данная терминология характеризуется особыми чертами, отличающими ее от других терминологий специальных областей, в частности, в том, что касается преобладания многокомпонентных терминологических единиц, значительным количеством семантических и структурных синонимов, а также выступления в качестве источника терминологических заимствований для других языков, в том числе русского языка.

Литература:

1. Авербух, К. Я. Общая теория термина. М., 2004. 252 с.
2. Алимуратов, О. А., Бруданина А. В. Опыт моделирования динамики формирования и вербализации концепта: теоретико-методологические подходы и практические приложения (на материале концепта PARTING, вербализуемого средствами английского языка // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. №3. с. 105–110.
3. Алимуратов, О. А., Лату М. Н. Динамические процессы в терминологических системах (на материале современных англоязычных терминосистем) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. №14. с. 250–259.
4. Алимуратов, О. А., Лату М. Н. Особенности моделирования семантики терминоединиц, терминологические оппозиции (на материале англоязычной военной терминологии) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. №3. с. 6–15.
5. Алимуратов, О. А., Лату М. Н. Особенности терминологической номинации: когнитивно-семантический подход (на материале китайской и английской терминологии боевых искусств) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. №1–2. с. 6–13.
6. Алимуратов, О. А., Лату М. Н., Раздубев А. В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий): монография (2-е изд., исправл. и дополн.). Пятигорск, 2012. 128 с.
7. Алимуратов, О. А., Раздубев А. В. Термины-эпонимы в русском и английском подъязыках нанотехнологий: структурно-семантический и гендерный аспекты // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. №2. с. 157–161.
8. Бесекирска, Л. К вопросу об определении термина // Терминоведение. М., 1996. №1–3. С. 34–37.

9. Бугаенко, Н.П. Некоторые вопросы современной динамики терминологического образования в русском языке // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. №4. с. 38–41.
10. Винокур, Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. М., 1939.
11. Глушко, М.М. Теория и практика английской научной речи, 1987. 159 с.
12. Головин, Б.Н. Введение в языкознание. М., 1983. 231 с.
13. Головин, Б.Н., Кобрин, Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
14. Горбунова, Н.Н. Основные характеристики англоязычной терминосистемы сферы менеджмента и ее тематическая стратификация // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. №2. с. 76–83.
15. Даниленко, В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 243 с.
16. Квитко, И.С. Термин в научном документе. Л., 1976. 19 с.
17. Кобрин, Р.Ю. О понятиях «терминология» и «терминологическая система» // Татаринцев В.А. История отечественного терминоведения: хрестоматия. М.: Моск. лицей, 2003. Т. 3: Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973–1992). с. 35–40.
18. Лату, М.Н. Комплексная характеристика современной англоязычной военно-исторической терминологии: фреймово-семантический подход // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. №1. с. 120–123.
19. Лату, М.Н. Этапы становления и развития фрагментов научной картины мира (на примере динамики англоязычной терминологии исследований космоса) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. №3. с. 106–111.
20. Лату, М.Н., Алимуратов О.А. К вопросу об универсальных и индивидуальных характеристиках терминосистем (на материале англоязычной военно-исторической терминологии) // Язык. Текст. Дискурс. 2008. №6. с. 250–255.
21. Лату, М.Н., Раздубев А.В. Причины и модели возникновения синонимии у терминов в сфере фиксации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. №2. с. 142–145.
22. Лату, М.Н., Раздубев А.В. Терминоведение: частные вопросы развивающихся терминологий: учебное пособие к лекционному курсу «Общие и прикладные аспекты терминоведения». Пятигорск, 2011. 132 с.
23. Лейчик, В.М. О методах и принципах конструирования терминосистем // Семантика естественных и искусственных языков в специализированных системах. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 192 с.
24. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
25. Лотте, Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 158 с.
26. Маджаева, С. И Перспективы развития терминологии, 2010. — 17 с.
27. Моисеев, А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. с. 127–139.
28. Морковин, В. В Термины и возможный способ их описания в словаре активного типа, 1983. — 150–158 с.
29. Раздубев, А.В. Современный английский подъязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели: автореферат дис... кандидата филологических наук: 10.02.04/Пятигорский государственный лингвистический университет. Пятигорск, 2013. 31 с.
30. Раздубев, А.В., Алимуратов О.А. Опыт когнитивного моделирования и лексикографирования английского подъязыка нанотехнологий // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. №1. с. 72–86.
31. Раздубев, А.В., Хакиева З.У. Основные индивидуальные (вариативные) характеристики англоязычных систем строительной и нанотехнологической терминологии // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2012. №7. с. 191–206.
32. Реформатский, А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания. М.: Изд-во Ин-та языкознания АН СССР, 1961. с. 46–54.
33. Соловьева, Н.М. Фотокиноаппаратура и ее эксплуатация: Учебник для средних специальных учебных заведений. М., 1992. 216 с.
34. Сулейманова, А.К. Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста: Автореф. дис... д-ра филол. наук. Башкирский гос. ун-т. Уфа, 2006. 47 с.
35. Суперанская, А. В. [и др.]. Общая терминология: Вопросы теории/А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева/отв. ред. Т.Л. Канделаки. М.: Едиториал УРСС, 2004. 248 с.
36. Татаринцев, В.А. Теория терминоведения: в 3-х т. М.: Моск. лицей, 1996. Т. 1: Теория термина: История и современное состояние. 311 с.
37. Bessé, V. de, Nkwenti-Azeh B., Sager J. C. Glossary of terms used in terminology // Terminology. 1997. №4 (1). P. 117–156;

38. Bourigault, D., Condamines A. Terminology & Artificial Intelligence. Toulouse: Universite de Toulouse, 1993.
39. Felber, H. Terminology Manual. Paris: UNESCO, Infoterm, 2002.
40. ISO 704—1987. Principles and methods of terminology
41. Landau, S. I. Dictionaries. The art and Craft of Lexicography. — Cambridge: University Press, 1992. — 370 p.
42. Richards, J., Platt J., Weber H. Longman Dictionary of Applied Linguistics. Harlow, 1985.
43. Savory, T. H. The language of science. London, 1967.
44. <http://www.bhphotovideo.com/explora/photography/buying-guide/glossary-digital-photography-terms>
45. <http://www.digital-photography-tips.net/digital-photography-terminology.html>
46. <http://www.photographytips.com/page.cfm/2062>

Понимание текста как проблема современной лингвистики и гуманитарного познания

Букатникова Светлана Дмитриевна, аспирант
Оренбургский государственный университет

Как известно, понимание представляет собой основу коммуникации, жизнедеятельности человеческого общества в целом и отдельного индивидуума в социуме. На протяжении уже нескольких десятилетий понимание является одним из фундаментальных понятий в области гуманитарных исследований.

В лингвистике на современном этапе ее развития приоритетным направлением является изучение проблемы понимания текста, т.к. динамичный ритм развития социума, технологий и техники влечет за собой ежегодное увеличение того объема информации, который человек должен успевать максимально быстро воспринимать и понимать.

По данным ЮНЕСКО, в XXI веке за год печатается более 20 тыс. научно-технических журналов, а в целом литературный фонд земного шара увеличивается каждую минуту на одну новую изданную книгу. И только за 2013 год напечатано более 2,394,624 книг, а за январь и февраль 2015 года уже издано более 410497 книг [15].

В условиях информационного взрыва — одной из угроз современной цивилизации — человечество рискует оказаться не в силах освоить стремительно нарастающий поток новых текстов и сведений. Поэтому для решения возникшей проблемы становится актуальным исследование всего многообразия явлений и аспектов, влияющих на понимание текста.

Акцентирование внимания на проблеме понимания объясняется тем, что по причине постоянного усложнения процессов коммуникации, все более обширного применения многообразных структур, простота взаимопонимания утрачивается. Развитию данной проблемы способствует значительная дифференциация ценностных ориентаций, активизируемая затруднениями в социальной жизни. Именно в таких условиях, когда автоматизм понимания прекращает свое непосредственное функционирование, перед учеными появляется необходимость решения возникшей проблемы.

Интерес к проблеме понимания художественного текста также обуславливается ее междисциплинарным характером, нахождением на стыке таких наук, как философская герменевтика, лингвистика и теория текста, литературоведение и текстология.

Пониманием текста О.А. Кузнецов и Л.Н. Хромов называют «обращение опыта человека на текст с целью освоения тех частей его содержательности, которые не удается освоить посредством привычных действий смыслового восприятия» [10].

С точки зрения психологии, «понимание это установление логических связей между предметами путем имеющихся знаний» [10], т.е. для психологии важен процесс понимания. В то время как для логики важным является результат процесса понимания.

Также, проблема понимания исследуется в работах М.Я. Дымарского, Б.М. Гаспарова, М.Ю. Сидоровой, О.И. Москальской. В области «философии текста» исследуют проблему текста, дискурса и произведения, их соотношения и различия В.П. Руднева, Г.К. Косикова, М. Фуко, Э. Бенвениста, К. Гаузенблаза, Р. Барта, Ю. Кристевой, Ж. Деррида. В работах отечественных и зарубежных ученых прослеживаются разные подходы к пониманию текста, в частности, философско-герменевтический подход (В. Гумбольдт, Ф. Шлейермахер, Г. Гадамер, Г.И. Богин и др.), психолингвистический (А. Зимняя, А.И. Новиков, П. Белянин, А.А. Залевская и др.), семиосоциопсихологический в работе Т.М. Дридзе, психолингвосемиотический в работах О.Д. Кузьменко-Наумовой, когнитивный (W. Kintsch, Н.И. Колодина, Н.В. Кулибина, В.З. Демьянков и др.), педагогический (Л.А. Мосунова, О.И. Никифорова, К. Goodman, P. Carrel и др.).

Многоаспектность и взаимодополняемость научных подходов к проблеме понимания текста обусловлены ее сложностью и разносторонностью, но каждый из подходов

обладает специфическим, свойственным только ему предметом исследования.

Исследования явления понимания и смыслов текстов традиционно проводились наукой герменевтикой, возникшей в качестве искусства толкования религиозных текстов и теории интерпретации и понимания классических текстов. Впоследствии данная теория переросла в одно из философских направлений XX века, основывающееся на теории интерпретации литературных, художественных текстов.

Понимание получило статус категории в философии в XIX веке, с появлением работ философа и филолога Фридриха Шлейермахера. Им были сформулированы основные принципы классической концепции понимания как процесса, который воссоздает первоначальную идею автора текста. Таким образом, понимание является процессом экспликации имплицитно заложенной автором информации [1, 767].

В. Дильтей, другой философ XIX века и один из создателей методологии герменевтики, определяет герменевтику (и, собственно, понимание текста) как постижение «письменно зафиксированных жизненных проявлений» и постижение духовного единства, интуитивного проникновения одной жизни в другую [1, 768].

Х.Г. Гадамер, один из основателей философской герменевтики, отмечал, что для понимания текста читатель «набрасывает смысл», т.е. когда в тексте проясняется определенный, по мнению читателя, смысл, осуществляется предварительный «набросок» смысла целого текста. Но этот смысл появляется лишь по тому, что читатель ожидает найти тот или иной смысл в тексте. Главная же задача понимания состоит в разработке правильных «набросков», основанных на фактах, которые именно в таком виде являются предвосхищением смысла. Читатель должен подвергаться проверке с точки зрения происхождения и значимости каждый из таких «набросков».

Концепция Х.Г. Гадамера подразумевает, что обращение к текстам требует «опыт осмысления — осмысления, непрестанно продолжающего выражать себя средствами языка, осмысления, никогда не начинающегося с нуля и никогда не замыкающегося на бесконечности» [5]. Таким образом, читателю предоставляется возможность так называемого личного прочтения текста, переосмысления и оценки прочитанного, или «переписывания». Понимание текста состоит в создании собственного текста, источником которого, по Гадамеру, и является опыт. Именно опыт, по его мнению, является основой процесса понимания текста. Цель же понимания заключается в активизации собственных читательских мыслительных процессов посредством формирования диалоговой вопрос-ответной системой. Главным аспектом понимания для Гадамера является совершенствование отношений читателя с миром и другими людьми.

В XX веке, благодаря М. Веберу, появляется новый тезис, утверждающий факт, что любая социальная деятельность содержит в себе установленный, определенный

смысл, соотносимый со смыслами действий других участников социума. Исходя из этого тезиса, понимание трактуется уже как предоснова возможных мыслительных процессов, т.е. это уже не просто воссоздание первоначальной идеи автора, а создание нового знания и смысла в процессе понимания текста.

Что касается филологической герменевтики, объектом ее изучения является художественный текст и его типы. В качестве основной задачи перед ней ставится помощь в различных коммуникационных ситуациях между людьми, преодоление непонимания между ними.

Проблема понимания в филологическом познании является на данном этапе развития науки одной из центральных. В современной лингвистике текст представляет собой сложное системно-структурное образование, функциональными единицами которого являются слова, обладающие различной специфической маркированностью. Данный факт ставит перед исследователями задачу рассмотрения проблемы понимания текста и факторов, влияющих на его успешное понимание.

Углубляясь в исследование понятия понимания, ученые выделяют в нем несколько уровней. Так, С.Б. Крымский различает два уровня понимания: уровень опознавания объекта и уровень собственно понимания. В первом случае происходит идентификация новой информации как уже известной и на основе этого принимается определенное решение, во втором же случае, собственно понимание, служит для решения смысловых трудностей, возникающих при распределении различных текстов. Таким образом, благодаря пониманию художественного текста становится возможным понимание любых текстов, а также эксплицированных и неэксплицированных смыслов [8, 182].

По мнению Г.И. Богина существует три уровня понимания: 1) семантизирующее, 2) когнитивное, 3) распределительное.

Семантизирующее понимание — «декодирование единиц текста, выступающих в знаковой функции», т.е. возникает при нарушениях в смысловом восприятии текста в процессе изучения языка, когда требуется объяснение «незнакомому слову».

Когнитивное понимание возникает «при преодолении трудностей в освоении содержательности познаваемой информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание», т.е. данный уровень понимания позволяет усвоить связи, выводы, данные эксплицитно в определенном тексте.

Распределительное понимание основано на «распределении идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но определенными все же именно в средствах текста». На данном уровне понимания становится возможным переводить смысл текстов в состав смыслов читателя, что может быть достигнуто, также, посредством интерпретации.

Г.И. Богин убежден, что при достаточно развитой готовности к данным трем типам понимания, не может быть непонятных текстов, могут быть только еще не понятые

кем-то тексты. Приведенные выше типы понимания дают читателю возможность постигнуть все потенциальные ситуации, которые могут быть представлены в текстах: «знаковыми ситуациями» — благодаря семантизирующему пониманию; «предметно-реальными» — благодаря когнитивному пониманию; «идеально-реальными» — благодаря распредмечивающему пониманию. Все вышеперечисленное является основой правила принципиальной понятности текста. При этом ученым отмечается взаимная проницаемость трех типов понимания, поскольку понимание есть «процесс, протекающий в единстве со всеми остальными процессами мыследеятельности». Поэтому, как правило, при освоении художественного текста, образуется своего рода иерархия уровней понимания — читатель движется от семантизирующего понимания к пониманию когнитивному и к распредмечивающему. Основа успешного понимания и высокого результата понимания лежит в объединении воедино всех трех уровней [3].

Процесс понимания текста, согласно А. А. Брудному, происходит одновременно, также, на нескольких уровнях, среди которых им выделяется уровень «монтажа», т. е. последовательное перемещение от одного текстового элемента к другому, «перецентрировка», т. е. перемещение от одного мысленного центра ситуации к другому, уровень «формирования» единого концепта текста [4, 116].

Кроме уровней понимания А. А. Брудный исследует функции понимания, выделяя при этом три основные: когнитивную (заключается в объединении разрозненных знаний в единую систему), регуляторную (прогнозирование последствий собственных действий, основываясь на опыте общения, нормах и правилах поведения), идеологическую (порождение воззрений на политическую жизнь общества).

В тоже время М. М. Бахтин отмечает три этапа «диалогического движения понимания». Исходной точкой данного движения является непосредственно текст, а «движение назад — прошлые контексты, движение вперед — предвосхищение (и начало) будущего контекста» [2, 364]. По Бахтину, понимание это совокупность значительного количества интерпретаций на всех трех этапах. Что касается критерия успешного понимания текста по концепции М. М. Бахтина, то этим критерием является «глубина», постижение глубинного смысла текста. К методам «постижения» автор концепции относит «восполняющее понимание», которое нацелено на осмысление авторского творческого процесса и на «раскрытие многообразия смыслов» текста. Постигание этого «глубинного смысла» текста и является основной задачей гуманитарных наук.

Рассматривая понимание текста в психолингвистическом аспекте А. А. Залевская обращает внимание на основные механизмы понимания текста, их взаимодействие. Прежде всего исследователем подчеркивается проблема отсутствия четкой трактовки механизма и среди приведенных примеров неоднозначности употребления обсуждаемого термина выделяются случаи терминологического использования слова механизм. Кроме того, А. А. Залев-

ская подразделяет их на несколько случаев понимания под термином механизма: 1) устройство чего-либо и его структурные характеристики; 2) процесс или совокупность действий, операций; 3) взаимодействие структуры и процесса при указании на условность разграничения данных понятий; 4) неоднозначный термин, используемый для анализа структуры или процессов, или и того, и другого; 5) структура, процесс или результат; 6) уравнивается термин операции и механизма [7, 19–20].

Независимо от трактовки сущности понимания, разными авторами выделяются разные механизмы понимания. Итак, согласно «Краткому психологическому словарю» Л. А. Карпенко, различают следующие механизмы: идентификацию, интуицию, инсайт, каузальную атрибуцию, проекцию, социальную перцепцию, эмпатис. С определениями можно детально ознакомиться в словаре, где даются подробные дефиниции с точки зрения психологии [14].

Другой исследователь, Е. С. Кубрякова отмечает важность механизмов, лежащих «в основе порождения и понимания высказываний» [9, 4] и выделяет механизм корреляционного и прагматического связывания единиц, механизмы номинации, предикации, синтаксирования, извлечения лексических единиц из лексикона, деривации и другие [9, 41].

А. Ф. Ширяев, работая над вопросом успешности деятельности синхрониста-переводчика, отмечает среди специфических для данной профессии типов понимания, механизм вероятностного прогнозирования [13, 172]. В данном случае в основе этого механизма лежит способность читающего, находясь под влиянием определенных элементов текста, составлять некоторое представление о целостной ситуации или ее отдельных составляющих и/или их характеристик. Чаще всего, в данном случае, главная роль принадлежит семантическим редуPLICATIONам, находящимся в наибольшей концентрации в интервалах начала текста и гармонического центра. В момент, когда запускается механизм вероятностного прогнозирования, читатель обретает способность «заглянуть вперед» и спрогнозировать дальнейшее развитие информации в тексте. Даже заголовок художественного произведения способен настроить на определенное восприятие читателем текста и прогнозирование возможных в тексте событий.

Каждый читатель из текста вычленяет различное содержание. Поэтому успешность понимания во многом зависит от содержания текста. Поскольку тот образ содержания текста, который создается у читателя, по мнению А. А. Леонтьева, является процессом понимания текста, взятый с его содержательной стороны. Это предметный образ, вбирающий в себя все события, идеи, чувства и ценности человека, т. е. реальный мир, создаваемый благодаря воображению автора текста и его читателя [11, 142–144]. Поэтому воспринимая текст, каждый из читателей видит его и реальность, изображенную в нем, по-разному, с разных ракурсов и понимание текста, соответственно, предполагает некие процессы смыслопорождения относительно сюжета и авторских интенций.

Акцентируя внимание на лингвистическом аспекте проблемы понимания текста, следует отметить, что согласно М. А. Новиковой, любой текст, особенно художественный, может иметь бесчисленное количество интерпретаций, а факт достижения максимального понимания читателем авторских интенций, важно обращать внимание в первую очередь на функционирование языка, поскольку его целью является установление коммуникационных взаимоотношений в социуме.

Известно, что на каждом языковом уровне представлены элементы, которые функционируя на текстовом уровне, составляют основу для общения и взаимопонимания в коммуникативном процессе, поэтому язык репрезентуется как средство общения текстами. По причине возникающей асимметрии языковых знаков разные реципиенты понимают текст с неодинаковой успешностью.

Для успешного понимания авторских интенций Е. Ю. Нежник считает необходимым выполнение следующих задач: анализирование художественного текста как сложной структурно-семантической единицы коммуникации, определить причины недостаточного понимания смысловой стороны художественного текста, проанализировать лингвистические и экстралингвистические факторы языка, выявить механизмы понимания, исследовать, проанализировать внешние показатели наличия отношения уточнения [12, 263].

Для успешного понимания смысловой стороны художественного текста Е. Ю. Нежник считает целесообразным использование конкретизации семантики слова на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях. К экстралингвистическим факторам относятся окружающая действительность с реальными и нереальными предметами с их свойствами, качествами, человеком, его способности к мышлению, отношением к миру. Также важен определенный объем знаний, которым должен обладать человек для успешного восприятия и понимания текста, который зависит от тезауруса индивидуума. К лингвистическим факторам относится функционирование слов в речи. На семантическом уровне при развитии асимметрии (особенно, во французском языке), часто может возникать многозначность и для ее устранения необходимой является конкретизация значения слов [12, 263].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что текст является объектом понимания, который функционирует как единое целое, причем в процессах восприятия и понимания читателем текста немаловажную роль для создания связности между отдельными его элементами выполняют редупликации. В художественных текстах посредством многочисленных редупликаций создается избыточность информации (главным образом за счет семантических редупликаций), что положительно влияет на степень экспрессивности текста и, собственно, процесс его понимания читателем.

Литература:

1. Абушенко, В. Л. Понимание // Новейший философский словарь. — Минск, 2003
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986
3. Богин, Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. Тверь, 2001
4. Брудный, А. А. Понимание как философско-психологическая проблема [Текст]: статья/А. А. Брудный // Вопр. философии, 1975. — № 10. — с. 109–117.
5. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного: пер. с нем./Х, — Г. Гадамер. М.: Искусство, 1991. — 366 с.
6. Дильтей, В. Собр. соч.: в 6 т./Вильгельм Дильтей; под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной кн., 2001. — Т. 4: Герменевтика и теория литературы. — 531 с.
7. Залевская, А. А. Понимание текста: психолингвистический подход: Учеб. пособие. — Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. — 95 с.
8. Крымский, С. Б. Характеристики понимания // Логический анализ естественного языка. Вильнюс, 1982.
9. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
10. Кузнецов, О. А., Хромов Л. Н. Техника быстрого чтения/Кузнецов, О. А., Хромов, Л. Н. // Москва: «КНИГА». — 1983. — 195 с.
11. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 2003.
12. Нежник, Е. Ю. Проблема неадекватности понимания авторских интенций в художественном произведении/Е. Ю. Нежник // Модернизация филологического образования: проблемы и перспективы: Материалы международной научной-практической конференции (Оренбург, 4–5 ноября 2004 г.). — Оренбург: ИПКГОУ ОГУ, 2004. — 426 с.
13. Ширяев, А. Ф. Синхронный перевод. Воениздат., 1979. — 183 с.
14. Краткий психологический словарь/Сост. Л. А. Карпенко; Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М.: Политиздат, 1985. — 431 с.
15. Worldometers' counter. [Электронный ресурс]: statistics published by UNESCO. — Режим доступа <http://www.worldometers.info/books/>. — 19.12.2013.
16. Worldometers' counter. [Электронный ресурс]: statistics published by UNESCO. — Режим доступа <http://www.worldometers.info/books/>. — 01.03.2015

Образ Англии в творчестве Тэффи как культурно-исторический феномен

Воробьева Людмила Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Работа посвящена анализу лондонского текста русской культуры начала XX века в творчестве Тэффи. Впервые образ города рассматривается через соотношение кода и исторической реальности. Это дает возможность говорить о многоуровневой системе восприятия города в рамках русской ментальности. В работе показано, каким образом столица западной цивилизации усваивается русским сознанием и становится включенным в общерусский литературный и культурный контекст.

Ключевые слова: городской текст, текстопорождающий механизм, диалог культур.

В творчестве писателей первой волны русской эмиграции, которые никогда не бывали на берегах туманного Альбина, уделяется особое внимание этой стране. Здесь правомерно рассматривать Англию не как текст, а как определенный художественный образ, поскольку образ страны создается путем преломления в художественном тексте представлений об Англии, почерпнутых из газет, литературы, стереотипах, бытовавших в то время. Англия вызывает интерес русской литературы не только как экономический и политический лидер того времени, но в первую очередь писателей привлекают те процессы, связанные с новым осмыслением личности и общества, синтеза разных областей человеческой деятельности. Наиболее ярко представление о Британии проявляется в творчестве Н. А. Тэффи.

Тэффи начала сотрудничать с журналом «Сатирикон» в 1908 г. и стала одним из ведущих его авторов. Она пишет для журнала фельетоны. Очень популярный в начале века жанр привлекает публику злободневностью, четко выраженной авторской позицией, полемичностью, остроумием.

Отличие от других прозаиков «Сатирикона» (А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Дымова, О. Д'Ора), Тэффи редко прибегает к резкому преувеличению, к явной карикатуре. Ее рассказы предельно достоверны. Писательница не стремится выдумать комическую ситуацию, она умеет найти смешное в обыденном, внешне серьезном. Если остальные сатириконтцы, как правило, строят произведения на нарушении персонажем «нормы», то Тэффи старается показать комизм самой «нормы», с помощью незначительного заострения, малозаметной деформации подчеркивая нелепость общепринятого.

В 1920 г. Тэффи вынуждена уехать из России. Тем не менее, она верит, что когда-нибудь вернется на родину. В своих воспоминаниях Тэффи пишет: «Сейчас вернуться в Петербург трудно, поезжайте пока за границу, — посоветовали мне. — К весне вернетесь на родину.

Чудесное слово — весна. Чудесное слово — родина... Весна — воскресение жизни. Весной вернусь» [1, с. 264].

Творчество периода эмиграции Тэффи продолжает быть обращено к проблемам России, существованию маленького человека в обществе, познанию особенностей русского менталитета путем внутренних исканий

души человека. Это может быть мечта о дальних странах, воплощенная в трубке, понравившаяся скромному корректору, («Трубка»), или трогательная любовь к елочной игрушке, уравнивающая взрослую женщину с ее трехлетней дочерью («Валя»), или мечта о прекрасном принце, которого до самой смерти ожидает не красивая Саша Лютте («О зверях и людях»). Для Тэффи, как и для Достоевского, предметом изображения часто является «не действительность героя, а его самосознание, как действительность второго порядка».

Развитие русской литературы показывает насколько важен вопрос о роли России в истории, самосознании нации. В начале XX в. широко осуждается проблема обозначения русского национального характера и взаимоотношений России и Запада. Однако не менее важно уметь выявлять особенности чужого национального менталитета. Воспринимая и понимая другую культуру есть возможность понять и осознать свою.

Говоря о национальном характере, мы разделяем точку зрения А. Фуллье, заявленную в монографии «Психология французского народа». «Национальный характер не представляет собой простой совокупности индивидуальных характеров, — пишет А. Фуллье, — В среде сильно сплоченного и организованного общества отдельные индивиды оказывают взаимное влияние друг на друга, вследствие которого вырабатывается известный общий способ чувствовать, думать и желать, отличный от того, каким характеризуются ум отдельного члена общества или сумма этих умов. На индивиде в его отношениях к согражданам тяготеет вся история его страны. Таким образом, национальный характер выражает собой особую комбинацию психических сил, внешним проявлением которой служит национальная жизнь» [2, с. 153]. Можно сказать, что и в английском характере отражены ментальные и социальные влияния прошлых веков, независимые от настоящих поколений и действующие на них самих лишь через посредство национальных идей и чувств. Можно также утверждать, что национальная индивидуальность проявляется прежде всего психологическими признаками: языком, религией, поэзией и искусствами, монументами, мнениями нации о самой себе или мнениями о ней других; наконец, она проявляется в ее героях и исторических представителях.

В 1924 г. Тэффи пишет рассказ «Трубка», в котором актуализируется проблема самопознания и национального характера. Начинается повествование с философского утверждения, в свете которого прочитывается весь рассказ: «Никогда мы не знаем, что именно может вернуть нашу жизнь, скривить ее линию. Это нам знать не дано» [3, с. 389].

После философской преамбулы рассказ начинается такими словами: «Жил-был на свете некто Василий Васильевич Зобов. Существо довольно скромное. Явился он в Петербург откуда-то с юга и стал работать в газете в качестве корректора» [3, с. 390]. Таким образом, жанр данного произведения может быть определен как сказ или городская сказка.

Фабула рассказа такова: героя выгоняют с работы корректора за то, что он исправляет авторов, вставляя свои фразы и слова; жизнь с сожительницей и ее детьми и мамой была очень тяжелая; случайно герой покупает английскую трубку и его жизнь меняется: он начинает чувствовать и вести себя как англичанин; однажды герой теряет трубку и умирает. Автором задаются рамки повествования, где герой оказывается существом мифологическим: он чужой среди своих и свой среди чужих. Пространство Петербурга чуждо ему, все вокруг настроены против него: дети — чужие, «жена» и ее мать бьют его, на работе не понимают. Главный герой не ощущает сопричастности к миру, где он проживает. Случай помогает все изменить. Проходя мимо большого, нарядного магазина, герой видит коллекцию разнообразных трубок: «Долго разглядывал Зобов эти трубки и наконец остановился на одной и уже не отводил от нее глаз.

Это была как раз маленькая, толстенькая, которую курительщик любовно сжимает всю в кулаке, трубка старого моряка английских романов.

Смотрел на нее Зобов и чем дольше смотрел, тем страннее себя чувствовал. Словно гипноз. Что же это такое? Что-то милое, что-то забытое, как точный определенный факт, но точное и ясное как настроение. Вроде того, как если бы человек вспоминал меню съеденного им обеда» [3, с. 391].

Таким образом, пространство Петербурга замещается пространством магазина. Теперь действие разворачивается в некоем волшебном пространстве-времени, где вещи могут иметь волшебный смысл, и притом — сами по себе, потому что в данном «волшебном царстве-королевстве» (здесь это магазин) буквально все может быть, и даже то, чего быть не может. Вещь (здесь это английская трубка) находит своего хозяина, оживляет его воспоминания, тем самым, меняя его жизнь. Покупка трубки является тем катализатором, который помогает обнаружить сущность человека, не совпадающую с избранной им для себя ролью: «Задумчиво вошел Зобов в магазин, купил трубку, спросил английского, непременно английского табаку, долго нюхал его густой медовый запах. Тут же набил трубку, потянул и скосил глаз на зеркало.

— Надо усы долой.

В редакции, уже наголо выбритый, сидел тихо, иронически, «по-американски», опустив углы рта, попыхивал трубочкой. Когда при нем поругались два журналиста, он вдруг строго вытянул руку и сказал назидательно:

— Тсс! Не забудьте, что прежде всего надо быть джентльменами.

— Что-о? — удивились журналисты. — Что он там брешет?

Зобов передвинул свою трубочку на другую сторону, перекинул ногу на ногу, заложил пальцы в проймы жилетки. Спокойствие и невозмутимость. <...> Зобов стал джентльменом. Джентльменом и англичанином» [3, с. 392].

С героем происходит сказочное перевоплощение — он чувствует свою принадлежность к нации англичан. Вещь предписывает ему правила социального поведения, обустраивает систему ценностных ориентаций, облегчает переживание своей жизни. Главный герой меняется во всем: иной становится манера поведения, манера общения с социумом, манера одеваться, даже манера писать.

Англия для героя — это состояние души, быть англичанином ему комфортно, даже если он живет за много миль от Британии. Англичанином он считает себя потому, что испытывает чувство внутренней принадлежности к этой стране. Быть гражданином Англии значит обрести ощущение постоянства, твердой земли под ногами. Героя притягивает история города, знает он ее или нет. Он вступает в город-видение.

По мнению героя, основными чертами, отличающими англичан от других национальностей, являются достоинство, сдержанная вежливость, холодность и трезвая деловитость: «Он стал носить высокие крахмальные воротнички и крахмальные манжеты, столь огромные, что они влезали в рукава только самым краешком. Он брился, мылся и все время либо благодарил, либо извинялся. И все сухо, холодно, с достоинством. <...>...потребовал на обед кровавый бифштекс и полбутылки портеру. <...> Перемена естества отразилась и на его писании. Излишний пафос пропал. Явилась трезвая деловитость. <...> Всякая чрезмерность отпала.

— Все на свете должно быть просто, ясно и по-джентльменски

Единственным увлечением, которое он себе позволял и даже в себе поощрял, была любовь к океану. Океана он никогда в жизни не видел, но уверял, что любовь эта «у них всех в крови от предков» [3, с. 394].

Тэффи наделяет героя стереотипными чертами, которые делают узнаваемым определенную нацию. Главный герой рассказа «Трубка» — это обобщенный взгляд русского на Англию, англичан и их культуру, чье мнение складывается на основе штампов, почерпнутых из литературы, газет и собственного позиционирования англичан как «величайшей» нации в мире за рамками своей страны. На основе таких представлений мы получаем страну-виденье, город-миф.

Большой интерес представляет последние фразы рассказа: «Так и умер Билль, англичанин, мореплаватель и джентльмен, мещанин Курской губернии, города Тима, Василий Васильевич Зобов» [3, с. 395]. Такая концовка по форме напоминает некролог, где подчеркивается существенная принадлежность героя к Англии и его доминантные черты характера. Герой обретает родину, и для него — это берега туманного Альбиона.

Основной целью главного героя становится преобразование хаоса в космос, иначе говоря, стремление к гармонии, это становится центральной темой мифа. Можно сказать, что в рассказе Тэффи «Трубка» стремление к гармонической целостности — основа мифологизации образа главного героя. Это проявляется и в характере традиций, соблюдаемых в его доме, которые носят ритуальный характер и затрагивают многие аспекты жизнедеятельности человека — еду, сон, уклад повседневной жизни; и в восприятии мира как замкнутой системы с циклическим представлением о времени; и в устойчи-

вости морально-нравственных ценностей героя как основы миропорядка.

Мифологема смерти и воскрешения, которая воспринимается здесь как библейский инвариант античного мифа о вечном возвращении, пронизывает все художественное пространство рассказа.

Таким образом, в рассказе Тэффи мифологические структуры используются для выявления первооснов человеческого существования применительно к конфликтам и ситуациям начала XX века, для постижения общих закономерностей бытия. При этом миф имеет значение предельно обобщенной схемы, лежащей в основе создаваемого сюжета и образа.

В сатирической литературе первой половины XX века нет необходимости разграничивать пространство Англии и Лондона. Англия показана как определенная схема построения жизненного пространства. Четкая мифологическая линия подчеркивает схематичность и «кодовость» пространства.

Литература:

1. Тэффи. Воспоминания. Париж, 1980. 368 с.
2. Фульье, А. «Психология французского народа», издательство Ф. Павленкова, СПб., 1899. 564 с.
3. Тэффи, Н. А. Рассказы. Сост. е. Трубилова. — М.: Молодая гвардия, 1990. 496 с.

Русские и английские интерпретации реалий казахской культуры

Жайынбаева Асемгуль Ашимхановна, магистрант
Казахский национальный педагогический университет имени Абая (г. Алматы)

Статья затрагивает вопросы изучения и перевода реалий. В предлагаемом материале отражена русские и английские интерпретации реалий, рассматриваются особенности перевода реалий в рассказе М. Ауезова «Красавица в трауре».

Ключевые слова: *реалия, национально-культурная специфика, язык, культура.*

Russian and English interpretations of realities of the Kazakh culture.

Article raises the questions of studying and the translation of realias. In the offered material it is reflected the Russian and English interpretations of realias, The translation of realias of M. Auezov's short novel «Beauty in mourning» into Russian and English languages are analyzed in the article.

Keywords: *realia, national and cultural specifics, language; culture.*

Язык каждого народа представляет собой живой организм, неразрывно связанный с историей, культурой и социальной жизнью этого народа. Носители разных языков, общаясь, взаимодействуя друг с другом, передают культуру своего народа посредством языка, и ключевым звеном межязыкового общения выступает переводчик.

В конце XX века в определениях понятия «язык» появилось существенное дополнение: как заметил К. Ле-

ви-Строс, «язык — продукт культуры, ее важная составная часть и условие существования, фактор формирования культурных кодов» [1, с. 62].

Взаимосвязь языка и культуры нашла отражение в такой области знаний, как лингвострановедение, предметом изучения которого является информация, содержащая важные национально-культурные понятия, идеи, реалии, находящие свое отражение в страноведчески релевантной лексике.

В понимании Г.Д. Томашина лингвострановедение трактуется как страноведчески ориентированная лингвистика, объектом изучения которой являются языковые единицы с ярко-выраженной национально-культурной семантикой, выступающей в качестве сосредоточения знания народа — носителя языка и окружающей деятельности. [2, с. 47]

Данные языковые единицы являются знаком реалии и единицей языка.

Реалии — это названия присущих только определённым нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.п. При сопоставлении языков обозначающие эти явления слова относят к безэквивалентной лексике. [3, с. 240]

Вопрос о реалиях ставится в работах М.Л. Вайсбурд, Е.М. Верещагина, И. Келлера, В.Г. Костомарова, А.Д. Райхштейн, Вл. Россельса, Л.Н. Соболева, А.Е. Супруна, Г.Д. Томашина, Г.В. Чернова.

У Л.Н. Соболева термином «реалия» обозначаются бытовые и специфические национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следовательно, и в языках других стран, и слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах.

Важность перевода реалий подчеркивают многие исследователи.

При переводе происходит адаптация текста к новому получателю, которая является причиной изменений в информации, содержащейся в исходном тексте. Учет функциональной роли, которую играет реалия в том или ином сообщении, является важнейшим принципом прагматического аспекта перевода. Возможно, например, устранение реалии, если она несущественна.

Однако не всегда представляется возможным сохранить реалию или заменить ее эквивалентом в другой культуре. Особенно часто это наблюдается при передаче реальных, конкретных ассоциаций с опосредованным предметом, составляющих специфику лексического значения слова. Но и при этом, устранение реалий снижает художественную ценность перевода по сравнению с оригиналом.

Реалии, отражая специфику национальной культуры, могут иметь коннотации, создающие яркий образ, не всегда доступный представителю иноязычной культуры. Раскрыть его во всей полноте национально-культурных ассоциаций — важнейшая задача лингвострановедческого аспекта в обучении языку.

Следует предостеречь и от подмены иноязычных реалий в процессе перевода. Иногда переводчики интерпретируют содержание оригинала как бы сквозь призму собственного языка и собственной культуры. Но такого рода перевод приводит к искажению исходного сообщения и должен рассматриваться в теории перевода как явление нежелательное. [4, с. 320]

Мы систематизировали казахские реалии в романе М. Ауэзова «Қаралы сұлу» согласно приведенной ниже классификации:

Всего в тексте оригинала 3492 слова, из которых лишь 8 — это реалии. Все реалии относятся к общественно-историческим реалиям, из них:

- 1 реалия, связанная с религией: Алла;
- 1 реалия, связанная с условиями жизни кочевников: жайлау;
- 3 реалии, связанные с культурой народа: жоқтау, жылау, жыр;
- 1 реалия, связанная с названиями административно-территориальных единиц и населенных пунктов: ауыл;
- 1 реалия, связанная с обрядами, обычаями и традициями народа: күн;
- 1 реалия, связанная с наименованием оружия: сойыл.

Для анализа перевода и способов перевода слов-реалий, мы взяли перевод текста оригинала на русский язык, выполненный Алексеем Пантелейевым:

- 1) Алла — Аллах;
- 2) Ауыл — Аул;
- 3) Жайлау — Джайляу;
- 4) Жоқтау — Причитание;
- 5) Жылау — Причитание;
- 6) Жыр — *Не переведено*;
- 7) Күн — Выкуп;
- 8) Соыыл — Дубина

Рассмотрев данный перевод, можно прийти к выводу, что А. Пантелейев использовал следующие способы передачи казахских реалий на русский язык:

1) Транслитерация. Этим способом были переведены такие слова, как:

— «Алла»: — **Аллай**, тұншықтым ғой!.. [5]. — О, **аллах**, я не могу больше! [6, с. 340].

2) Транскрипция. Данным способом переведены такие слова, как:

— «ауыл»: Басқа аталас ағайындары болса — барлығы да бөлек **ауыл** болып, бөтен сияқтанып, өз тілегі, өз өмірімен бұлардан алыстап кеткен [5]. Родичи его жили в своих **аулах**, своими заботами и нуждами и со временем отдалились от него [6, с. 328].

— «жайлау»: Жыл бойы түл болып тұрған **жайлау** бүгінгі күн жыл құсындай боп қиқулап, жеңкіліп келе жатқан елді жаңа көріп сергігендей [5]. **Джайляу**, қоторе сиротливо пустовало целый год, раскрывает кошу объятия, точно ветвистая крона — перелетной птице [6, с. 327].

3) Собственно перевод. Как мы знаем, собственно перевод — это:

1. Истолкование словесных знаков одного языка словесными знаками другого языка. Собственно переводу подвергаются названия государственных учреждений, общественных организаций, партий.

2. Перевод, осуществляемый по заданным правилам без обращения к внеязыковой действительности, отраженной в опыте или восприятии переводчика.

Данный способ перевода не считается одним из эффективных по отношению реалиям, так как при использовании данного способа при переводе реалий, утрачивается их когнитивная функциональность и этнокультурное значение. То есть реалия перестает быть реалией, а становится просто словом, обозначающим какой-то предмет, который известен в разных культурах. Пантиелев применил данный способ к таким словам, как:

— **«сойыл»:** Жанынан қыс өтіп бара жатқан Әзімхан аттың жалын құшып қалғанда, анау ақ сойылды шыр айналдырып келіп, маңдай тұсынан қағып-ұрып жіберді... [5]. А вот парень слева, сидевший на желтомастном жеребце, медлительный и вроде бы нескладный, не целясь, с разворота вlepил дубиной Азимхану прямо в лоб [6, с. 333].

— «күн»:

Әзімхан басына жүз түйенің құнын да алды [5]. Помимо того, Қоныртаусцам пришлось уплатить **выкуп** за убийство, равный стоимости ста верблюдов [6, с. 334].

— **«жоқтау, жылау».** Данные слова не переводились по отдельности, а были переведены общим словом **«причитания»:**

Сондай жылау, жоқтау ішінде Қарагөз барлық үмітті, жастық дүниесін көрге көмді [5]. В ауле слышали, как она голосила, слышали ее **причитания**, певучие, как степной сказ [6, с. 335].

Некоторые реалии отсутствуют в переводе А. Пантиелева, так как переводчик допускает множество опущений в своем переводе и не обладает остаточными фоновыми знаниями. Например, слово **«жыр»**, которое означает: «песня, сказание в стихах, эпос, былина», отсутствует в переводе А. Пантиелева:

Ал Қарагөз қайғысы бір алуан ұзақ, мұңлы **жыр** болып, әлі кетіп барады [5].

(Предложение опущено в переводе.)

Чтобы избежать низкой эквивалентности перевода, недостаточной адекватности перевода, потери национально-культурного колорита оригинала, мы предлагаем перевести все реалии, имеющиеся в тексте способом транскрипции на русский язык, а затем с помощью добавления сноски, дать экспликацию данной реалии.

Мы предлагаем 2 варианта перевода для передачи казахских реалий произведения оригинала для дальнейшей работы переводчиков:

Отредактированный текст перевода А. Пантиелева с передачей реалий способом «транскрипция + экспликация» для передачи всех национальных реалий без потерь и ущерба для текста оригинала;

Собственный перевод с применением способов «транскрипция + экспликация» или «транслитерация + экспликация» для передачи реалий оригинала:

— **«Алла»:**

Оригинал: Аллаһ, тұншықтым ғой!.. [5].

Перевод А. Пантиелева: — О, **аллах**, я не могу больше! [6, с. 340].

Отредактированный перевод А. Пантиелева: О, **Аллах***, я не могу больше!

* — Бог, Всевышний;

Комментарий к переводу:

Данная реалия имеет религиозный контекст и значение ее в этом произведении велико. А. Пантиелев смог передать ее без потери смысла и культурной значимости, применив способ транслитерации, который применяется при передаче данной реалии и в авторском переводе.

Мы не смогли согласиться лишь с переводом остальной части предложения, а именно «тұншықтым ғой», которую А. Пантиелев перевел как «я не могу больше!», хотя по контексту было понятно, что Каракоз задыхается от боли и горечи, которые ее переполняли, и целесообразнее было бы перевести данный отрывок предложения, как «я задыхаюсь».

Перейдем к анализу способов перевода текста с казахского на английский язык.

Данный текст не был переведен на английский язык, и поэтому мы предлагаем рассмотреть исследования А. Ермагамбетовой по переводу казахских слов-реалий и свой авторский перевод реалий с указанием способов их перевода.

А. Ермагамбетова в своей работе «Сущность и значение национальных слов-реалий в языке художественного произведения и способы их перевода» предлагает переводить казахские реалии следующими способами:

- 1) транслитерация + экспликация;
- 2) транскрипция + экспликация;
- 3) транскрипция + добавление + экспликация;
- 4) экспликация [7, с. 18].

И приводит свои примеры перевода реалий текста оригинала, которые выглядят следующим образом:

- 1) Алла — Allah-god — the most high;
- 2) Ауыл — Aul — locate village;
- 3) Жайлау — Jailau — highland pasture (summer pasture or camping cite for summer season);
- 4) Жоқтау — Не переведено;
- 5) Жылау — Не переведено;
- 6) Жыр — Zhir — a tale in verses, usually dealing with history (likewise a poetic story in recitative form);
- 7) Күн — Kun — compensation for a murder; a definite quantity of cattle was payed for the compensation;
- 8) Сойыл — Soeel — a pole used as a weapon.

Из всего этого можно увидеть, что:

- 1) Транслитерацией + экспликацией переведены слова: жыр, күн;
- 2) Транскрипцией + экспликацией переведены слова: сойыл, ауыл, жайлау;
- 3) Транскрипцией + добавлением + экспликацией переведено 1 слово: Алла;
- 4) 2 реалии: жоқтау, жылау не были переведены вообще.

Проанализировав исследования А. Ермагамбетовой по переводу произведения «Қаралы сұлу», можно увидеть, что она использует двойные или тройные способы перевода, включающие в себя экспликацию, которая является одной из самых неэкономных способов перевода, так как описание занимает много места в тексте перевода.

Помимо этого, можно увидеть, что некоторые реалии были упущены и не переведены, что может привести к низкому уровню эквивалентности оригинала и текста перевода, и потере смысла переводимого текста.

Поэтому, мы хотим предложить свои способы перевода и постараться добиться высокого уровня эквивалентности и адекватности текстов оригинала и перевода.

Мы предлагаем в тексте перевода применить способ транслитерации реалий в тексте перевода, а затем путем добавления сносок, дать комментирование описательного перевода той или иной реалии.

Ведь именно транслитерацию многие переводчики и ученые-переводоведы считают самым лучшим способом перевода реалий: «**Транслитерация** — наилучший способ перевода в тех случаях, когда есть необходимость передать **национальную** либо **этнографическую окраску**. Однако нужно быть осторожным с использованием одной транслитерации, не подкрепляя ее описанием — фоновые знания читателя не такие обширные, чтобы расшифровать культурную информацию» [8]. Это выглядит так:

— «Алла»:

Оригинал: Алла́й, тұншықтым ғой!.. [5].

Авторский перевод: О Allah*, I am gasping! *-god — *themosthigh*;

Благодаря данному способу мы сможем достичь следующих целей:

1) Добиться экономии места в тексте перевода;

Например, переводя предложение «Әзімхан басына жүз түйенің құнын да алды», мы, используя способ транслитерации, получаем следующее предложение: «For Azimhan's head was paid kun*, which was equal to the cost of a hundred camels», вместо использования предложенного А. Ермагамбетовой способа транскрипции + экспликации, в результате которого получаем: «For Azimhan's head was paid kun — compensation for a murder; a definite quantity of cattle was payed for the compensation, which was equal to the cost of a hundred camels».

Литература:

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001.
2. Томахин, Г. Д. Реалии в культуре и языке // ИЯШ. — 1981. — № 1. — с. 64–69.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод // Л. С. Бархударов. — М.: — Международные отношения, 1975. — 240 с.
4. Казакова, Т. А. Практические основы перевода/Т. А. Казакова. — СПб.: — Союз, 2001. — 320 с.
5. <http://www.uezov.kz/kk/node/334>
6. Ауэзов, М. О. Лихая година. Повести и рассказы./Перевод с казахского. Астана: 2010. — 608
7. Ермагамбетова, А. Сущность и значение национальных слов-реалий в языке художественного произведения и способы их перевода. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. ф. н. — А.: 1972. — 33
8. <http://fridge.com.ua/2011/03/perevod-sotsio-kulturnyih-realiy-ili-kak-peredat-ekstralingvisticheskuyu-informatsiyu-v-perevode/>

Благодаря использованию отдельных методов перевода, мы получаем экономию почти в половину предложения, т. е. вместо 24 слов, мы используем 12 слов в предложении.

Или, переводя данное предложение: «Ал Қарагөз қайғысы бір алуан ұзақ, мұңлы **жыр** болып, әлі кетіп барады» и используя способ транслитерации с комментарием, получаем предложение: «*Karakoz's sorrow became one long sad **zhir****», которое занимает меньше места, но при этом переносит национально-культурную специфику оригинала за счет данного комментария с объяснением.

2) Достичь высокого уровня эквивалентности и адекватности текста ПЯ и передать весь смысл оригинала без утраты когнитивной функции слов-реалий. Это можно увидеть, переводя следующее предложение: «Жыл бойы тұл болып тұрған **жайлау** бүгінгі күн жыл құсындай боп қиқулап, жеңкіліп келе жатқан елді жаңа көріп сергігендей». — «*It seemed that **zhailau***, which was empty for a year, is now joyously opening its arms coming for walking towards it people*». В нем мы смогли не только передать реалию, без потери когнитивности, но и перевести предложение адекватно и на высоком уровне эквивалентности.

Следует так же весьма важное заключение о том, что при передаче реалий или добавление комментариев или примечаний к ним, необходимо учитывать и прагматический потенциал текста — его направленность на определенного рецептора, носителя русского или английского языка, принадлежащего к иной культуре.

Мы пришли к выводу, что неточная передача или неадекватная замена слов-реалий приводит к неправильному восприятию реалии и культуры языка оригинала рецепторами русского и английского переводов. Таким образом, перевод слов-реалий — творческая процедура, требующая от переводчика достаточно хорошего уровня культурной и страноведческой подготовки.

Образ падшей женщины в повести Ф. М. Достоевского «Вечный муж»

Зими́на Наталья Юрьевна, учитель русского языка и литературы
МОУ «Средняя общеобразовательная школа №3» (г. Псков)

На последнее десятилетие жизни Достоевского приходится некоторый спад разработки темы женского бесчестья в его творчестве. В романах этого периода — «Бесах», «Подростке» — по-прежнему обязательно присутствуют падшие (погибшие) женщины, однако внимание писателя смещается в сторону иных социальных и философских вопросов (понятие «падшая женщина» используется в настоящей работе в значении «женщина, утратившая репутацию порядочной вследствие порочного поведения» [1, с. 486]). Лишь в последнем его произведении, «Братьях Карамазовых», вновь появится героиня, способная по своему значению встать в один ряд с Настасьей Филипповной, Грушенька, и мотивы греха и покаяния блудницы вновь зазвучат с прежней силой.

Причиной временного отступления от указанной темы является, видимо, некоторая исчерпанность вопроса, которому в значительной степени были посвящены такие сильные в художественном смысле произведения как «Преступление и наказание» и «Идиот». Так 70-е гг. становятся периодом, когда уже сказанное дополняется, иллюстрируется и даже автопародируется.

Одной из таких иллюстраций становится повесть «Вечный муж» (1870). Как видно уже из названия, в центре этого произведения супруг, а не супруга, однако пройти мимо него невозможно. Традиционная для раннего творчества коллизия «муж, жена и любовник» (известная по таким произведениям как «Роман в девяти письмах», «Чужая жена и муж под кроватью», «Неточка Незванова» и «Маленький герой») разворачивается в непривычном ключе. Сама история супружеской измены относится к далекому прошлому (она произошла девять лет назад), а неверной супруги нет в живых. Связь Вельчанинова и **Натальи Васильевны**, кажется достоянием давно прошедшего, и повесть не о ней. Тем не менее любопытно проследить, как трансформируется образ неверной жены, в раннем творчестве преимущественно водевильно-комический, в 70-е гг.

Сообщается, что целый год Вельчанинов, живя в Т., «был как бы в рабстве у этой женщины» [2, т. 9., с. 25], и это продолжалось бы и далее, если бы Наталья Васильевна его не прогнала — на словах «на время», но, как оказалось, навсегда. Через два месяца после разлуки он уже спрашивает себя, любил ли ее или это было лишь «наваждение», и одновременно знает, что «очутись он тотчас опять в Т., то немедленно подпадет снова под гнетущее обаяние этой женщины» [2, т. 9, с. 25]. Спустя пять лет он думает о ней «с ненавистью», а «все воспоминания об этой страсти обратились для него в позор» [2, т. 9, с. 25]. После отставки Вельчанинова в любовниках у этой дамы также пять лет проходит некто молодой Багаутов, пре-

небрегший ради нее блестящей карьерой в Петербурге. «Значит, было же в этой женщине что-то такое необыкновенное — дар привлечения, порабощения и владычества!» [2, т. 9, с. 26] — заключает Вельчанинов.

Из этого описания видна связь Натальи Васильевны с «инфернальницами» Достоевского и особенно Полиной («Игрок»). Поскольку характер неверной жены не является главным предметом исследования в повести, уделяется ему всего несколько страниц. Роман Вельчанинова и Натальи Васильевны — это предыстория изображаемых в повести событий, и описание последней дается с конспективной краткостью. А. Б. Криницын даже называет этот образ «пропущенным звеном» [3].

Подчеркивается, что внешность, интеллект и манеры Натальи Васильевны не являлись чем-то совершенно исключительным. «А между тем, казалось бы, она и средств не имела, чтобы привлекать и порабощать: «собой была даже и не так чтобы хороша; а может быть, и просто нехороша». Вельчанинов застал ее уже двадцати восьми лет. Не совсем красивое ее лицо могло иногда приятно оживляться, но глаза были нехороши: какая-то излишняя твердость была в ее взгляде. Она была очень худа. Умственное образование ее было слабое; ум был бесспорный и проницательный, но почти всегда односторонний. Манеры светской провинциальной дамы и при этом, правда, много такту; изящный вкус, но преимущественно в одном только умении одеться» [2, т. 9, с. 26]. Привлекательность Натальи Васильевны зиждется таким образом на некоей иной основе, близкой к «животному магнетизму» и «колдовскому очарованию».

Дальнейшее описание усиливает сходство с Полиной из «Игрока» и реальной Аполлинарией Суловой, как известно, ставшей прототипом первой. «Характер решительный и владычествующий; примирения наполовину с нею быть не могло ни в чем: «или всё, или ничего». В делах затруднительных твердость и стойкость удивительные. Дар великодушия и почти всегда с ним же рядом — безмерная несправедливость. Спорить с этой барыней было невозможно: дважды два для нее никогда ничего не значили... Она любила мучить любовника, но любила и награждать. Тип был страстный, жестокий и чувственный» [2, т. 9, с. 26–27]. Можно сравнить эту характеристику с известными словами из письма Достоевского Суловой: «ведь я знаю, что сердце твое не может не требовать жизни, а сама ты людей считаешь или бесконечно сияющими или тотчас же подлецами и пошляками» [2, т. 28 (II), с. 183]. Максимализм той и другой бросаются в глаза и, кажется, являются основой личности. Тема мучительства же получила глубокую разработку в «Игроке»: «Человек — деспот от природы и любит быть

мучителем» [2, т. 5; 231], «мучительный» следок ноги Полины [2, т. 5, с. 234] и т. д.

Однако Полина в отличие от Трусоцкой не замужем. В неверности Натальи Васильевны ее судьба и природа. «Это одна из тех женщин, — думал он, — которые как будто для того и рождаются, чтобы быть неверными женами. Эти женщины никогда не падают в девицах; закон природы их — непременно быть для этого замужем. Муж — первый любовник, но не иначе, как после венца. Никто ловче и легче их не выходит замуж. В первом любовнике всегда муж виноват. И всё происходит в высшей степени искренно; они до конца чувствуют себя в высшей степени справедливыми и, конечно, совершенно невинными» [2, т. 9, с. 27]. Таким образом, Наталья Васильевна и Павел Павлович являются своего рода «идеальной парой»: он — вечно обманутый, ничего не подозревающий муж, а она — вечно неверная жена. Подчеркивается, что в этих героях *нет ничего исключительного*, напротив, Достоевский, так склонный к гиперболизации и утрированию, здесь как будто стремится сделать их *заурядными и обыкновенными*.

От связи Вельчанинова и Натальи Васильевны рождается девочка, Лиза, о которой отец долгие годы ничего не знает. Стоит отметить, что это не первый его внебрачный ребенок, ранее сообщается о «об одной девушке, из простых мещанок <...> с которой, сам не зная для чего, прижил ребенка, да так и бросил ее вместе с ребенком, даже не простившись» [2, т. 9, с. 9]. Этот микроэпизод выступает скорее как характеристика образа жизни молодого Вельчанинова, нежели имеет какое-либо сюжетное значение, однако отметить его необходимо.

Важно, что в «Вечном муже», строго говоря, впервые у Достоевского изображается падшая женщина, имеющая детей. В «Преступлении и наказании» упоминалось о том, что Лизавета была «поминутно беременна», но ничего не известно о ее детях. К Нелли («Униженные и оскорбленные») окружающие относятся как к незаконнорожденной, однако в действительности она не является таковой. Повальная бездетность падших героинь Достоевского 40–60 гг. выглядит даже неестественно, если принять во внимание отсутствие каких-либо эффективных контрацептивов и низкий уровень медицинской грамотности населения в описываемую эпоху. Очевидно, что в этом вопросе Достоевский не стремился к жизнеподобию, бездетность же его героинь обусловлена идейно-художественными соображениями. Женщина, преступившая через общественные нормы и не имеющая детей, отвечает только за себя. Появление ребенка осложняет сюжет, ускоряя его и неизбежно подводя к двум возможным вариантам развязки — «восстановление» через брак либо окончательная гибель. Оно лишает автора свободы маневра и мешает сосредоточиться на переживаниях героини.

В 70-е гг. происходит важный поворот в развитии данной темы. Впервые вступление женщиной во внебрачные (добрачные) отношения перестает рассматри-

ваться как ее личная трагедия, но становится причиной, приводящей к появлению «случайного семейства», то есть исследуется на системном уровне.

Такой подход приводит к существенному смещению акцентов и во многом благодаря ему образ падшей женщины в это десятилетие снижается и, если так можно выразиться, демифологизируется. Потому как очевидно, что к этому времени в культуре сложился некий миф о «проститутке с золотым сердцем», падшей женщине, чьи моральные качества зачастую превосходят нравственный облик «порядочных» людей [см., напр., 4,5,6].

Наталья Васильевна, узнав о беременности, отсылает Вельчанинова. Их дочь Лиза становится единственным ребенком в семье, и на нее оказывается обращена вся нерастратенная нежность ее мнимого отца. Сама же Наталья Васильевна не столь горячо относится к дочери, подчеркивается, что Лиза была более близка с отцом, нежели с матерью, посвятившей себя светской жизни и новому увлечению. Трусоцкий не подозревает об измене, и обнаруженное им после смерти жены неотправленное письмо к Вельчанинову, в котором она сообщает о беременности, производит на него ошеломляющее впечатление.

Обманутый муж отправляется в Петербург для встречи с соперником, вымещая на Лизе всю горечь от предательства супруги. Он запивает, и этим объясняются усиливающиеся странности его поведения. Трусоцкий издевается над Лизой: щиплет, матерно ругает, обещает повеситься. Дело доходит до того, что он приводит в номер «*девку*» и заявляет Лизе, что это отныне будет ее мать. «Ну не грех ли, с собой девку ночью привел, когда тут же ребеночек с понятием! Кричит: «Это вот тебе будет мать, коли я того захочу!» Так верите ли, чего уж девка, а и та ему плюнула в харю. Кричит: «Ты, говорит, мне не дочь, а в..док»» [2, т. 9, с. 49], — говорит служанка гостиницы. Упоминаются в повести и другие проститутки, к которым ходит Трусоцкий, *девушки с Вознесенского проспекта*. Как рассказывает одна из них, Катя, Трусоцкий «от Машки Простаковой теперь не выходит, а денег у него и дна нет, а Машка эта — не Простакова, а Прохвостова, и в больнице лежала, и захоти только она, Катя, так сейчас же ее в Сибирь упрячет, всего одно слово скажет» [2, т. 9, с. 60]. Можно заметить, как снижается здесь образ проститутки в сравнении с «Преступлением и наказанием».

Тяжелое впечатление производит сцена, в которой Трусоцкий ругает Лизу, обвиняя ее в том, что она «вся в мамашу».

«— Я не в мамашу, я не в мамашу! — выкрикивала Лиза, в отчаянии ломая свои маленькие руки и как бы оправдываясь перед отцом в страшном упреке, что она в мамашу» [2, т. 9, с. 36].

Чуждость ситуации в том, что сходство с матерью становится преступлением. Противоестественность такого положения вещей изображается Достоевским с присущей ему виртуозностью. Фактически грех матери заставляет Лизу отречься от нее.

Вельчанинов забирает Лизу от Трусоцкого (причем та до последнего сопротивляется и не хочет ехать) и отвозит к своим знакомым. Служанка благодарит его: «ребенок смиренный, от содома избавите» [2, т. 9, с. 36].

Но Лиза тоскует у чужих людей и вскоре заболевает. «Это гордый и угрюмый ребенок; ей стыдно, что она у нас и что отец ее так бросил; вот в чем вся болезнь, по-моему» [2, т. 9, с. 52], — объясняет состояние девочки знакомая Вельчанинова, которой он ее поручает. Вскоре Лиза умирает.

Функция ее в произведении — служить яблоком раздора между Трусоцким и Вельчаниновым, которые борются за нее, когда ее матери уже нет в живых. Неслучайно одна из глав называется «На чьем краю больше», то есть кто больше имел прав на Лизу и кто больше горевал после ее кончины. «А Лиза-то-с?» [2, т. 9, с. 112] — этот вопрос задает Трусоцкий Вельчанинову, когда они

случайно встречаются через несколько лет (причем Трусоцкий сопровождает *молодая жена*, судя по всему, так же изменяющая ему, как и Наталья Васильевна), и именно из-за Лизы он не подает ему руки.

Не будь Лизы, конфликт героев в том затяжном и мучительном виде, в котором он предстает в повести, не состоялся бы. Без нее их связывала бы только любовная история девятилетней давности, о которой было бы несравнимо проще забыть.

Лиза — плод греха, живое воплощение прошлого, значение которого она возвеличивает самим фактом своего существования. С ее появлением в повести тема женского бесчестия углубляется и приобретает акценты, ранее в творчестве Достоевского почти не звучавшие. Образ Натальи Васильевны, неверной жены и холодной матери, становится одним из самых отрицательных среди героинь этого плана у Достоевского.

Литература:

1. Рогожникова, Р.П., Карская Т.С. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв. М.: Дрофа, 2005.
2. Достоевский, Ф.М. ПСС в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Криницын, А.Б. Сюжетно-мотивная структура повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж» // Электронная публикация: http://www.portal-slovo.ru/philology/45122.php?sphrase_id=66505
4. Murphy, M.K. The Hooker with a Heart of Gold: Dostoevsky's Complex Portrayal of Women. The University of North Carolina at Asheville, 2009.
5. Климова, С.М. Феноменология святости и страстности в русской философии культуры. СПб.: Алетейя, 2004.
6. Мельникова, Н.Н. «Вечная Сонечка» и методологические аспекты изучения архетипа грешницы в литературе // Русская литература XVIII–XXI вв.: В диалоге с литературным и культурным наследием: Материалы Междунар. науч. конф. «Русская литература XVIII–XXI вв.: Диалог идей и эстетических концепций» (Лодзь, 21–23 сентября 2010 года)/Под ред. О. Гловко, Е. Садзильской. Лодзь: PRIMUM VERBUM, 2010. с. 69–78.

О лингвистической природе многозначного слова

Зоирова Феруза Уктамовна, преподаватель;

Хасанов Эльдар Ринатович, преподаватель;

Шейхмамбетов Сервер Рефикович, преподаватель

Джизакский государственный педагогический институт имени А. Кадыри (Узбекистан)

Одним из признаков современного русского языка является многоплановость его единиц, которая находит свое отражение в полисемантической значительной части элементов лексической системы языка. Многозначность слов большинством ученых принимается, как объективная данность, но, несмотря на это, факт существования многих значений одного и того же слова продолжает вызывать большой интерес и споры.

Общеизвестно мнение о том, что в идеальном языке каждое слово должно иметь свое значение. Но данный тезис — это всего лишь умозрительное допущение. Наиболее естественным было бы такое положение, при котором «каждой» единице языкового смысла соответ-

ствовала бы отдельная и строго закрепленная единица внешней оболочки. Однако, это положение, которое (отвлеченно рассуждая) и могло казаться желательным и удобным, на самом деле не существует.

Естественных моносемантических языков не существует, так как функционирование языка практически было бы невозможно в случае, если бы речевой аппарат мог бы однозначно соотносить каждый данный ряд с соответствующим конкретным предметом. Такое явление могло бы создать ситуацию, при которой человек действовал бы лишь в сфере абстракции и не мог ориентироваться в мире конкретных вещей, что превратило бы язык в автоматическое устройство, лишённое всякой выразительности.

Многозначность как в сфере лексики, так и в сфере грамматики является качеством языка, обусловливаемым самой сущностью его материального устройства, а также биологическими предпосылками мышления человека, результатом классифицирующей и обобщающей деятельности человеческого мышления.

В экстралингвальном плане полисемия слов предполагает, прежде всего, ряд обозначаемых предметов — денотатов. В лингвистическом же плане многозначное слово отображает реальности через объективный момент сходства — общий семантический элемент или внутреннюю связь, опирающуюся на общие семантические ассоциации.

Таким образом, полисемия — это такое внутреннее строение слова, когда одна материальная оболочка способна объединить несколько понятий, которые реализуются в форме иерархически организованных значений, обладающих семантическим признаком.

Многозначность возникает вследствие того, что язык представляет собой систему, ограниченную по сравнению с бесконечным многообразием реальной действительности. Количество отраженных в нашем сознании моментов действительности и количество понятий оказывается большим, чем количество отдельных самостоятельных языковых единиц для отображения их средствами языка. Полисемия не нарушает закона единства слова и понятия, а свидетельствует лишь о несовпадении внутренней структуры словарного состава языка с системой понятий, которая находит в нем свое выражение. В то же время полисемия — это ярчайшее доказательство того, что основу значения слова составляет понятийное содержание, которое является его источником и базой.

З.И. Бабицкене, рассматривая причины возникновения полисемии у существительных русского и литовского языков, выделяет в этом процессе языковые и внеязыковые причины и факторы. К языковым причинам и факторам семантических изменений она относит тенденцию к экономии языковых средств, систему языка в целом, способность языка к образованию вариантных средств — синонимов и частонязыковые: синтаксическую и лексическую сочетаемость производящего глагола, тенденцию к семантической аналогии категории числа и др. В качестве внеязыковой причины возникновения лексической полисемии выступает реальная связь предметов и явлений объективной действительности, которая в языке проявляется различными видами метонимического переноса значений, тогда как языковые факты влияют на оформленность той или иной семантической модели, делая ее более отчетливой, организованной, продуманной. [1]

Полисемия не нарушает закона единства слова и понятия, а свидетельствует лишь о несовпадении внутренней структуры словарного состава языка с системой понятий, которая находит в нем свое выражение. В то же время полисемия — это яркое доказательство того, что основу значения слова составляет по-

нятийное содержание, которое является его источником и базой.

Хотя лексическое значение слова определяется различными отношениями, связывающими слово с действительностью, с мышлением, с другими единицами как в системе языка, так и в речи, его основу составляет именно понятийное содержание, которое соединяет слово с понятием о том реальном явлении, наименованием которого оно является.

Внутренняя, смысловая сторона языка наиболее подвижна. Она теснее всего контактирует с процессом речевой коммуникации, содержание которой определяется бесконечным многообразием ситуаций общения. Семантическое изменение, по мнению Д.Н. Шмелева, характеризуется тем, что старое значение сразу не исчезает в результате изменения, а сосуществует с новым производным значением, подчиняя его в иерархии смысловой структуры слова. [2]

Общее, универсальное свойство каждого языка — его семантика: движение от первичных, прямых значений к вторичным, переносным, производимым от первых. Иными словами, в семантике действует диалектика образования на базе денотативных значений — коннотативных, рождение из прямых номинаций косвенных.

Исходя из анализа приведенных выше и других источников, можно указать на две основные причины развития многозначности.

Первая причина — принцип экономии: на любом этапе развития языка говорящие не могут считаться с тем, что возможности того или иного языка ограничены. Другая причина многозначности заключается в самом характере человеческого познания. Обобщение, свойственное нашему мышлению, неизбежно отражается в языке, в том числе в полисемии слова: чтобы передать средствами языка беспредельную контрастность человеческого опыта, лексика расширяется не только количественно, но и качественно.

Таким образом, семантическое развитие языка — не смена структур, а рост, качественное изменение. «Процесс изменения значений слов происходит путем «взрывов», внезапных скачков, в результате длительного изменения и развертывания значений того или иного слова в соответствии с теми потребностями, которые возникают у того или иного народа, например, в его производстве, культуре, быту и в общественной жизни». [3]

Отметим также, что простое перечисление значений многозначных слов еще не создает полисемии, если связи между звеньями единого целого не ясны не только говорящему, но и самому интерпретатору. [4]

Для различных частей речи роль вышеуказанных факторов, обуславливающих полисемию, может быть различной. Семантическая продуктивность слов русского языка неодинакова. Она зависит от совокупности различных условий: от степени необходимости и употребительности слова, его способности вступать в связи с другими словами, от генетической связи их с русским

или другими языками, от наличия или отсутствия экспрессивности в слове. Во многом степень многозначности слова может зависеть и от принадлежности его к той или иной грамматической категории.

Среди многозначных слов — слова значащих грамматических категорий (существительные, глаголы, прилагательные и др.), по словам В.В. Виноградова, «*семантический объем слова и способы объединений значений различны в словах разных грамматических категорий. Так, смысловая структура глагола шире, чем смысловая структура существительных, и круг значений подвижен*». [5]

В.В. Виноградов также отмечает, что в развитии у слова значений немаловажную роль играют функции слова в предложении, синтаксические особенности той или иной части речи. Развитость значений глагола объясняется его большими возможностями в организации предложений и словосочетаний. Различные значения многозначного глагола включают в себя разное понятийное содержание, т.е. являются средством выражения различных понятий. Так, например, глагол взять может выражать кроме понятия «о конкретном действии овладения предметом» (он взял карандаш с парты), понятие «купить» (он взял хлеб в магазине), понятие «увезти» (он взял сына с собой в город), понятие «преодолевать» (поезд берет крутой подъем) и др.

Каким же образом связаны между собой отдельные значения многозначного глагола, соотношенные с разными понятиями? Они сходны по одним признакам и отличаются по другим. Различия отдельных значений проявляются в том, что каждое из них представляет собой особую специфическую комбинацию признаков. При этом не всегда возможно выделить какой-либо признак в качестве общего для всех значений слова (хотя возможен и такой случай). Сходство и близость отдельных значений многозначного глагола заключаются не в наличии одного общего, а в совпадении любых признаков одного значения с признаками других.

Как не велика роль признака овладения в семантике глагола «взять», но и его нельзя назвать главным и обязательным, ибо в отдельных значениях он выступает как второстепенный (он взял с собой сына), а в некоторых вообще отсутствует.

Специфика семантической структуры глагольного значения обуславливает ряд вычленимых внутриглагольных значений единиц: большая ситуативная прикрепленность единиц всегда сопряжена с меньшей его парадигматической прикрепленностью.

Понимая под семантической структурой слова совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных значений слов, всякое многозначное слово можно разложить на более мелкие смысловые элементы — семы и с их помощью проникнуть во внутреннее строение слова.

Итак, многозначное слово — это семантика значений и подзначений, закономерно связанных как между собой, так и со значениями других слов.

Установить смысловой объем какого-либо слова — значит выявить совокупность разных его значений, частоту их употребления, широту использования, а также единство самих этих значений в пределах данного слова и границу каждого из них. Вопрос о выделении значений и иерархии отношений значений многозначного слова представляется теоретически важным, а с практической точки зрения, — актуальным.

Под значением слова мы понимаем упорядоченную комбинацию семантических признаков, под семантической структурой — множество его значений и связывающие их отношения.

Распространено мнение, согласно которому в понятие значения слова включаются следующие моменты: 1) предметно — логическое значение, т.е. связь слов с понятием, а через понятие с предметами и явлениями окружающей действительности; 2) эмоциональное значение и стилистическая окраска слова; 3) внутрисистемное значение, которое в парадигматике определяется противопоставлением другим единицам внутри семантического поля, а в синтагматике выражается определенной лексической и синтаксической сочетаемостью слова.

Один из важнейших признаков многозначности — системность значений. Семантическое единство слова заключается, прежде всего, в определенной связи отдельных значений друг с другом. В этой связи возникает важный для целей нашего исследования вопрос: каким образом связаны между собой отдельные лексико-семантические варианты, составляют ли они простую сумму значений и употреблений или же представляют собой некоторую систему взаимосвязанных элементов, между которыми существуют иерархические, мотивированные отношения. С практической точки зрения, выяснение этого вопроса представляется нам важным для того, чтобы установить, следует ли при обособлении одного слова ограничиваться изучением лишь отдельного его значения или изучать данное слово в системе его значений.

Существует три точки зрения на взаимоотношение значений в структуре многозначного слова:

1. *все значения многозначного слова равноправны и независимы*; [6]
2. *значения многозначного слова находятся в иерархических отношениях*; [7]
3. *между значениями многозначного слова возможны как иерархические, так и независимые отношения*. [8]

Проведенные ранее психолингвистические и лингвистические исследования подтверждают правильность второй и третьей точек зрения. В структуре слова можно встретить как иерархические, так и независимые отношения, объединенные общим компонентом.

Понятие структуры многозначного слова основано на признании дискретности его значений, хотя исследователи неоднократно отмечали невозможность в ряде случаев провести четкую границу между значениями слова, установить, в каком именно значении слово употреблено

в данном контексте. В таких случаях говорят о диффузности значений многозначного слова. Мы разделяем мнение Ю.Д. Апресяна о том, что «*принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим в его семантике*» [8]

Именно на этом принципе основано и признание мотивированности значений многозначного слова. Под лингвистической мотивированностью понимается «наличие смысловых и структурных соответствий между словами и значениями». Д. Н. Шмелев считает, что семантическая структура отдельного многозначного слова может рассматриваться как отражение такого вида отношений, которые могут быть названы деривационными. Деривационная связанность интерпретируется как мотивированность.

Литература:

1. Бабицкене, З.И. Регулярная полисемия и ее отражение в русской и литовской лексикографии (на материале имени существительного) Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ленинград, 1983. — 24с.
2. Бертагаев, М.А. К вопросу о внутренних законах развития полисемии// Известия. Отделение лит-ры и языка. Вып. 6 с. 30
3. Будагов, Р.А. Введение в науку о языке. Москва: Высшая школа, 2003. — 501с.
4. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 4-е изд. — Москва: Рус-яз., 2007. — с. 48
5. Звегинцев, В.А. Семасиология. — Москва: Изд-во Московск. ун-та, 1986. — с. 21
6. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. — Москва, : Наука, 1998. — с. 72.
7. Никитина, Ф.А. Полисемия и вопросы построения искусственных языков// Семантические вопросы искусственного интеллекта. — Киев, 1975. — с. 36.
8. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка Москва: Просвещение, 1995. — с. 66.

Перевод — важная часть языкознания

Камалова Дилфуза Обидовна, преподаватель
Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

Статья посвящена теме теории и задачам перевода. В статье автор затрагивает проблему, с которыми могут столкнуться исследователи в процессе перевода.

Ключевые слова: переводоведение, деятельность, теория, задача, цель, научный анализ, лингвистика, переводческие проблемы, общение.

Среди многочисленных сложных проблем, которое изучает современное языкознание, важное место занимает изучение лингвистических аспектов межъязыковой речевой деятельности, которую называют «переводом» или «переводческой деятельностью». [13].

Перевод — это сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом исследования разных наук. В рамках переводоведения изучаются психологические, литературоведческие, этнографические и другие стороны переводческой деятельности, а также история переводческой деятельности в той или иной стране или странах. В зависимости от предмета исследования можно выделить психологическое переводоведение (психологию перевода), литературное переводоведение

Таким образом, с признанием системной организации значений в семантической структуре многозначного слова связано понятие мотивированности логических значений, а также необходимость изучения многозначного слова не как единицы словарного состава языка, а в качестве единицы ЛСВ, что предполагает усвоение русского многозначного слова в совокупности его парадигматических связей. В контекст рассмотрения полисемии неизбежно попадают вопросы омонимии, причем в той ее части, где речь идет о так называемом образовании омонимии в результате «разошедшейся» полисемии, отпочкования, выделения из многозначных слов значений, порывающих якобы семантическую связь с первоисточниками и становящихся новыми самостоятельными лексемами.

(теорию художественного или литературного перевода), этнографическое переводоведение, историческое переводоведение и т.д. Ведущее место в современном переводоведении принадлежит лингвистическому переводоведению (лингвистике перевода), изучающему перевод как лингвистическое явление. Отдельные виды переводоведения дополняют друг друга, стремясь к всестороннему описанию переводческой деятельности.

Цель перевода — как можно ближе познакомить читателя с текстом на иностранном языке, которого он не знает. «...перевести — значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выраженное ранее средствами другого языка». [14]. Перевод может осуществляться, во-первых, с одного языка на другой нерод-

ственный, родственный, близкородственный, во-вторых, с литературного языка на диалект и наоборот, в-третьих, с языка древнего периода на современный язык.

Большое внимание переводу уделяли многие выдающиеся русские писатели и общественные деятели. Общественную значимость переводческой деятельности подчеркивал А. С. Пушкин, называвший переводчиков «почтовыми лошадьми просвещения», важное место уделяли переводу в своих работах В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов.

Причины существования переводческого дела: наличие разных языков, разных культур и ментальностей. Перевод является способом преодоления языковых и культурных барьеров. Языковые барьеры представляют собой абсолютные величины, культурные барьеры — относительные, но не менее сложные препятствия в коммуникации. [13].

Так каковы же задачи теории перевода?

На это вопрос частично ответил английский исследователь Т. Сэвори. Он свел воедино основные требования, предъявляемые к переводу различными авторами, и получил любопытный список, где рядом помещены взаимно исключающие принципы:

перевод должен передавать слова оригинала; перевод должен передавать мысли оригинала; перевод должен читаться, как оригинал; перевод должен читаться, как перевод; перевод должен отражать стиль оригинала; перевод должен отражать стиль переводчика; перевод должен читаться, как произведение, современное оригиналу; перевод должен читаться, как произведение, современное переводчику; перевод может допускать добавления и опущения; перевод не должен допускать добавления и опущения; перевод стихов должен осуществляться в прозе; перевод стихов должен осуществляться в стихотворной форме. [12].

Это показывает лишней раз сложность самого объекта и трудность с определением задач и целей теории перевода.

Что дает теория перевода:

— теория перевода показывает закономерности выполнения определенных переводческих действий и способы решения переводческих проблем — теория перевода оказывает помощь переводчикам и редакторам перевода в отстаивании определенных решений, в аргументации в пользу определенного варианта перевода;

— теория перевода выступает в качестве инструмента критики художественного перевода, улучшает его качество;

— теория перевода играет большую роль в области контрастивной (сопоставительной) лингвистики.

Исходя из вышесказанного можно прийти к выводу, что теория перевода ставит перед собой следующие основные задачи:

— раскрыть и описать общелингвистические основы перевода, т. е. указать, какие особенности языковых систем и закономерности функционирования языков лежат в основе переводческого процесса, делают этот процесс возможным и определяют его характер и границы;

— определить перевод как объект лингвистического исследования, указать его отличие от других видов языкового посредничества;

— разработать основы классификации видов переводческой деятельности;

— раскрыть сущность переводческой эквивалентности как основы коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода;

— разработать общие принципы и особенности построения частных и специальных теорий перевода для различных комбинаций языков;

— разработать общие принципы научного описания процесса перевода как действий переводчика по преобразованию текста оригинала в текст перевода;

— раскрыть воздействие на процесс перевода прагматических и социолингвистических факторов;

— определить понятие «норма перевода» и разработать принципы оценки качества перевода.

Теория перевода является частью макролингвистики, которая учитывает экстралингвистические факторы, влияющие на создание речевого произведения, его интерпретацию и перевод. [12].

«...основным предметом внимания для теории перевода являются соотношения между подлинником и переводом и различие тех форм, которые они принимают в конкретных случаях, требующих объяснения и обобщения». [14].

Теория перевода в лингвистическом своем аспекте анализирует, объясняет и обобщает факты переводческого опыта, устанавливает соответствия и расхождения между языками». [14]. На основании общих закономерностей, выявленных теорией перевода, могут делаться в дальнейшем конкретные выводы применительно к частным случаям.

«Полевым материалом» для исследования служат тексты оригинала и перевода, сопоставление которых дает объективные фактические данные для последующих теоретических обобщений. Таким образом, изучение перевода ставит своей целью, в первую очередь, описание реальных переводческих фактов. Выяснив действительное соотношение единиц двух языков, возникающее в процессе перевода, теория перевода может затем вырабатывать рекомендации о том, какие методы целесообразно использовать переводчику, чтобы обеспечить правильный выбор варианта перевода». [11].

Теория перевода исследует перевод как особый вид речевой деятельности и анализирует его языковой механизм.

Предметом теории перевода по А. Д. Швейцеру является процесс перевода в широком социокультурном контексте с учетом влияющих на него внеязыковых факторов (социальных, культурных и психологических детерминант). [15].

Общая теория перевода создает понятийный аппарат для описания перевода, раскрывает его общие закономерности и инвариантные черты, создает базу для частных теорий перевода, рассматривает следующие проблемы:

— сущность перевода;
 — эквивалентность;
 — переводимость;
 — нормы перевода;
 — прагматические и семантические проблемы перевода.

В. Н. Комиссаров справедливо расширяет предмет теории перевода до изучения особенностей разных видов языкового посредничества, которые как правило выводились за рамки предмета теории перевода. Перевод и другие виды языкового посредничества составляют предмет изучения науки о переводе — переводоведения. [11].

Теория перевода является, в первую очередь, дескриптивной теоретической дисциплиной, занимающейся выявлением и описанием объективных закономерностей переводческого процесса, в основе которых лежат особенности структуры и правил функционирования языков, участвующих в этом процессе. Иначе говоря, теория перевода описывает не то, что должно быть, а то, что есть, что составляет природу изучаемого явления. Вместе с тем на основе описания лингвистического механизма перевода оказывается возможным сформулировать некоторые нормативные рекомендации, принципы и правила, методы

и приемы перевода, следуя которым переводчик может более успешно решать стоящие перед ним задачи. Во всех случаях научный анализ наблюдаемых фактов предшествует нормативным предписаниям.

Нормативные рекомендации, вырабатываемые на основе переводческих исследований, могут быть использованы как в практике перевода, так и при подготовке будущих переводчиков. Умение пользоваться такими рекомендациями, модифицируя их в зависимости от характера переводимого текста и условий, и задач конкретного акта перевода, составляет важную часть переводческого мастерства. Знание нормативных требований не предполагает бездумного, механического выполнения этих требований переводчиком. Перевод в любом случае представляет собой творческую мыслительную деятельность, выполнение которой требует от переводчика целого комплекса знаний, умений и навыков, способности делать правильный выбор, учитывая всю совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов. Учет подобных факторов происходит во многом интуитивно, в результате творческого акта, и отдельные переводчики в разной степени владеют умением успешно осуществлять процесс перевода. Высокая степень такого умения называется искусством перевода.

Литература:

1. Кашкин, И. А. Вопросы перевода. В: Перевод средство взаимного сближения народов. М., 1987.
2. Ключанов, И. Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. Тверь, 1998.
3. Ключанов, И. Э. Психолингвистические проблемы перевода. Калинин, 1989.
4. Комиссаров, В. Н. Слово о переводе (очерк лингвистического учения о переводе). М., «Международные отношения», 1973.
5. Копанев, П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972.
6. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для институтов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
7. Комиссаров, В. Н. Лингвистические основы научно-технического перевода//Пособие по научно-техническому переводу. — М., 1980. — Ч. I.
8. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М., 1974.
9. А. А. Реформатский «Введение в языковедение» М., 2001.
10. Алексеева, И. С. А47 Введение в перевод введение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 352 с.
11. Комиссаров, В. Н. — Современное переводоведение. Курс лекций.
12. Курс лекций по теории перевода для студентов второго и третьего курсов, а также до подготовки к гос. экзаменам. Составитель: к. ф. н., доцент Шеметов В. Б. Лекция 3 Организации переводчиков и их роль Причины развития перевода в 20 в. и новые виды перевода
13. Часть, 1. «Общелингвистическое введение в переводоведение». Лекция № 1. «Перевод как объект лингвистического исследования».
14. А. В. Федоров Основы общей теории перевода. М., ВШ, 1983.
15. А. Д. Швейцер. Теория перевода Статус Проблемы Аспекты М.: Наука 1988.

Трансформация сказочной модели в произведениях авторов фэнтези

Королькова Яна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Возрождающийся в современном литературоведении интерес к проблемам исторической поэтики определяет обращение к понятиям «культурная модель» и «авторская модель». В.Е. Головчинер, размышляя об особенностях преломления опыта культуры в текстах последующих эпох, пишет, что «с культурной моделью в таком случае связывается представление о сложившемся — коллективном или чем-то конкретно творческом опыте, — который «отзывается», трансформируется каждый раз по-своему, иначе функционирует в индивидуальных авторских воплощениях — в *авторских моделях*» (курсив В.Е. Головчинер — Я.К.) [2, с. 10].

Задача данной статьи — исследовать особенности трансформации сказочной культурной модели в авторских моделях фэнтези. В качестве объектов изучения выбраны два произведения, включенные в сборник «Славянское фэнтези» (2008). Выбор объясняется, во-первых, их репрезентативностью в связи с небольшим объемом, а во-вторых, тем, что соотношение с фольклорной моделью эксплицировано авторами в названии: «Сказка про Печку» Е. Мурашовой и М. Семеновы и «Кощеево ovum» В. Аренева.

Героиня «Сказки про Печку» — юная Печка, которую сложили для молодоженов. Налетевший Змей Горыныч сжег всю деревню, и Печка отправляется на поиски новых хозяев и лучшей доли. Она нигде не находит приюта, зато встречает настоящих друзей: домового Гошу, заморское чудовище Гоблина, красавицу Яблоньку. Однажды Печку и ее друзей находят подростки Машенька и Ванечка, которых Змей Горыныч оставил сиротами. Они строят вокруг Печки новый дом, и постепенно рядом вырастают другие избы. В день свадьбы Машеньки и Ванечки вновь появляется Змей Горыныч, но жители деревни убивают его. Их жизни и счастью больше ничто не угрожает.

Беря за основу сюжета приключения печки, современные авторы разрабатывают намеченные в фольклоре эпизоды. Сказки-«прототипы» указаны в начале произведения: «Про Емелю слышала? ... А девочка, что за личным счастьем в путь-дорогу пустилась? Помнишь, по пути печку топила? Не избяную, не надворную, — вовсе самостоятельную...» [4, с. 358].

Интертекстуальные связи с разными сказками устанавливаются через упоминание множества имен героев: Иван-дурак, серый волк, карлик-Черномор, Баба-яга, Змей Горыныч, Колобок, Василиса Прекрасная, Марья-Искусница. Авторы апеллируют к читательскому опыту, отказываясь от подробного описания действий указанных персонажей. Имя сказочного героя становится здесь знаком, за которым имплицитно «прочитываются» известные с детства сюжеты, ситуации.

Однако в этот «сказочный» мир, населенный знакомыми героями, привнесены элементы действительности 21 века. В богатом красном доме Печке отказывают в помощи, потому что она стала пережитком прошлого. Пришедший ей на смену Камин употребляет слова «цивилизованно», «евростандарт», «микроволновка», «супермаркет», «имиджевый» и не понимает, почему Печка не хочет делиться последним оставшимся у нее поломом.

К современной действительности отсылает ироничное упоминание об Избранниках: «Да водится тут одна забава: обещаниями мериться. Выборы называется. Чьи посулы пригожей, тот и избранник, ему уважение и почет. — Но... — задумалась Печка. — Обещанное, его ведь исполнять надо? — А это, — фыркнул Камин, — уже другой вопрос. Не первой очередности» [4, с. 360].

Хозяева других домов оценивают вещи с точки зрения выгоды, и у них тоже не находится места для погибающей Печки. Троекратный повтор ситуации «просьба — отказ» усиливает тему одиночества и ненужности.

Подобно фольклорным героям, Печка проходит испытания. Их отличие от народных сказок в том, что испытывается не столько ум, смекалка или физическая сила, сколько верность нравственным принципам. Сначала Печка, мечтающая приносить пользу людям, отказывается служить деталью интерьера. Затем она не соглашается занять место другой Печи, если ту выставят за ворота. В третий раз она пытается заступиться за старую Печь, которую собираются разрушить. Но ей удается спасти и забрать с собой только домового Гошу.

По сравнению со сказочной моделью в произведении современных авторов происходит внешняя трансформация образа героя: героем их сказки, способным действовать, чувствовать, размышлять, становится неодушевленный предмет. В фольклоре же печь выступает в качестве атрибута, волшебного предмета: на печи лежит Емеля, в печи сжигают детей или Бабу Ягу, печка прячет детей от преследователей.

Выбор авторами главной героини сказки представляется осознанным и оправданным. В традиционной культуре славян печь наделяется множеством функций и смыслов. Она служит необходимым атрибутом многих обрядов, связанных с разными этапами жизни человека. Отмечая женское пространство в доме, печь одновременно является воплощением единства рода и осознается как место обитания доли каждого члена семьи или домашнего — защитника рода. Кроме того, печь у славян выступает сакральным центром дома, также выполняя функцию границы между «своим» и «чужим» пространством [1].

Положительные коннотации образа печи, актуализированные в современной сказке, позволяют истолковать историю молоденькой Печки как историю сохранения подлинных, основополагающих ценностей жизни, их противопоставления понятиям «имидж», «выгода», «польза».

Образы героев, окружающих Печку, также несут в тексте дополнительную семантическую нагрузку.

Молодая Яблонька, которую Печка зимой защищает от голодных зайцев, становится воплощением красоты, на первый взгляд бесполезной, но необходимой людям: «стоит их Яблонька вся в белом невесомом наряде, точно невеста. И синее небо над нею как святой храм, и аромат плывет такой густой и нежно-медовый, что, кажется, можно его ложкой есть» [4, с. 365].

Надежда на будущее, на продолжение рода может быть связана, как и в фольклоре, с образами Машеньки и Ванечки — подростков, построивших вокруг Печки дом. Защищая новую деревню от Змея Горыныча, они отстаивают свое право на создание новой семьи, на счастье, на жизнь вообще.

Ситуация строительства дома вокруг центра-печки позволяет соотнести современную сказку с архаичными мифами. В них сакральное пространство часто отмечается центром (камнем, мировым деревом, мировой горой), организующим расположение других объектов [5, с. 341].

Строительство дома Машенькой и Ванечкой можно трактовать как создание нового пространства, которое постепенно растет «вширь»: «Первым приехал из города родной брат Игната... Сперва в гости, потом — насовсем решил перебраться, рядом отстроиться... За первыми поселенцами потянулись другие, да все работающий, крепкий народ» [4, с. 369]; «Печка раздобрела в щедрых трудах... Разрослась Яблонька...» [4, с. 370].

Выстроенное вокруг Печки пространство гармонично, люди в нем живут мирно и счастливо, зарабатывают честным трудом, совместно борются с врагом. Это пространство может быть противопоставлено другому, расположенному за пределами новой деревни. В нем каждый думает только о собственной выгоде, отказывают в помощи нуждающимся. Основанием для противопоставления здесь может служить нравственный критерий.

Авторская модель современной «Сказки» выстраивается на пересечении нескольких культурных традиций: архетипические, восходящие к мифу образы мужчины и женщины, выстраивающих новое пространство вокруг сакрального центра, получают дополнительные смыслы благодаря отсылкам к фольклору и одновременно к действительности 20–21 веков, что подчеркивает неизменную, вневременную важность поставленных проблем.

Фольклорная сказка выполняла не только развлекательную, но и формирующую, воспитательную функцию. «Сказка о Печке» тоже заставляет задуматься о добре, жалости, взаимопомощи, справедливости. Последняя фраза «Сказки» становится поучительным выводом, определяющим ценность жизни: «Что не жить, если избы своими руками слажены, а в избах Печки не гаснут?» [4, с. 371].

Автор другой современной сказки — В. Аренев — тоже использует известный фольклорный сюжет. Царевич отправляется на поиски яйца с кощеевой смертью, чтобы освободить и расколдовать Василису Прекрасную. Интертекстуальные отсылки на уровне цитат, имен героев, называемых ситуаций включают действия царевича в контекст легко угадываемых фольклорных и литературных сказок: «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина, «Приключения Буратино» А. Толстого, «По щучьему веленью», многочисленные сказки (и экранизации по их мотивам) о девушке в стеклянном гробу.

Но с начала произведения герой ведет себя не по-геройски. Убедившись, что сундук ему не отпереть, он смиренно замечает: «Значит, одно мне остается: перекусить хлебом да сыром, запить молоком и обратно в путь-дорогу собираться. Настоящие мужчины должны достойно принимать свое поражение» [4, с. 349]. Только с помощью ученого кота, который одолжил ключ «у черепахи одной» [4, с. 351], царевич получает яйцо с кощеевой смертью.

По сравнению с народными сказками имя героя В. Аренева необычно: привычное «Иван» заменяется именем Иннокентий. Автор иронически объясняет одинаковое именование фольклорных героев. Когда Иннокентий приходит к Кощею, тот называет его Иваном, а на возражение отвечает: «Слушай, не будь занудой. Вас тут за столетие столько проходит — башку сломаешь, всех запоминать. Поэтому я для простоты всех зову Иванами» [4, с. 351].

Кощей в этой сказке не похож на традиционного сказочного вредителя. Фольклор не уделяет внимания подробному описанию внешности и характера Кощея, но многочисленные иллюстрации, экранизации сказок рисуют устойчивый образ худого, высокого, злобного старика. Портрет Кощея в современном произведении разрушает стереотип: «пухленький, розовощекий, голубоглазый, с русыми волосами (их он зачесывал вперед, чтоб не видно было пробивающейся лысины)» [4, с. 351]. Кощей увлекается собиранием яиц и готов обменять спящую в гробу Василису на экспонат для своей обширной коллекции.

Несмотря на наличие в произведении В. Аренева традиционных для фольклорной сказки героев: царевича, Кощея, Василисы — можно говорить о разрушении сказочного сюжета. В. Я. Пропп, описывая его инвариантную схему, обозначил «функции», характерные для каждого героя. Так, Кощей (типичный вредитель) совершает некое вредительство, борется с героем, преследует его, главный герой отправляется на поиски, реагирует на требования дарителя, вступает в брак с царевной [3, с. 89 — 90]. В авторской модели В. Аренева не обнаруживаются признаков названных функций.

Думается, сказка В. Аренева построена на травестировании известных фольклорных образов и сюжетов. Яйцо, бывшее в фольклоре символом кощеевой смерти, становится объектом обмена. Кощей умирает совершенно случайно: он хотел выпить содержимое яйца и поперхнулся иголкой, а Иннокентий не успел его предупредить.

К Кощею Иннокентия приводит не любовь к Василисе, а приказ батюшки: «Дома любимая дожидается, вернись — и женюсь. Я бы и не шел сюда, так батюшка велели подвиг совершить» [4, с. 355]. Поэтому Иннокентий не собирается целовать Василису и тем более жениться на ней.

Снижение образов проявляется на лексическом уровне, в употреблении героями просторечных слов и выражений («харчить», «башка»), а также в подчеркнутом натурализме описаний:

«Он так увлекся, что не заметил, как Иннокентий успел открыть крышку. Только по запаху и догадался. А, вот еще и по крику.

— Что? — спросил, не отрываясь от сыра.

— Воняет! — обиженно сообщил царевич. — Я-то думал, здесь медведь, заяц, утка...

— Ага, все там и есть, — кивнул кот. — А что, что?! Ну-у, ты прям как маленький. Ты представь, сколько они там лежали — это ж ни один Кощей столько не проживет!» [4, с. 350].

Литература:

1. Артемьева, Е. А. Семантика и функции былинного образа печи [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. — URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Artemjeva05.htm#_ednref23 (дата обращения: 10. 03. 2015).
2. Головчинер, В. Е. К проблеме понятия «культурная модель». Системы и модели в литературоведении (размышления на заданную тему) // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе: материалы Третьей всерос. науч. конф. с междунар. участием. — Томск, 2008. — с. 3 — 11.
3. Пропп, В. Я. Морфология сказки. — Л., 1928. — 152 с.
4. Славянское фэнтези: Антология. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. — 512 с.
5. Топоров, В. Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х томах / Гл. ред. С. А. Токарев. — М., 1997. — Т. 2. — с. 340 — 342.

Модальность текстов представителя немецкой народно-разговорной речи Сибири

Костомаров Петр Иванович, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Выявлены характерные черты использования текстового признака модальности, отражающей индивидуальное отношение говорящего к явлениям действительности. Рассмотрены важные компоненты модальности, иллюстрирующие временной план повествования и особенности внутреннего мира представителя народной культуры, связанные с понятиями долга, стремления и необходимости.

Ключевые слова: модальность, языковая личность, немецкая народно-разговорная речь.

Понимание модальности как универсальной семантической категории требует учета антропоцентрического фактора в языке, поведения человеческой личности в процессе коммуникации (коммуникативные установки и эмоциональное состояние участников речевого общения, условия речевого общения, способы воздействия на адресата речи и т. п.), так как в центре понимания содержания модальности находится говорящий

Становится объектом переосмысления само понятие сказки. Для царевича Иннокентия выражение «жить как в сказке» служит синонимом спокойной жизни без всяческих чудес. В связи с этим иронически обыгрывается традиционная концовка фольклорной сказки. «Вот и сказке конец», — восклицает в финале Иннокентий, подозревая, что появление ученого кота разрушит его налаженное, размеренное существование.

Современные сказки Е. Мурашовой, М. Семенович и В. Аренева намечают два направления трансформации фольклорной модели. С одной стороны, народное творчество как сокровищница нравственного опыта служит источником сюжетов, ситуаций, героев для осмысления современной действительности в контексте универсальных образов. Обращаясь к известным сказочным сюжетам и образам, авторы размышляют о вечных темах и проблемах. С другой стороны, фольклор выступает объектом если не пародирования, то игрового переосмысления, основой для создания «вторичных» (во всех смыслах) текстов.

с его осознанным отношением к объективной действительности.

В лингвистике широко известно определение модальности, принадлежащее академику В. В. Виноградову. Им классифицированы средства ее выражения, «намечена их функциональная иерархия» [3, с. 5]. В работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» академик пишет: «Так как предложение, отражая дей-

ствительность в ее практическом общественном сознании, естественно отражает отнесенность (отношение) содержания речи к действительности, то с предложением, с вариантом его типов тесно связана категория модальности» [4, с. 55].

В дальнейшем идеи В.В. Виноградова разрабатывались с учетом взаимодействия модальности и логики. Так, В.З. Панфилов считает, что «модальность в равной мере является предметом исследования и языкознания, и логики. И если в первом модальность включается в число наиболее существенных характеристик предложения как языковой единицы, то во второй она рассматривается в качестве существенного признака суждения как формы мышления» [6, с. 37].

Рассмотрение модальности через призму взаимодействия ее с логикой свойственно исследованию швейцарского ученого Ш. Балли. «Говорящий придает своим мыслям либо объективную, рассудочную форму, максимально соответствующую действительности, либо чаще всего вкладывает в выражение в самых различных дозах эмоциональные элементы; иногда эти последние отражают чисто личные побуждения говорящего, а иногда видоизменяются под влиянием социальных условий, то есть в зависимости от реального или воображаемого присутствия каких-то других лиц (одного или нескольких)» [1, с. 27].

В структуре модальности важное место занимает синтаксис, заключающийся в совокупности содержательных значений, выражаемых элементами, которые имеют синтаксические функции как элементы структуры предложения. Е.И. Беляева отмечает, что «конституенты функционально-семантической подсистемы модальности образуют систему языковых вариантов, «языковой репертуар» категории, из которого говорящий черпает формы выражения модальных отношений в процессе общения» [2, с. 3].

В отечественном языкознании среди множества существующих попыток описания структурно-содержательного объема модальности наиболее широкое распространение получила классификация модальных значений, разработанная Г.А. Золотовой, которая, опираясь на теорию модальности, предложенную В.В. Виноградовым, выделяет три аспекта модальных отношений: «1) отношение содержания высказывания к действительности в плане его реальности/ирреальности с точки зрения говорящего — объективная модальность, реализующаяся с помощью форм глагольного наклонения, изъявительного, с одной стороны, и сослагательного, повелительного, с другой; 2) отношение говорящего к содержанию высказывания в плане его достоверности/недостоверности — субъективная модальность, получающая реализацию с помощью вводных (модальных) слов (*конечно, разумеется, может быть, вероятно, должно быть* и т.п.) и модальных частиц (*вряд ли, едва ли, чай, небось* и т.п.); 3) отношения между субъектом действия (носителем признака) и действием (признаком действия) — внутрисин-

таксическая модальность, главным средством выражения которой являются модальные слова, включенные в состав предиката (глаголы *мочь, хотеть, желать* и др., предикативных наречий *можно, возможно, надо, нужно, необходимо* и др., кратких прилагательных *должен, намерен, обязан* и др.)» [5, с. 72].

Изучение модальности предполагает анализ и исследование различных ее признаков. Особый интерес на сегодняшний день представляет описание различных особенностей модальности на примере немецкой рядовой языковой личности, которая ещё не подвергалась в отечественном языкознании специальному изучению, что объясняется в первую очередь трудоёмкостью сбора фактического материала. В этой связи перспективной целью настоящей статьи является рассмотрение различных компонентов модальности в структуре текстовой продукции языковой личности Якова Кондратьевича Дамма (далее Я. К.) — российского немца и представителя народно-разговорной формы немецкого языка, родившегося в Поволжье и прожившего большую часть жизни в Сибири. Следует отметить, что корпус текстов исследуемого говорящего индивида записывался автором данной статьи в течение 2005–2010 гг.

Анализируя палитру модальных средств, характерных для речи Я. К., необходимо отметить, что в рамках речевой продукции актуализируемой языковой личности реализуется, прежде всего, модальный глагол *können*, отражающийся:

1) в высказываниях, выражающих его способность/неспособность совершить действия в прошлом и настоящем (выражая при этом свое личное отношение к отображаемому факту):

а) *Ich kann jettst nicht viel, das Alter ist tsiemlich grouz, aver vezuche was ts machen;*

б) *Ich kann wirlich helfen Enkeln, Rente ist gut, daraus kann man vie nuttsen;*

2) в высказываниях, относящихся к возможности других лиц совершать поступки в прошлом и настоящем:

а) *der Kamerad mir konnte helfen, wir gehen in die Kommandatur und dort die Probleme lezen;*

б) *Die Frau mich jettst gut vertragen kann, gut leven kennen;*

в) *Kapitan nicht ins Haus konnte ainladen, macht aver die Geschenke;*

Модальный глагол *wollen* в дискурсе Я. К. реализуется:

1) в высказываниях, относящихся к стремлению или его отсутствию у других лиц совершить действия, произошедшие в прошлом и настоящем:

а) *die Bauer wollen leven gut, haven Potenzial aver Macht zah das nicht;*

б) *der Prezident uns wollte lehren und enden schlechtes Leven, giv Kraft und Untestittsunk;*

в) *Putin wollte mit Merkel sprechen politisch und wirtschaftlich gut;*

В речи Я. К. модальный глагол *müssen* встречается

1) в высказываниях, описывающих его состояние должностования или необходимости выполнения определенных действий:

а) *Ich muss jettst sorken fir die Familie, maine grouze Familie;*

б) *Ich muste in Pilorama viel arvaiten, schuften, wirklich viel;*

2) в высказываниях, выражающих необходимость выполнения определенных действий со стороны других лиц:

а) *Der Polkownik musste brinken uns in Wakonen laden und in andere Orte;*

б) *Die Daitschen mussten mit Ruzen leven in Frieden, in grouzen Frieden;*

Основными лексико-синтаксическими средствами выражения субъективной модальности служат вводные (модальные) слова, словосочетания и предложения. Модальные слова, модальные синтаксические группы и вводные модальные предложения дополняют общую модальную характеристику предложения. В немецком языке существует группа модальных слов, выражающих предположение, неуверенность, сомнение. Модальные слова выражают субъективное отношение говорящего к высказываемой в предложении мысли и имеют значение предположения, сомнения, вероятности, уверенности. К ним относятся такие модальные слова, как *scheinbar, angeblich, hoffentlich, vermutlich, wahrscheinlich, mutmasslich, etwas, möklich, womöglich, möglicherweise, möglichenfalls, vielleicht, wohl, kaum, schwerlich*. Поскольку их функцией является передача отношения говорящего к высказыванию, максимальная реализация семантики отношений модальных слов и словосочетаний возможна лишь в рамках предложения и контекста. Вводные (модальные) слова и словосочетания соотносятся со всем предложением или с одним из его членов, придавая определенное субъективное модальное значение соответственно всему предложению или его члену.

В высказываниях Я. К. данные модальные слова реализуют значение вероятности или возможности оценки ситуации:

1. *Ich hatte ainen Nachvaren... er war von Ukraine..., hat mir Speck tsugegriffen angevoten..., Speck war zo schmeckhaft, isch az gerne, nie have ich zo gekezen, **vielaicht** das war das beste Speck... ich hav in main Leven gekezen..., mir auch Retsept gezakt... wie er das machte... может, понадобится когда-нибудь..., das Speck war mit прослойками жира, мяса, различные специи он там добавлял, было очень вкусно, очень вкусно;*

2. *In der Schule lernte ich gut, flाइzik, gute Noten hatte, **wahrschainlich** var verbunden mit Streven, belehrt tsu zain... rechnen und lezen, richtik alles machen, waiten aver nicht lernen, inneres Streven war, enttauscht waren die Eltern... wenn schlechte Noten brachte.*

В высказываниях Я. К. также преобладают модальные слова, выражающие собственное подтверждение. К ним относятся такие модальные слова, как **bestimmt, durchhaus:**

1. *Wenn wir, ich und maine Frau nach Ukraine floken, haven Urlaub... das Wetter war zehr schon... haven den Stadtbummel... Geschäfte gehen... maine Frau Klaid kaufen... **Bestimmt** haven Geld, nicht viel aver... wollte rot kaufen... aver im Geschafft war kaine Greze, пошли в другой магазин, там было другое платье, синее, оно понравилось больше, и мы решили его купить.*

2. *Mein Vaader hatte Buch... Relikionsbuch... в nepe-племе такая, как сейчас помню, Kirchenbuch... Er gink mit in die Kirche in Schillink... wenn Dienst war... ginken auch fast alle Schillinker... **Durchaus...** mit Mutter ginken... zie viele Zorken mit uns, Kindrn... aver многое надо было по дому делать, но никогда не забывали посещать церковь, этот день, когда они туда ходили, был какой-то особенный для них.*

Информант использует также модальные слова, выражающие подтверждение с одновременным выражением уступительности. К ним относятся такие модальные слова, как **allerdings, freilich:**

1. *Der Vorzittsende kommt und gratuliert Geburtstak den Menschen. Ab Fraitak, das war am Fraitak schlaken die Geburtstaksmenschen Schmaus auf. **Freilich**, kainer wollte nach Schmaus amizieren.*

2. *Bis spetestens Mittak wir fertik zain... **allerdinks** zoll alles blitsen und vor allem blinken. Dann zunken die Knaven mit Medeln, den Tsuschauern waren... gantse Rayon war da..., war war in mainem Gedechtnis fir lanke Tsait.*

Для дискурса Я. К. также характерно употребление модальных слов, выражающих подтверждение со значительным оттенком, основанного на внешних, видимых данных. К таким модальным словам относятся **offenbar, offenkundig:**

1. *Der Garten plattste **offenvar** aus allen Nehten: Viele Schillinker arvaiteten bai strahlendem Zonnenschain und hohen Temperaturen... dann faierten Ernte. Zakten ainike zolches Fest hat noch kainen anderen im Dorf. Recht hat er.*

2. *Aver was man auch anderes erwarten kennen... nicht nur die besten Arvaiter in Zibirien zondern die besten... **Offenvar** war das verdient... bai vielen schainte es zo... они смотрели на нас и пытались так же хорошо работать, но было сомнение, ради чего мы так напрягаемся и кому это все нужно.*

Реплики Я. К. содержат модальные слова, выражающие уверенность путем отрицания **keinesfalls:** *Ich hav schon... в рамках нашей деревни und Zaratow Gebiet не было никаких проблем... alle verstanden wir zind Daitsche... aver wir levten in Zovietunion... Russland und Daitschland waren unzere Haimat... хотя туда и многие в начале 90-х годов и поуезжали, трудно им там было, но не было никакой вражды между деревнями... **kainefalls...** wir konnten nicht denken, dass es Probleme und Konflikte tswischen unzeren Velkern konnte zain.*

Многообразие модальных значений и их оттенков, выражаемых модальными словами и словосочетаниями, на-

ряду с их синтаксической подвижностью и их способностью вносить разнообразие в ритмическую организацию текста и воздействовать на функциональную перспективу, является важным фактором, влияющим на широкое употребление элементов в речи для оптимальной реализации намерения высказывания.

Модальность может быть также представлена при помощи ряда языковых средств, реализующих данный признак, а именно модальных частиц. Они сообщают речи эмоциональную окраску, живость, гибкость и неповторимый колорит.

В речи Я. К. модальные частицы в зависимости от значения и роли в предложении можно подразделить на следующие группы:

1. Отрицательные частицы **gar nicht, bei weitem nicht**:

а) *Die Vortszaichen fir baide Generationen waren nicht mehr tsu zehen... gar nicht... die Menschen, Daitschen, die jettst in Daitschland leven..., leven natirlich bezer... als wir... die 80 oder 90 Jahre alt zind;*

б) *Die Menschen hatten gute Tsahl guter Chancen nicht genutzt. Daitsche..., haitige Russlanddaitsche hatten gar nicht getsaikt, wie muss man leven... in Daitschland zoll... auf wenike Worte beschrenkte der Mann..., der tsu uns in Ruzisch-Daitsch Haus kam. Zie zind nicht gezond zurickgekehrt und zammelten ihre perzenliche Erlebnize, wie zie in Russland leven;*

в) *Wir mizen brinken unzer Leven auf den Platts... wir fahren mit Ambitionen... literarisch gezakt... in Zibirien... nicht hier sterven... arvaiten, bauen, Kindr ertsiehen... Aver das Leven bai waitem nicht viele Vorteile gebracht... viele waren nicht nicht gants so tsufrieden, haite giot es kainen Grund tsur Unruhe.*

2. Вопросительная частица **denn**:

а) *Probleme grezer zain zollten als es den Anschain hatte, hatte Tsukunft... nach dem Kriek wieder nach Schillink fahren... Hochtsait gehaot... Denn kann man zolche Junks in der Front schicken... schlecht gedacht... aver Kriek ist Kriek.*

3. Указательная частица **da**:

а) *Ich bin froh, wir nach ainiker Tsait mit unzeren Repuwliken... Aignunk ertsielt haven... alle mizen verstehen... wir traken pozitiven Entwicklunk, da... Die Mihen gut gefallen und liez ivertsaignenden Aindruck... Putin, Medwedjew действительно хотят постараться, чтобы отношения между нашими странами лучше были, а не как в прошлом году с Грузией.*

4. Уточняющая частица **eben**:

а) *Laitte haven es laicht, zie mizen mit Hoffnunk durch das Leven zo fahren, um das Leven bezer machen... Eben... dieze пытаюсь я иной раз на собрании у нас сказать,*

когда молодежь приходит... In Zukunft kann jeder Junke oder Medel in die свободное плавание treten... die Bewegung muss konsequent zain u родители должны это объяснить детям.

5. Ограничительно-выделительные частицы **nur, ja**:

а) *Nur die Kindr wollten aus Schillink nich fahren, ich kan zaken, wir hatten aine Familie in Nachbarschaft, zie haven ja drai Kindr...*

б) *Ja, Nachbarn, видишь, ganz an der Wolka geleken unzer Dora. Так, vom, тым, hier, hier, grouzes Dorf und hier daitsche, noch waiter auch daitsche.*

в) *Ja... ainmal sie im Buch pezentm блинов увидела... tsu kochen... folgende Tsutaten gebraucht: Taik, Mehl, ain Ai, Milch, Zalts und Muskat genommen.*

6. Восклицательная частица **was für**:

а) *Was fir goldene Dekade fir uns war die daitsche Wiederverainigunk! Tzwischen 1989 und 1990 hatten wir ain aintsikes Gefihl... und das hat nicht verloren... schon kurts juvelte die Daitschen in tszwei Daitschland, die Arme in die Hehe rizen, zie wussten, der Lauf in Tsukunft nicht mehr stoppen war.*

7. Со значением сомнения частица **verwunderlich**:

а) *Medwedjew und Merkel pazen gut tsuainander... zie pazen tsainander. Das ist tsu zehen in gesichten Gesten, Reden, Gesprächen... zie verstahen ainander zehr gut, hoffen Kompromize tsu Problemen tsu finden... Am wichtiksten empfinden die Menschen in Daitschland und Russland... Nutzen Partnerschaft... Die gute Kommunikation ist nicht verwunderlich, zait vielen Tsaiten verstehen daitsche die Ruzen.*

Таким образом, можно сделать вывод о том, что важным текстовым признаком в речевой продукции Я. К. является модальность. В качестве основных компонентов модальности информанта выступают модальные глаголы (können, wollen, müssen), вводные модальные слова, отражающие субъективное отношение говорящего к высказыванию (вероятность оценки ситуации, подтверждение, уверенность путем отрицания и др.), а также совокупность модальных слов, носящих оттенок вопроса, указания, уточнения, восклицания, усиления и сомнения. Модальные слова и частицы относятся не к отдельному слову или словосочетанию, а ко всему предложению в целом.

В предложении они играют большую коммуникативную роль, сообщая высказыванию различные оттенки субъективной модальности: говорящий не только информирует своего собеседника о чём-то, но и одновременно выражает своё отношение к сказанному и к собеседнику. Модальные слова и частицы помогают понять цели и намерения говорящего, его эмоциональную оценку содержания высказывания.

Литература:

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст]/Ш. Балли. — М.: Едиториал УРСС, 2001. — 416 с.

2. Беляева, Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках [Текст] / Е. И. Беляева. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — 180 с.
3. Ваулина, С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект) [Текст] / С. С. Ваулина. — Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1993. — 70 с.
4. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке [Текст] / В. В. Виноградов // Избр. тр. Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975. — с. 53–87.
5. Золотова, Г. А. О модальности предложения в русском языке [Текст] / Г. А. Золотова. — Филол. науки, 1962. — № 4. — с. 65–79.
6. Панфилов, В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения [Текст] / В. З. Панфилов. — Вопр. языкознания, 1977. — № 4 — С. 36–48.

Образные и ценностные признаки эмоционального концепта «гнев» (на материале немецких и русских пословиц)

Красавский Николай Алексеевич, доктор филологических наук, профессор
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Установлены образные и ценностные признаки эмоционального концепта «гнев», актуализируемого в немецком и русском пословично-поговорочных фондах. Выявлены сходства и различия образных признаков данного концепта в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: концепт, эмоциональный концепт, оценка, признак, образ, пословица.

Вопрос оязыковлени психических переживаний в разных этнических сообществах важен не только для филологии, но и для других гуманитарных наук — психологии, психоанализа, педагогики, социологии, культурологии и т. д. В лингвистических изысканиях, имеющих своим предметом исследования концепты эмоций, отмечается теоретико-прикладная релевантность их изучения [2, с. 129–132; 4; 5; 11, с. 64–68 и др.]. Лингвокультурологическое исследование психической ипостаси разноэтностных языковых личностей действительно ценно, поскольку в этом случае становится возможным выяснение особенностей характера культурных предпочтений и доминант, самой специфики устройства ментального мира представителей определенной этнической общности. Ученые стремятся осмыслить социальный феномен эмоций с лингвокультурологических позиций, что предполагает его описание в аксиологическом аспекте.

В отечественном языкознании сложилось два подхода к пониманию концепта — когнитивный и лингвокультурологический. Сторонники первого из них [3, с. 62–69; 10] понимают концепт как мыслительную единицу, которая передается, сообщается одним человеком другому. Она — квант структурированного человеческого знания, формируемого в нашем сознании главным образом на основе перцепции, наглядно-чувственных образов [10, с. 4–5].

По их мнению, концепт есть некоторая идеальная мыслительная сущность (представление, понятие, гештальт и т. п.). Соглашаясь в принципе с вышеизложенным когнитивным пониманием концепта, ряд учёных [1; 5; 7] высказывает аргументированное суждение о целесообразности понимания концепта с точки зрения его культурной ценности. Подобный — более широкий — подход к пониманию концепта имплицитно включает идею учёта самой среды обитания рассматриваемого феномена — культурного пространства. Концепт, существующий в языковом сознании, отягощен культурой — средой его существования. Архитектоника концепта, следовательно, есть совокупность понятия, некоего образа/образов и культурной ценности, сопровождающей само понятие. Мы считаем, что ценностный компонент облигатен для концептов, в особенности, для эмоциональных концептов. Эмоциональный концепт мы понимаем как этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое лексически, фразеологически оформленное образование, базирующееся на понятийной основе, и включающее в себя помимо понятия культурную ценность, функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие *пристрастное отношение* к ним человека. Вкратце остановимся на предложенном выше определении.

Культурная обусловленность всякого концепта, в том числе и эмоционального, выражается в том, что он рождается в конкретной социально-исторической ситуации, в конкретной этнической общности на определённом этапе её развития. Иногда он ею может заимствоваться извне первоначально как *понятие*, затем рефлексироваться чужим для него сознанием, а впоследствии трансформироваться непосредственно в более сложный феномен — концепт. Трансформация эмоционального понятия в эмоциональный концепт сопряжена с приобретением последним оценочного опыта. Эмоциональный концепт базируется на эмоциональном понятии. Он включает его в свою структуру. Эмоциональное понятие можно определить как человеческую мысль, фиксирующую признаки, свойства ментальных, эмоционально насыщенных, с точки зрения их квалификатора, явлений, отличающихся от противоположных им рационально оцениваемых человеком явлений. Эмоциональное понятие основано на перцептивных образах реального мира. Оно есть представление человека об определённом предмете, явлении и т. п. Представление как форма зарождения понятия рефлексировается человеческим сознанием, что приводит к появлению самого понятия. Предметы мира могут мыслиться эмоционально. Более того, некоторые из них в силу своих природных свойств не могут эмоционально не мыслиться.

В основе эмоциональных понятий лежит оценка. Она есть онтологическое свойство человека, который не может в своей познавательной деятельности не квалифицировать окружающий его мир. Человеческое сознание изначально пытается при освоении действительности, её систематизации определить конкретный предмет, его признаки, всякое явление с точки зрения ряда общечеловеческих универсальных категорий (утилитарных, эстетических, моральных и т. п.). Человек квалифицирует фрагменты мира как полезные и бесполезные, хорошие и плохие, красивые и безобразные и т. д. Эмоциональный концепт отличается от эмоционального понятия тем, что он имеет более сложную смысловую структуру. Эмоциональный концепт — это не только понятие, не только набор определённых когнитивных элементов, но и оценочные представления о самом понятии. Оязыковлённый эмоциональный концепт, базирующийся на понятии, по мере «погружения» в культурное пространство конкретного этноса обрастает дополнительными вторичными признаками (образ, оценка).

Вслед за известными отечественными учёными [4; 7; 10] мы считаем, что концепт не обязательно вербально оформлен. В человеческом сознании он может существовать как мыслительный вербально не востребованный конструкт. Подтверждением этому утверждению служат факты принципиальной переводимости идей, мыслей с одного на другой национальный язык. Иначе говоря, концепт как когнитивное образование транслируем из одной в другую культуру. Вместе с тем, однако, мы думаем, что действительно культурно ценностные идеи, мысли необходимо оязыковляются различными номинатив-

ными техниками в том/ином социуме в силу их психолого-культурной значимости для человека. Другими словами, в языке обязательно эксплицируются наиболее культурно ценностные факты человеческого бытия. Хорошо известно, что такие значимые факты нашли активное отражение во фразеологии языка.

Интерес для нас представляет сопоставительное изучение эмоциональных концептов, нашедших речевое воплощение в немецких и русских пословицах. Для лингвокультурологического анализа той/иной концептосферы наиболее релевантными признаются фразеологические и паремиологические речевые единицы [1; 9; 12], поскольку в них эксплицитно отражена сама специфика познавательного и эмоционального опыта того/иного социума, особенности распределения человеком мира. Освоение человеком объективной и субъективной действительности происходит на основе образов, являющихся, как правило, необходимым компонентом фразеологизмов и паремий, фиксирующих собой как особой формой организации знаков и способы мыслительной деятельности, и сами её результаты. Выбор для сопоставительного лингвокультурологического анализа немецких и русских пословично-поговорочных текстов, детально освоивших эмоциональную ипостась жизнедеятельности *homo loquens*, обусловлен, во-первых, их морально-дидактической направленностью, принадлежностью, так сказать, к жанру «моралите», их оценочностью, во-вторых, качественно ограниченной репрезентацией пословиц и поговорок в языке, позволяющей охватить всё фразеологически оформленное концептуальное поле, «проработавшее» интересующий нас феномен. Мы фокусируем наше внимание на выявлении образных и ценностных признаков эмоционального концепта «гнев» (*Zorn*) в немецком и русском пословично-поговорочных фондах.

Следует отметить, что указанный концепт не относится к категории уходящих из нашей повседневности феноменов. Свою актуальность он сохраняет и, как думается, сохранит на все времена, поскольку сама эмоция гнева, служащая реакцией человеческого организма, константна. Обсуждая вопрос типологии концептов, В. И. Карасик пишет: «Содержательная типология концептов может быть построена на различных основаниях, одним из которых является новизна того или иного фрагмента переживаемого опыта. Иначе говоря, можно противопоставить уходящие концепты, ценностная значимость которых постепенно затухает в коллективном и индивидуальном сознании (например, концепт «кротость» в современной русской лингвокультуре), и нарождающиеся концепты, определяющей характеристикой которых является новый ценностный ориентир, меняющий систему предпочтений и поступков» [8, с. 244]. Далее автор цитаты в качестве примера нового для русской картины мира концепта приводит концепт «проект».

Концепт «гнев» имеет в немецких пословицах значительно более детальное качественное и количественное

описание, чем в русском языке. Интерпретативный анализ соответствующих немецких пословиц и поговорок обнаруживает, что *Zorn* и *Wut* оцениваются как крайне нежелательные для человека психические переживания. Аргументами при этом, согласно представлениям немцев, служат суждения, классифицируемые нами на соответствующие семантические группы. Квантитативно наиболее представлена (16 примеров) идея осуждения немецким этносом переживания гнева (семантическая группа «гнев — это неразумно»). Кроме того, нами выделены следующие семантические группы — «способы избавления от гнева»: *Gute Antwort bricht den Zorn* (к ним относятся в том числе и вербальные средства (*Antwort*, *Rede*, *Wort*)); «гнев — это вред здоровью, его переживание нежелательно» (*Nimm den Zorn nicht mit ins Bett*); «переживание гнева есть признак слабого характера» (*Wer einen Zorn bezwingt, hat einen Feind besiegt*); «переживание гнева ведёт к разрыву социальных контактов» (*Im Zorn geht Freundschaft verloren*); «гнев мешает достижению успеха в жизни, он может принести хозяйственные (экономические) убытки человеку» (*Mit Zorn richtet man wenig aus*).

Немецким социумом психологически верно подмечен факт использования переживающим гнев человеком любых средств, по всей видимости, и аморальных для достижения определённых целей (напр., *der Zorn ist blind*; *Im Zorn wird alles zur Waffe*; *Zorn leiht Waffe*). Эмоция гнева в немецкой культуре ассоциативно коррелируется с мужским типом поведения: *Zorn ist ein Mann*, *Sanftmut eine Frau*. В данном случае гнев противопоставлен эмоции, вернее черте характера — кротости (*Sanftmut*). Указанный лингвистический факт психологически верифицируем. Гнев, входящий согласно теории дифференциальных эмоций в триаду враждебности [6, с. 240], непосредственно коррелирует с агрессивным типом поведения человека. По утверждению американского психолога, «агрессивность часто ассоциируется с сексуальной потенцией, но эта взаимосвязь обусловлена, по-видимому, не только биологическими, но и культуральными факторами. Многие люди рассматривают агрессивность как признак мужественности [6, с. 264].

Следующую семантическую группу, когнитивно распредметившую обсуждаемый концепт, можно обозначить как «общая отрицательная оценка гнева» (*Jäher Zorn stiftet viel Böses*). Образную составляющую кон-

цепта «гнев» в немецком языке формируют прежде всего такие феномены, как «враг», «потеря друзей», «убытки», «оружие».

В пословично-поговорочном фонде русского языка нами обнаружено значительно меньше выражений, оценивающих эмоцию гнева: *гнев — плохой советчик*; *покорное слово гнев укрощает*; *царский гнев и милость в руке божьей*. Таким образом, в русском языке, как и в немецком выражены идеи неразумности переживания гнева и способа его укрощения.

Изложенное выше позволяет указать на следующие основные характеристики концепта гнева в сопоставляемых лингвокультурах. Во-первых, эмоция гнева, входящая в качестве структурного компонента в комплексную эмоцию враждебности, в силу своей соматико-психологической релевантности обнаруживает высокую степень лингвистической объективации в пословицах и поговорках немецкого языка. В пословично-поговорочном фонде русского языка гнев лингвистически объективирован менее частотно. Во-вторых, данная эмоция оценивается либо отрицательно (обычно), либо амбивалентно (редко) в пословицах и поговорках сопоставляемых языков. Гневу и русским, и немецким социумами чаще всего приписывается ярко выраженная отрицательная оценка. Её мотивами, судя по квантитативным показателям, является обычно неразумность, иррациональность реальных и вербальных поступков, совершаемых человеком, пребывающим в соответствующем эмоциональном состоянии. Переживание гнева осуждается немцами, поскольку оно имеет нежелательные последствия для практической деятельности человека. Можно заключить, что как в немецкой, так и в русской лингвокультурах неодобрительно относятся к неумению человека оформлять отрицательные аффекты, подавлять их. Негативная оценка данной эмоции определяется последствиями гневного человеческого поведения (неуспех в работе, в целом в жизни). Сильные духом люди всегда в состоянии держать себя в руках, что само по себе хорошо. Более того, выразив эмоцию гнева, её носитель попадает в ситуацию самонаказания (напр., лишается сна). Гнев — это нанесение вреда здоровью. Отсюда следует пословицная рекомендация о целесообразности избавления человеком от данной эмоции. В-третьих, пословично-поговорочный материал (в особенности, немецкоязычный) позволяет нам выявить базисный тип оценки концепта «гнев». Это утилитарная оценка.

Литература:

1. Бабаева, Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, Перемена, 2004. — 40 с.
2. Блинова, И. С. Этнокультурная специфика концепта «старость» (на материале русского и немецкого языков) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки», 2009. №5. — с. 129–132.
3. Болдырев, Н. Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура. Материалы междунар. науч. конф. — Тамбов, изд-во ТГУ, 1999. — с. 62–69.

4. Воркачев, С. Г. *Anglica selecta: избранные работы по лингвоконцептологии: монография.* — Волгоград, Парадигма, 2012. — 205 с.
5. Дженкова, Е. А. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. — Волгоград, Волгоградский гос. пед. университет, 2005. — 26 с.
6. Изард, К. Психология эмоций. — СПб., изд-во «Питер», 1999. — 464 с.
7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград, 2002. — 477 с.
8. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры. — Волгоград, Парадигма, 2012. — 448 с.
9. Маслова, В. А. Лингвокультурология. — М., Academia, 2001. — 208 с.
10. Попова, З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. — Воронеж, «Истоки», 2000. — 191 с.
11. Стефанский, Е. Е. Отражение образа Трикстера в славянских именах эмоций // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки», 2008, № 5. — с. 64–68.
12. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.

Фонетические, лексические, синтаксические средства выразительности и тропы в стихотворении А. С. Пушкина «Анчар»

Матенов Рашид Бекимбетович, старший преподаватель
Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

Стихотворение А. С. Пушкина «Анчар» было создано в 1828 году. Его можно отнести одновременно и к вольнолюбивой, и к философской лирике. Границы между этими разделами стираются потому, что тема рабства вообще перетекает в тему рабства духовного. Пушкин говорит не только о несправедливом социальном устройстве общества, но и о внутренней несвободе человека, о его нравственном рабстве.

Итак, темой стихотворения является тема рабства.

Идея заключается в том, что рабство априори не может служить ничему хорошему, оно неизбежно будет порождать все большее и большее зло.

В доказательство этого проследим за сюжетной линией стихотворения:

Человека человек Послал к анчару властным взглядом

И тот послушно в путь потек И к утру возвратился
с ядом...И умер бедный раб

А князь тем ядом напитал свои послушливые стрелы
И...гибель разослал К соседям...

То есть не сам по себе анчар — зло. Он лишь страшное явление природы. Черета бед начинается с рабской покорности одного человека другому. Раб достает яд и князь шлет смерть уже многим тысячам людей.

С точки зрения композиции в стихотворении можно выделить две смысловые части.

В первых пяти строфах дается описание ядовитого «дерева смерти». Пушкин явно гиперболизирует чудовищные свойства анчара:

Природа жажущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей

И корни ядом напоила

Яд каплет сквозь его кору...

Страшное дерево обходят стороной и звери, и птицы. Но примечательно, что все живые существа вправе сами выбирать, подходить ли им к дереву. И даже природные явления могут действовать по своей воле:

Вихорь...мчится прочь

Туча оросит, блуждая...

Резкий контраст логичным поступкам живой и неживой природы составляют действия людей во второй композиционной части «Анчара»: владыка посылает раба на смерть ради смерти других людей.

Мое внимание привлёк один авторский прием. В первых строфах автор олицетворяет природу, она действует, как человек:

Анчар стоит, как часовой

Природа породила и напоила

Вихорь набежит и мчится

Туча оросит, блуждая

А в шестой строфе Пушкин «опредмечивает» человека: тот «послушно в путь потек»

Помимо олицетворения, Александр Сергеевич использует и другие тропы.

В частности, стихотворение насыщено метафорическими эпитетами:

Жажущие степи

Пустыня чахлая и скупая

Мертвая зелень

Тлетворный вихорь

Дремучий лист

Ядовитый дождь

Песок горючий
 Послушливые стрелы
 Есть также эпитеты оценочные:
 Грозный часовой
 Густая прозрачная смола
 Властный взгляд
 Бледное чело
 Бедный раб
 Непобедимый владыка
 Несколько раз встречаются метафоры, выраженные творительным падежом:

Яд «застывает смолою»
 Пот «струился ручьями»
 В первой строфе встречается сравнение:
 Анчар, как грозный часовой.
 Можно найти примеры метонимии:
 Человека человек Послал к анчару властным взглядом
 (не буквально взглядом)

И тот ...возвратился с ядом (не собственно с ядом, а со смолой и листьями)

Князь ... гибель разослал (не собственно гибель была на стрелах)

Для придания выразительности, образности Пушкин мастерски использует стилистические фигуры и средства синтаксиса.

Многосоюзи (повтор союза «И») организует анафору в начале многих строк. Повтор союза «И» в начале строк придает особый ритм стихотворению. Ритм стихотворения как бы гипнотизирует читателя, заставляя верить в обреченность раба.

Контраст, наблюдающийся между смысловыми частями стихотворения, в предпоследней строфе затачивается до антитезы: бедный раб — непобедимый владыка.

В этой же строфе мы можем заметить градацию: раб принес — ослабел — лег — умер.

Трижды встречаются авторские тире:

1. Стоит — один во все вселенной
2. На древо смерти набежит — и мчится прочь, уже тлетворный.
3. Принес — и ослабел и лег.

Авторское тире акцентирует внимание на важных смысловых моментах текста.

Своеобразно употребление лексики. В тексте «Анчара» встречается много старославянизмов, что придает стихотворению торжественность и схожесть с библейскими «вечными» текстами:

Жажущих
 Блуждая
 Чуждые

(сочетание ЖД — признак старославянизмов)

Древо
 Тлетворный
 Дремучий
 Бледному
 Хладными
 Владыка

(неполногласные сочетания РА, ЛА. РЕ. ЛЕ — признак старославянизмов)

Возвратился, породила, набежит, напитал (Старославянские приставки)

Чело, раскаленной, потек — старославянские слова.

В тексте используются слова с негативным значением. В частности, много слов из смысловой группы, указывающей на гибель:

Зелень мертвую
 Древо смерти
 Тлетворный
 Смертную смолу
 Увядшими листьями
 Умер бедный раб
 Гибель разослал

Выбор слов с подобной смысловой окраской помогает Пушкину подчеркнуть идею пагубного воздействия рабства на общество в целом и на личность в частности.

На уровне звукописи хотелось бы отметить частое повторение звука [р]. Это продолжается на протяжении всего стихотворения. В частности:

И тигр нейдет: лишь вихорь черный
 На древо смерти набежит
 И мчится прочь, уже тлетворный.

Мне сочетание подобных звуков напоминает карканье ворон вперемежку с неясным клекотом стервятников. В сознании невольно всплывают подобные ассоциации, хотя в стихотворении не упоминается об этих птицах.

Стихотворение состоит из девяти четверостиший. Оно написано четырехстопным ямбом. Третья стопа практически каждой строки — пиррихий (стопа без ударения). Последние стопы в четных строках — с наращением (с дополнительным безударным слогом). Способ рифмовки — перекрестный. Рифмы точные. В нечетных строках мужская рифма (ударение падает на последний слог), в четных — женская (ударение падает на предпоследний слог).

Многообразие фонетических, лексических, синтаксических средств выразительности, особое построение композиции и идейно-тематическое своеобразие произведения ставят «Анчар» А. С. Пушкина в ряд величайших шедевров мировой литературы.

В «изумрудную» Ирландию за знаниями и опытом

Мифтахутдинова Флюра Анваровна, учитель английского языка высшей категории
 МАОУ «Гимназия №76» (г. Набережные Челны, Республика Татарстан)

Цель данной статьи состоит, в том, чтобы рассказать о положительном опыте Министерства образования и науки Республики Татарстан по созданию благоприятных условий для профессионального роста учителей английского языка, а также поделиться впечатлениями и знаниями, полученными во время стажировки группы учителей английского языка в Ирландии, в июле 2014 года. Представленный материал позволит не только расширить лингвострановедческий кругозор учителей английского языка, но и пополнить их творческую лабораторию интересными приемами и активными формами работы для обучения английскому языку.

I. Вначале немного предыстории. В преддверии Универсиады 2013, которая прошла в столице Республики Татарстан в городе Казане, Министерством образования и науки было принято решение об обязательном обучении учителей английского языка республики в международной онлайн школе «EFschool» в течение года для повышения качества преподавания предмета. Для нас, учителей английского языка, это обучение дало уникальную возможность совершенствоваться в своей образовательной области и осуществлять профессиональную коммуникацию с преподавателями и студентами англоязычных стран.

Следующим шагом правительства республики стало принятие программы «Алгарыш», в рамках которой по итогам обучения в онлайн школе, предоставлялись гранты для стажировки учителей английского языка в англоязычных странах. В общей сложности за время действия этой программы в высших учебных заведениях Англии прошли стажировку более 200 человек.

В этом году 17 грантополучателям со всей республики представилась возможность познакомиться с другой англоязычной страной Ирландией.

II. Условия гранта по программе «Алгарыш» заключались в следующем:

- предоставление документов, подтверждающих образование, трудовую деятельность, профессиональный рост и достижения учителя;
- устное собеседование на английском языке;
- детальное изучение документов членами комиссии Минобрнауки РТ.

В результате из более 60 претендентов были отобраны 17 учителей английского языка со всей республики.

Данный грант включал в себя:

- дорогу в оба конца по маршруту Казань-Стамбул-Дублин и обратно;
- 2х недельное пребывание (6.07–20.07.2014 г.) и проживание в приемных семьях, включая завтраки, ужины и беседы на светские темы;
- обучение в Институте английского языка и профессионального развития «Эмеральд»;

— транспортные расходы для передвижения по городу;

— специальную культурную программу экскурсий по городу, посещения музеев и других достопримечательностей Дублина.

III. Институт английского языка и профессионального развития «Эмеральд» (The Emerald Institute of the English Language and Professional Development) расположен вдалеке от делового центра Дублина в окрестностях старинного парка Памстон и тихих жилых кварталов старых времен.

Администрацией института была разработана специальная учебная программа для группы учителей английского языка из России.

В соответствии с расписанием занятий на протяжении всего курса первая половина учебного дня с 9.00–10.50 была посвящена обучению английскому языку и его структурированию со ссылкой на современные тенденции

по основным аспектам языка «Грамматика», «Лексика» и «Фонетика».

Это занятие носило название «English Language Development».

Вторая половина учебного дня с 11.20 до 13.05 отводилась методике преподавания английского языка, послеобеденное время и вечер были посвящены культурно-обра-

зовательной программе. Эта программа включала в себя знакомство с достопримечательностями Дублина, посещение парков, музеев, знаменитых университетов и памятников старины, а также поездки на Ирландское море, в Белфаст (столица Северной Ирландии в Великобритании), посещение древней столицы Ирландии Килкени и знаменитых озер Гленделок.

Занятия по методике преподавания английского языка строились по основным видам деятельности (Говорение, Чтение, Письмо и Аудирование) и содержали интересные приемы и активные формы работы с обучающимися:

- The Psychology of Learning
- Developing Listening Skills
- Developing Reading Skills
- Tasks and Activities for Language Learning
- Authentic Material in the Language Classroom
- Literature in the Language Classroom
- Drama and Role-play in the Language Classroom
- Developing Writing Skills and Error Correction
- Songs in the Language Classroom
- MetaGrammar.

Состоялось два семинарских занятия по темам:

- Introduction to Ireland
- Education Seminar

По оснащенности учебные кабинеты института ничем не отличаются от наших. Основным ТСО является электронная доска.

Как показали занятия, в институте преобладает коммуникативный подход к обучению английскому языку, что так же сближает наши технологии обучения.

Все преподаватели института тщательно готовились к занятиям, были открыты и щедро делились своим опытом и содержанием творческой лаборатории.

В процессе обучения мы получили богатый дидактический материал и флэш-карту с материалами всего курса обучения.

Наиболее интересные формы работы, которые можно широко использовать не только при обучении иностранным языкам, но и на уроках по другим предметам:

- Использование игральные страноведческих карт на уроках развития речи. (См. Приложение 1.)

— Использование песен для развития навыков распознавания слов (сколько раз было произнесено слово..., вставить пропущенное слово), предсказания (просмотреть видеоклип песни и предположить о чем она), аудирования (прослушать и сказать о чем она, как чувствует себя героиня, что обозначает определенное слово и т.д.), грамматических навыков (прослушать две одинаковые песни с разными грамматическими формами и сказать о своих предпочтениях), для расширения словарного запаса (вставить пропущенный послелог, понять и объяснить значение фразового глагола).

— Использование видеороликов для совершенствования навыков аудирования, грамматических и разговорных навыков (*Students listen to the responses from street survey listening clips. After each listening, they have to decipher what question the participants were asked. The teacher collects possible answers from each group. Students watch the video clip with subtitles to check their answers and any new vocabulary.*)

— Использование стандартных диалогов в учебниках для развития навыков чтения с охватом содержания и извлечения нужной информации, разговорных навыков с опорой на пройденный лексический и грамматический материал (прочитать, понять диалог и добавить третьего героя в контекст диалога).

— Парная работа по составлению рассказов с элементами беседы и описанием личности учащихся (*Creative story-telling*) (См. Приложение 2.)

— Проведение опроса для определения типа учащегося по восприятию нового материала, обработка результатов и выработка рекомендаций (См. Приложение 3.)

— Разработки фрагментов уроков по BBC News.

— Серия упражнений в группах по активизации политической лексики в речи (*Predictions made on pictures, unjumbling newspaper headline, reading and working with the article*).

— Упражнение типа «Running Dictation». (См. Приложение 4.)

IV. Образовательные сайты в помощь учителю английского языка:

— Englishmeetingsconda.com («Dave Sconda on YouTube») — for pronunciation;

— www.triptico (or trptical) — for listening skills;

— BBClearnenglish.com;

— Teacher-training videos;

— Lyrics training;

— Lesson writer;

— Survey monkey;

— Quizmaker;

— Ideas BBC;

— Amy Walker on the Net — different accents;

— Verb patterns in English;

— oozwords.com;

— Tao of English on YouTube.

V. Приложения по теме «Наиболее интересные формы работы»

Приложение 1.

CARD TALK/CARD DARE

Instructions

(1) Work in small groups.

(2) Take turns selecting a card from the pack/deck.

(3) Use the key below to find your conversation topic or 'dare'.

(4) Speak about your topic for at least two minutes. Answer questions from your fellow student (s).

Give yourself 5 points for each topic you talk about. The score-sheet is on page two.

OR

Complete the 'dare' or challenge. Give yourself 20 points.

If you fail to do this, deduct 30 points from your score.

Diamonds ♦

Ace: Dare: Sing a verse plus chorus of any song you know.

King: Talk about a famous person.

Queen: Talk about the most beautiful woman/most handsome man you can think of (note: you may not talk about your current teacher).

Jack: Talk about the politics of your country.

Ten: Describe your host-family OR your High School/Secondary School teachers.

Nine: Dare: Change jumpers or jackets with a member of the opposite sex.

Eight: Talk about your last holiday or one you have planned.

Seven: Describe the transport system in your country.

Six: Music I like and dislike (pop, rock, jazz, classical, folk, country 'n' western etc.).

Five: Describe the clothes you are wearing or the education system in your country.

Four: Talk about the last book or newspaper/magazine that you read.

Three: Give instructions for making an omelette or one of your national dishes.

Two: Describe the food in MacDonald's or the main economic activities in your country.

Hearts♥

Ace: Sing or whistle your National Anthem.

King: Describe a male member of your family.

Queen: Describe a female member of your family.

Jack: What sort of child were you?

Ten: Describe your favourite room in your home or talk about the most important person in your life.

Nine: Talk about the person you most respect in your place of work or study.

Eight: Describe your ideal holiday location.

Seven: Talk about the geography/landscape of your country.

Six: What do you like most and least about your host country?

Five: Make five funny faces.

Four: Talk about your favourite TV programme or film.

Three: Describe your ideal boyfriend/girlfriend/husband/wife.

Two: Talk about a serious problem that your country is facing at the moment.

Spades ♠

Ace: Make at least six animal noises.

King: Describe the qualities you most like and dislike in men.

Queen: Describe the qualities you most like and dislike in women.

Jack: What's your favourite time of the year? Explain.

Ten: Describe the life of a junkie/drug-addict.

Nine: What do you like least about your job or your studies?

Eight: Dare: Guys: Do eight press-ups. Girls: Do four press-ups.

Seven: Describe the most important moment in your country's history.

Six: What advice would you give to someone visiting your city/country for the first time?

Five: Describe your favourite sport or one of your national sports.

Four: What advice would you give to someone visiting Ireland for the first time?

Three: What was your most embarrassing or most exciting experience?

Two: Describe your retirement plans.

Clubs ♣

Ace: Flirt with one of classmates for one minute.

King: Which person would you most like to meet?

Queen: Describe your ideal job.

Jack: What are the most pressing (serious/urgent) problems in the world today?

Ten: Describe your dream home.

Nine: What are the pros and cons (advantages and disadvantages) of being famous?

Eight: If I were a billionaire... [continue]

Seven: Demonstrate one of your country's traditional dances.

Six: Describe a typical wedding in your country.

Five: Compare fashions in your country and Ireland.

Four: Describe an argument you once had.

Three: What do you do on a typical weekend?

Two: Why are you learning English? What is most difficult about learning English?

Score Sheet

	Topic 1	Topic 2	Topic 3	Topic 4	Topic 5	Topic 6	Topic 7	TOTAL SCORE
Student 1								
Student 2								
Student 3								
Student 4								

Приложение 2. Creative Story-telling.

You are going to tell your partner a story and ask him/her to continue a story at various points. Then make notes of your partner's answers.

I want you to close your eyes and imagine that you are walking through a wood. Tell me what the wood is like.

_____ *Is there a path through the wood?* _____

_____ *Suddenly you see a bear. Describe this bear.*

_____ *You see a bunch of keys on the ground. How many are there and do you pick them up?* _____

Stop the story there. Now it's your turn to answer the questions. Say exactly what comes into your head. Read the interpretation below and use it to explain the partner's answers.

Interpretation. The wood is life. So how you see it shows how you see your life generally. If you see a path, you have a

certain meaning in your life. If you don't see the path you feel we are all free to live our lives. The bear represents the problems. If it is very big, you have a tendency to exaggerate your problems. The keys are the turning points in your life. If you pick them up you will follow them.

Приложение 3.

LEARNING STYLES

Write a number from 1 to 5 next to each sentence below depending on how true the sentence is for you.

- 1 — not true at all
- 2 — only a tiny bit true
- 3 — pretty true
- 4 — very true
- 5 — completely true

Learning styles questionnaire

1. I prefer listening to an explanation to reading the rules in a book.
2. I often touch and hug my friends.
3. I frequently tell jokes and stories.
4. I easily understand and follow directions on maps.
5. I understand things better if they are presented visually (for example, on the board).

6. I'm excellent at sports.
7. I follow written instructions better than oral ones.
8. I'm always moving.
9. I follow oral directions better than written ones.
10. I usually prefer to stand while I'm working.
11. I often sing, hum or whistle to myself.
12. I'm good at making or fixing things with my hands.
13. I'm often restless and do things like tap my pen or play with keys in my pocket.
14. I like to take notes during verbal talks and discussions to review later.
15. I enjoy participating in discussions or classroom debates.
16. I'm very good at drawing.
17. I prefer to listen to the radio than to read a newspaper.
18. I remember best by writing things down or drawing pictures.
19. I remember lyrics to songs.
20. I generally talk quickly and use my hands a lot to communicate.
21. I think the best way to remember something is to make a mental picture.
22. I talk to myself when I'm alone.
23. I need to participate in an activity to learn how to do it.
24. I need to watch a speaker's facial expressions and body language to fully understand what they mean.

Auditory total — _____ Add up your scores for questions 1, 3, 9, 11, 15, 17, 19 and 22. This is your total for an **auditory** learning style.

Visual total — _____ Add up your scores for questions 4, 5, 7, 14, 16, 18, 21 and 24. This is your total for a **visual** learning style.

Kinaesthetic total — _____ Add up your scores for questions 2, 6, 8, 10, 12, 13, 20 and 23. This is your total for a **kinaesthetic** learning style.

The highest total represents your preferred learning style. What kind of learner are you?

Your learning style is the specific way you learn things. When you start a new learning experience, it can help you a lot if you know how you learn things. If you know your learning style, you can make the most of your class time

and use different strategies that work for you to help you remember things.

Three types of learning styles

Visual learners

These learners need to *see* things to learn better. It helps if they sit near the front of the class, so that they can see the teacher's expression and body language during class. They may think in pictures and learn best from visual displays (diagrams, colour presentations, videos and handouts). During a lecture or explanation, visual learners sometimes like to take detailed notes.

Auditory learners

Auditory learners learn best through *hearing* information. They enjoy lectures, discussions and talking about things that they have learned. Written information has little value unless it is heard. These learners can benefit from reading something aloud or listening to a tape recorder. Auditory learners may invent rhymes or expressions to help them remember information.

Kinaesthetic learners

For this kind of learner, it isn't enough to read or hear information to learn; they have to *do* things in order to really retain the information. They learn best through actively exploring the physical world around them. For kinaesthetic learners, it may be difficult to sit still for a long class. They need activities and exploration.

Приложение 4. Running Dictation.

Данное упражнение выполняется в парах. Один ученик пишет по диктовку другого, который бежит к тексту, расположенному вдалеке, например, на стене, запоминает предложения и диктует своему партнеру, не указывая на орфографические ошибки и знаки препинания. По окончании действия он сверяет с оригинальным текстом и анализирует ошибки. Затем ученики меняются ролями. Пример текста: — *What we teach is not necessarily what learners learn. To learn is to develop relationships between what the learner knows already and the new knowledge presented to him. And this can only be done by the learner himself.* (Barnes 1976).

Интерактивные средства обучения иностранному языку

Мурадова Насиба Тургунбаевна, старший преподаватель;
Эрданова Севара Анваровна, ассистент
Ташкентский финансовый институт (Узбекистан)

В данной статье рассматривается применение средств информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения иностранному языку.

Ключевые слова: ИКТ, иностранный язык, информатизация, технология.

В последнее десятилетие информационно-коммуникационные технологии стали одним из важнейших факторов, влияющих на развитие общества и людей. Сегодня в Узбекистане, как и в других странах мира, провозгласивших одним из основных направлений своей политики развитие информатизации, растет осознание тех преимуществ, которые дает развитие и распространение ИКТ. Развитие информационно-коммуникационные технологий становится важнейшим составляющим экономики Узбекистана. Стратегия в долгосрочном плане также ориентирована на движение к созданию информационного общества, однако в системе образования процесс информатизации не должен рассматриваться только в качестве приоритетной альтернативы, но и в качестве неотъемлемой части процессов развития непрерывной системы образования [3].

Отметим, что в рамках реализации Закона Республики Узбекистан «Об образовании» и Национальной программы по подготовке кадров, а также в соответствии с постановлением Президента Республики Узбекистан от 10 декабря 2012 года №ПП-1875 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков» направленным на формирование гармонично развитого, высокообразованного, современно мыслящего подрастающего поколения, дальнейшую интеграцию республики в мировое сообщество. В стране создана комплексная система обучения иностранным языкам.

Анализируя действующую систему организации изучения иностранных языков, следует отметить, что образовательные стандарты, учебные программы и учебники не в полной мере соответствуют современным требованиям, особенно в части использования передовых информационных и медиа-технологий. Обучение ведется в основном традиционными методами. Требуется дальнейшего совершенствования организация непрерывности изучения иностранных языков на всех уровнях системы образования, а также работа по повышению квалификации преподавателей и их обеспечению современным учебно-методическим материалом [4].

Наше общество предъявляет достаточно высокие требования к современному человеку, который должен владеть основными знаниями, умениями и навыками. Одним из таких требований является владение иностранным языком и информационно-коммуникационными технологиями. И очень хорошо, что сейчас эти две составляющие довольно часто сливаются в одно целое. Использование

интернет-технологий является самой молодой и при этом наиболее перспективной формой коммуникации и обучения иностранным языкам, в частности [1].

При использовании ИКТ на уроках иностранного языка в вузе студент вовлекается в учебный процесс в качестве активного его участника. Это особенно важно подчеркнуть при сравнении с традиционными формами и методами обучения, при которых обучающийся более пассивен. ИКТ как средство обучения называют интерактивными, они обладают способностью «откликаться» на действия студента и преподавателя, «вступать» с ними в диалог, что и составляет главную особенность методик компьютерного обучения. ИКТ может использоваться на всех этапах процесса обучения: при объяснении (введении) нового материала, закреплении, повторении, контроле. Во-первых, как свободное общение учащихся в режиме реального времени посредством использования электронной почты и информационных сетей, то есть как аутентичный диалог в письменной форме между партнерами по коммуникации. Во-вторых, как интерактивное диалоговое взаимодействие обучающегося с ИКТ, при котором преследуются реальные цели коммуникации, то есть как человеко-машинный диалог. В-третьих, как общение обучаемых в процессе работы с ИКТ обучающими программами, выступающими в качестве стимула для коммуникации и средства воссоздания условий ситуации общения.

Специфика предмета иностранного языка обуславливает активное и уместное применение ИКТ на уроках. Ведущим компонентом содержания обучения иностранного языка является обучение различным видам речевой деятельности: говорению, аудированию, чтению, письму. Обучающие ИКТ-программы являются тренажером, который организует самостоятельную работу обучающегося, управляет ею и создает условия, при которых учащиеся самостоятельно формируют свои знания, что и особо ценно, ибо знания, полученные в готовом виде, очень часто мимо их сознания и не остаются в памяти. Использование ИКТ на уроках английского языка — потребность времени.

Нельзя забывать о том, что и сам преподаватель начинает задумываться о смене привычной методики на что-то более современное и актуальное. Это помогает ему овладеть новыми методическими наработками и повысить свое педагогическое мастерство. Часто на уроках иностранного языка процесс вовлечения обучающихся в устную речь по различным темам бывает неинтересным. При работе с исполь-

зованием ИКТ это исключено, так как необходимые на уроке наглядность и ситуации на интерактивной доске, мониторах вполне реальны, а применение ИКТ в процессе овладения языком создает условия для иноязычного общения, обеспечивает широкий доступ к информации. Радость познания — вот что дает использование ИКТ на уроках.

Кроме того, ИКТ обладает рядом преимуществ: в нем сочетается аудио-видео информация, текстовая информация, возможность записи собственного голоса и дальнейшей самокоррекции произношения. ИКТ предоставляет огромные возможности тестирования уровня владения иностранным языком или темой, без участия или с частичным участием преподавателя, что сократит время проверки результатов.

Разнообразные мультимедийные игры способствуют расширению словарного запаса, знакомят с грамматикой иностранного языка.

В ходе повседневной работы в учебном заведении все занятия проводятся на высоком уровне, учитывается заинтересованность студентов в ИКТ, это очень эффективно. Здесь меняется и роль преподавателя: он перестает быть источником информации, становится помощником-корректором. Отношения строятся на принципах совместного творчества. В этих условиях пересматривается организация занятия: увеличивается самостоятельная и творческая работа студентов, которая носит поисковый и научно-исследовательский характер. Часто используется проектная форма деятельности. Проект предполагает самостоятельную исследовательскую работу студентов, которые в процессе сами ищут способ решения каких-то комплексных задач. В начале занятия перед студентами ставятся основные задачи, решение которых необходимо представить в конце [2].

Все это стимулирует интерес к восприятию изучаемого материала и расширяет кругозор.

Совершенно уникальные возможности для диалога с наукой и культурой представляет всемирная компьютерная сеть — Internet:

- переписка-разговор со сверстниками из всех частей мира;

- привлечение научной и культурной информации из всех банков, музеев, хранилищ мира;

- интерактивное общение, слежение за событиями через международные серверы.

С помощью Интернета можно:

- включать материалы сети в содержание занятия (интегрировать их в программу обучения);

- формировать и развивать умения и навыки чтения, непосредственно используя материалы сети разной степени сложности;

- формировать и развивать умения и навыки аудирования на основе аутентичных звуковых текстов сети Интернет;

- пополнять словарный запас лексикой современного иностранного языка.

Таким образом, уникальная роль, которую ИКТ играют в улучшении качества образования, основана на их способности эффективно способствовать выполнению как необходимых, так и достаточных условий для обеспечения качества образования. Современный уровень развития ИКТ значительно расширяет студентам и преподавателям доступ к образовательным и профессиональным ресурсам, улучшает возможность и результативность управления и отдельными учреждениями, и системой образования в целом, способствует интеграции национальной системы образования в мировую сеть, значительно облегчает доступ к международным ресурсам в области образования, науки и культуры.

Конкуренция на мировом рынке вызвала необходимость более качественной подготовки специалистов и приобретения ими новых знаний и умений. Эти проблемы стоят перед странами с хорошей развитой системой образования и перед развивающимися странами, в том числе теми, в которых отсутствует даже система всеобщего начального образования [3].

В заключении можно сделать вывод, что ИКТ в значительной степени являются мощным средством увеличения интереса и повышения мотивации к обучению. Все новое всегда притягательно, и информационно-технические средства не стоят на месте, изменяются, совершенствуются и становятся все более доступными. Использование современных информационных технологий способствует раскрытию, сохранению и развитию личностных качеств обучаемых.

Литература:

1. Абалуев, Р.Н. Интернет-технологии в образовании: учебно-методическое пособие. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2002. — 125с.
2. Андреев, В.И. Педагогика высшей школы: инновационно-прогностический курс: учебное пособие. Казань: Центр инновационных технологий, 2005. — 499с.
3. Кадыров, А. М., Ахмедиева А. Т., Турсунов Ш. А. Тенденции развития информационно-коммуникационных технологий в системе образования Узбекистана. «Актуальные проблемы прикладной математики и информационных технологий — Аль-Хорезми — 2014». Международная научная конференция. Самарканд 15–17 сентября, 2014. Том II. — с. 241–246.
4. Мурадова, Н.Т., Эрданова С.А. Обучение профессионально-ориентированному общению на иностранном языке студентов неязыковых вузов // Молодой учёный. — 2013. — № 11. — с. 822–824.

Особенности баварского диалекта немецкого языка

Перцева Анна Александровна, студент

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

Сложно представить себе народы более различные, чем немцы и русские, и, тем не менее, последние, приезжая в Баварию, чувствуют себя вполне комфортно, чего нельзя сказать о северных немцах, для которых Бавария подчас еще большая «заграница», чем для русских. Это противоречие легко объяснить: Бавария — это не Германия.

Традиции, образ жизни и даже язык баварцев и северных немцев настолько не схожи, что можно сказать: север и юг находятся «на разных полюсах», и географическая карта лишь символически подтверждает их противоположность.

То, что для северного немца замкнутость, для баварца глубокая убежденность в том, что «словами делу не поможешь», и чем говорить просто так, ради «красного словца», лучше уж помолчать.

Решающим событием в процессе становления немецкой народности явилось разделение Франкской империи Каролингов на три феодальных государства в середине IX в. и выделения из неё Немецкого государства как самостоятельного политического образования. В него входили следующие герцогства: Франкония, Бавария, Швабия, Саксония и Тюрингия. Особенно тесные связи сложились между диалектами Франконии, Баварии и Швабии; они и составляют в совокупности древневерхненемецкий язык — *Althochdeutsch*.

С 1476 г. в печатных изданиях встречается понятие *Gemeindeutsch* («общенемецкий»), как название аугсбургского варианта литературного языка, отличавшегося швабскими и баварско-австрийскими особенностями. Понятие *Gemeindeutsch* не было связано с появлением книгопечатанием, оно было вызвано к жизни интенсивным вытеснением латинского языка, в особенности в XVI в. и интересом к языковым проблемам, который принёс гуманизм и который отображал пробуждение народного самосознания и стремление к объединению немецких земель [2].

Нововерхненемецкий период — это период становления и развития немецкого национального литературного языка. В этот период он функционирует в виде территориально-ограниченных диалектов, разговорно-обиходной речи и национального литературного языка.

Ниже приведен перечень немецких диалектов (объединенных в три основных группы), распространенных на территории центральной Европы по направлению север — юг:

1. **NIEDERDEUTSCH** (*Plattdeutsch*, нижнегерманский): *Friesisch* (фризский), *Niederfränkisch* (нижнефранкский), *Niedersächsisch* (нижнесаксонский)

2. **MITTELDEUTSCH** (среднегерманский): *Fränkisch* (франкский), *Thüringisch* (тюрингский), *Obersächsisch* (верхнесаксонский), *Schlesisch* (силезский).

3. **OBBERDEUTSCH** (верхнегерманский — часто путают с *Hochdeutsch*): *Ober — Fränkisch* (верхнефранкский), *Alemannisch* (алеманский), *Bayerisch* (баварский) [2]

Баварский язык или *Bayerisch* — в языковом отношении один из самых далёких от стандартного немецкого языка. Этот диалект ведёт своё происхождение от языка, на котором говорили представители баварского племени, оттеснённого королём Карлом Великим к Дунаю. Относится он к группе южно-немецких языков верхненемецкого языка.

Баварский диалект известен также как австро-баварский диалект. На нём говорят в Австрии, особенно на юге Тироля, а также в нескольких областях Швейцарии, в пограничных с Австрией областях Италии (Южный Тироль) и даже в Венгрии (Шопрон). До 1945 года на баварском диалекте говорили также немцы южной Чехии.

Первым исследователем, заинтересовавшимся баварскими диалектами, был Иоганн Андреас Шмеллер (1785—1852), который в XIX веке составил четырёхтомный баварский словарь.

Баварский диалект подразделяется на три крупные языковые группы, а именно:

Северобаварский диалект — распространён на северо-востоке федеральной земли Бавария в округе Верхний Пфальц, на юго-востоке Верхней и Средней Франконии;

Среднебаварский диалект (иногда обозначается как австро-баварский) — обнаруживается на юге и юго-востоке федеральной земли Бавария (в округах Верхняя Бавария и Нижняя Бавария, на юге Верхнего Пфальца), а также в Австрии (Верхняя Австрия, Нижняя Австрия, Зальцбург, Бургенланд, север Штирии и Тироля);

Южнобаварский диалект — юго-запад федеральной земли Бавария (округ Швабия), южная Австрия (Штирия, Каринтия, Тироль) и Италия (Автономная провинция Больцано-Болцено — Южный Тироль в регионе Трентино — Альто-Адидже).

Рассмотрим на примерах некоторые особенности австрийского варианта немецкого языка [3]:

Österreich	Deutschland
Купить что-то на 5 Евро	
etwas um 5 Euro kaufen	etwas für 5 Euro kaufen
Ехать в отпуск	
auf Urlaub fahren	in den Urlaub fahren
Идти в школу	
in die Schule gehen	zur Schule gehen

Удаваться, идти хорошо	
sich ausgehen » (например, diese Sache geht sich nicht aus)	etwas schaffen, etwas gerade noch erreichen, gehen/passen (например, diese Sache geht/passt schon), aufgehen (das geht nicht auf)
На Рождество, на Пасху	
zu Weihnachten/Ostern	an (на юге)/ zu (на севере) Weihnachten, Ostern
Идти вверх	
hinauf/rauf gehen	hoch gehen

Баварский язык отличается мягкостью произношения и является антиподом резко звучащего берлинского диалекта, как и сама Бавария всегда воспринималась как антипод Пруссии. В настоящее время обучение в австрийских и баварских школах ведётся на стандартном немецком языке. В то же время велико остаётся значение диалекта в разговорной речи баварцев.

Для баварского диалекта характерен дифтонг «оа» (отсутствует родительный падеж). Он заменяет типичный для литературного немецкого языка дифтонг «ai». Вместо *ich heiße* (меня зовут) — *i hoas*. Так вместо «eins» (один) и «zwei» (два) баварцы говорят [oans] и [zwoa][1].

Этим отличия, конечно, не исчерпываются. Верные себе баварцы спрягают по-своему примерно половину всех имеющихся глаголов. У них свои правила и свои исключения. Например, глагол *kommen* (приходить) ведет в баварском весьма независимое существование в форме *kammen*, а глагол *kennen* (знать) напротив, меняет «е» на «i», и произносится [kīnen][1].

Любимцами баварцев являются дифтонги «oi» и «ui», которыми они заменяют каждую вторую гласную. Например, [folsch] вместо *falsch*. Или [buidl] вместо *das Bild*. Кстати, о [build] суффикс -l служит для образования уменьшительно-ласкательной формы — еще одного неприметного атрибута баварского диалекта. *Das Rad* (колесо) — по-баварски будет [radl']. А *das Blatt* (лист) будет [blatl'] — поясняет лингвист Бернхард Штер [1].

На следующих примерах можно видеть, насколько сильно отличаются друг от друга баварский диалект и немецкий язык. Диакритические знаки (например, в предлогах: немецкое *von*, баварское *vo* и австрийское *vô*) указывают на фонетические особенности диалектов, прямые несоответствия слов говорят о наличии в диалектах собственных названий (в названиях городов: баварское *Minga* и немецкое *München*) или лексем, сформировавшихся в отрыве от немецкого языка. Косая черта (/) обозначает, что чередующиеся слова могут быть соотнесены по своему смыслу, и, имея собственную специфику употребления, могут употребляться в данном случае все.

Отличие баварского диалекта от немецкого языка. Пример № 1.

Русский язык	Привет, меня зовут Петер и я из Мюнхена
Немецкий язык	Hallo, ich bin Peter und ich komme aus München
Баварский диалект	[Serwus/Habèderè/Griaß Di, i bin/bī da Pèda und kumm/kimm vo Minga.]

Отличие баварского диалекта от немецкого языка. Пример № 2.

Русский язык	Я нашёл деньги
Немецкий язык	Ich habe Geld gefunden
Баварский диалект	I hã/hãb a Gèid/Gòid/Göld gfundn/gfuna

Для баварского ареала приводится, например, следующее построение:

- 1) *Ich habe es ihm gegeben* — литературный язык.
- 2) *[Ich hab's ihm gegeb'n]* — верхненемецкий обиходно-разговорный язык, обиходный язык «образованных».
- 3) *[Ich hab's ihm geb'n]* — областной баварский обиходно-разговорный язык.
- 4) *[I hoob's eahm gebm]* — местный обиходно-разговорный язык, или полудиалект.
- 5) *[I hoos eahm gem]* — местный баварский диалект.

В регионах Германии положение диалекта оказывается устойчивым. Так, в Баварии (южно-немецкая языковая зона), как показали данные опросов, проведенных в 1966 и 1980 гг., число лиц, владеющих местным диалектом, составило 71%, тогда как только 19% (1966) и 18,7% (1980) опрошенных заявили, что не могут говорить на диалекте.

По данным института общественного мнения *YouGov*, больше всего немцы уважают нижненемецкий диалект, на котором разговаривают, в том числе, и в Гамбурге — в своей любви к нему признались 29 процентов респондентов. Его характеризуют протяжное произнесение слов, а также отсутствие верхненемецкого передвижения согласных.

27-ми процентам опрошенных нравится баварский диалект — мягкое произношение и четкая артикуляция делают его в чем-то схожим с русским. Однако на этом его «доступность» заканчивается. Лексические особенности настолько велики, что, прежде чем отправиться в Баварию, многие немцы запасаются баварско-немецким словарем.

Язык неразрывно связан с человеком, как существом духовного порядка. История языка раскрывает характер народа, говорящего на нем. А характер немецко-говорящего народа не может оставить равнодушным к изучению: он многолик и необъятен.

Как сказал однажды небезызвестный французский писатель Жюль Ренар: «В глазах отражается душа. В языке отражается общество».

Литература:

1. Домашнев, А. И., Копчук Л. Т. Особенности диалектно-литературного взаимодействия в национальных вариантах немецкого языка. Лексика и лексикография. — М., 2000
2. Жирмунский, В. М. Немецкая диалектология. — АН СССР: М., 1956
3. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/796759>

Лексические особенности научно-популярных статей на китайском языке (на примере сферы солнечных технологий)

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент;

Чубинец Анна Андреевна, студент

Томский политехнический университет

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой

Томский государственный университет

Исключительная роль, которая принадлежит языку в научном осмыслении и освоении мира, обуславливает философское значение его анализа. Литературный язык прошел длительную эволюцию, в нем образовались различные стили. Один из них — научный. Сфера применения научного стиля очень широка, он является средством общения в области науки и учебно-научной деятельности. Каждый член современного общества в разной мере сталкивается с текстами данного стиля, функционирующего в устной и письменной форме, поэтому овладение нормами научного и научно-учебного стиля речи является важной составной частью культуры русской устной и письменной речи.

В данной статье мы рассмотрим научно-популярный подстиль в китайском языке, под которым мы понимаем одну из стилистико-речевых разновидностей научного функционального стиля, выделяемую (по сравнению с собственнонаучным) на основании реализации «дополнительных» задач коммуникации — необходимости «перевода» специальной научной информации на язык неспециального знания, а именно — задач популяризации научных знаний для широкой аудитории. Его анализ проведен на примере литературы, описывающей сферу солнечных технологий. Нами был исследован тот пласт лексики, который характерен для данной темы.

Солнечные технологии или «зеленое строительство» приобретают все большую популярность как на западе, так и в нашей стране, т. к. во всем мире последнее время все больше внимания уделяется разработке экологически чистых и энергосберегающих технологий, направленных на снижение вредного воздействия на окружающую среду и экономию энергии. Определение «зеленое здание» характеризует не просто определенный тип строений или использование при его возведении определенного набора архитектурных приемов, — данное понятие подразумевает комплексную систему специально разра-

ботанных принципов, на основе которых осуществляется непосредственно и строительство, и эксплуатация здания. «Зеленое строительство» использует не только передовые энергосберегающие технологии, но и альтернативные источники получения электроэнергии. Как известно, солнце является огромным генератором, вырабатывающим колоссальное количество энергии. Почти половину всего солнечного излучения составляют тепловые (инфракрасные) лучи, именно на аккумуляции данного излучения и основаны все солнечные батареи. Доступность этого вида энергии обуславливает его активное использование в строительстве «зеленых» домов.

Анализ научно-популярного подстиля в китайском языке выявляет ряд особенностей. Тому есть объяснения. Первопричиной их возникновения является интенсивный процесс пополнения словарного состава все новыми и новыми терминологическими названиями в связи с постоянными научно-техническими открытиями. В современном мире все больше внимания уделяется изобретению экологически чистых, энергосберегающих технологий, которые направлены на снижение вредного воздействия на окружающую среду и экономию энергии. Возможность частичного или полного замещения невозобновляемых энергоносителей на солнечные батареи, которые будут обеспечивать питание самых различных систем здания, позволяет существенно сэкономить и снизить вредное воздействие на окружающую среду. Именно поэтому данная технология нашла свое применение в «зеленом» строительстве.

Обратимся к лексическим пластам научно-популярной литературы в китайском языке. В лексике научно-популярного стиля, как подстиля научного стиля, на основе классификаций, данных в книге В. И. Горелова «Стилистика современного китайского языка», мы выделили несколько следующих пластов. На первом месте стоит лексика терминологическая. К терминологической лексике (

shù) относятся слова, выражающие специальные понятия. Эти слова призваны практически точно обозначать предметы, явления, процессы, имеющие отношение к той или иной области научного знания, к конкретной отрасли науки или техники, а также культуры [3, с. 164].

В китайском языке количество односложных терминов очень мало, двусложных также немного. Четырехсложные термины составляют основную массу, прослеживающуюся среди статей научно-популярного стиля. Приведем следующие примеры:

— 蓄热系统 *xù rè xìtǒng* теплоаккумулирующая система отопления

— 自然通风 *zìrán tōngfēng* естественная циркуляция воздуха

— 降温过程 *jiàngwēn guòchéng* период температурного спада

По степени распространения терминология, встречающаяся в научно-популярных статьях, относится к узкоспециальной, присущей конкретной терминологической системе и в силу этого известной лишь ограниченному кругу специалистов. Но в отличие от научной прозы в научно-популярной литературе значительно меньше специальных терминов, так как обилие терминологии препятствует распространению научных знаний среди широких общественных кругов. Вместо этого термины сопровождаются различными объяснениями, назовем некоторые из них:

— демонстрация предмета или явления — простейший и очевидный способ объяснения;

— сравнение, аналогия (相比传统热机驱动的汽车, 太阳能汽车是真正的零排放 *xiāng bǐ chuántǒng rèjī qūdòng de qìchē, tàiyángnéng qìchē shì zhēnzhèng de líng páifàng* по сравнению с обычным автомобилем на тепловом двигателе, автомобиль с питанием от солнечных батарей работает, исключая выбросы загрязняющих веществ);

— перечисление признаков (太阳能阵列是由许多光伏电池板组成 *zhènlìè shì yóu xǔduō guāngdiànchí bǎn zǔchéng* система использования солнечной энергии формируется из большого количества плит с фотогальваническими элементами);

— словарное толкование (集热系统即通过各种手段收集太阳的辐射热能 *jí rè xìtǒng jí tōngguò gè zhǒng shōuduàn shōují tàiyáng de fúshè rènéng* коллекторная система — это сбор солнечной энергии посредством различных способов и средств);

— указание на этимологию (происхождение) слова (太阳能汽车 *tàiyángnéng qìchē* (eng. solar powered auto).

Среди характерных черт терминологии в китайском языке обычно указывают системность, однозначность, а также семантическую устойчивость. Следует рассмотреть эти особенности применительно к материалу научно-публицистических статей. Например, в таких терминах, как 比热 *bǐ rè* удельная теплоемкость, 蓄热 *xù rè* аккумуляция тепла, 散热 *sǎnrè* теплоотдача многозначность не является характерным семантическим признаком, а наоборот, однозначность и отнесенность

к определенной отрасли науки имеют важное значение для понимания.

Среди терминологической лексики также выделить лексику заимствованную, которая составляет часть научно-технической терминологии, а также при наличии иноязычных заимствований лексику интернациональную. Лексический фонд китайского языка находится в процессе постоянного изменения. Одни слова выходят из употребления, появляются новые, пополняющие словарный состав языка. Появление новых слов происходит разными путями: путем прямого и непрямого заимствования из других языков или создания новых лексических единиц на основе ресурсов китайского языка. Такой вывод можно сделать, опираясь на пути, указанные в учебнике А. Л. Семеновас «Лексика китайского языка». В настоящее время в связи с постоянными научно-техническими открытиями происходит интенсивный процесс пополнения словарного состава все новыми и новыми терминологическими названиями. Термины в современном китайском языке в своем подавляющем большинстве являются собственно китайскими словами. Вместе с тем некоторое число терминов представляет собой иноязычные заимствования. Среди терминов, заимствованных из других языков, большинство слов и номинативных словосочетаний приходится на долю смысловых заимствований:

— 太阳能汽车 *tàiyángnéng qìchē* автомобиль с питанием от солнечных батарей

— 恒温器 *héngwēn qì* термостат

— 太阳能电池板 *tàiyángnéng diànchí bǎn* панель солнечных батарей

Что касается звуковых заимствований, то их удельный вес незначителен.

Исследуя лексические пласты научно-популярной литературы можно заметить важную особенность в словообразовании. Для большого числа терминологической лексики свойственен особый вид аббревиации, так называемая морфемная контракция, как ее именует в своей книге «Лексикология китайского языка» В. И. Горелов. Он представляет собой процесс исключения из состава многосложного слова или словосочетания отдельных морфем. В этом случае влияние на принципы создания лексических единиц оказывает стремление довести слова до двуморфемного состава, так как в современном китайском языке двуморфемное слово является статистически доминирующей лексической единицей. Различают морфемную контракцию трехсложных, четырехсложных и пятисложных лексических единиц:

— 热能量 *rènéngliàng* термическая энергия

— 鼓风机 *gǔfēngjī* воздуходувка

— 热机 *rèjī* тепловой двигатель

— 能量吸收 *néngliàng xīshōu* энергопоглощение

При изучении лексики научно-популярного подстиля определенной сферы, а конкретно сферы солнечных технологий, неизменно привлекает внимание наличие различных синонимических рядов. Наиболее интересными

для рассмотрения стали так называемые «абсолютные синонимы». «Абсолютные, тождественные, безусловные, полные синонимы, соответственно называемые по-китайски 绝对同义词 *juéduì tóngyìcí* — это слова, полностью совпадающие по своему значению и употреблению. Это своего рода языковые дубликаты» — сообщает нам В. И. Горелов [3, с. 216].

В терминологии, судя по ее языковой природе (однозначность, семантическая устойчивость), не должно быть синонимов, однако достаточно часто встречаются синонимические пары слов, такие как:

- 比热 *bǐ rè*, 热量 *rèliàng* — удельная теплоемкость
- 供暖 *gōngnuǎn*, 采暖 *cǎinuǎn* — теплоснабжение, отопление
- 热增益 *rè zēngyì*, 温度升高 *wēndù shēng gāo* — повышение температуры

Литература:

1. Введенская, Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Русский язык и культура речи. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.
2. Гарбовский, Н. К. Теория перевода. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
3. Горелов, В. И. Лексикология китайского языка М.: Просвещение, 1984.
4. Горелов, В. И. Стилистика современного китайского языка. — М.: Просвещение, 1979.
5. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка М.: Восток-Запад, 2005.

Джойс как явление русского модернизма

Степура Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В данной работе прослеживается связь русской и европейской культуры и литературы, проявляющаяся в общей тенденции их развития на рубеже XIX—XX вв. с единым стремлением к обновлению мировосприятия на рубеже веков. Роман Дж. Джойса «Улисс» в первых русских переводах 1920—1930-х гг. рассматривается как неотъемлемая часть русского модернизма в рамках теории рецептивной эстетики.

Ключевые слова: русская и европейская культура и литература, взаимодействие, модернизм, Дж. Джойс, «Улисс», перевод, «иной», «свой», читатель

Изучение русского модернизма невозможно вне проблематики взаимодействия русской и европейской культуры и литературы, т.к. модернизм был общемировой тенденцией развития с единым стремлением к обновлению художественных средств для выражения «обновления мировосприятия» на фоне смены исторических эпох [1]. Поэтому одним из актуальных вопросов современного литературоведения является изучение «русского Джойса» и реконструкция восприятия его наследия в России. В этом способна помочь теория рецептивной эстетики, которая дает ответ на вопрос, почему возникает интерес к какому-либо произведению на другом языке, произведению «другой» культуры.

На протяжении многих веков люди испытывали и продолжают испытывать настойчивую потребность в лите-

Эти абсолютные синонимы возникли в результате использования словообразовательных морфем, находящихся в синонимических отношениях. Данное явление относится к словообразовательной синонимии и его можно, в частности, наблюдать в сфере полуаффиксации.

Таким образом, разбор научно-популярных статей позволяет сделать следующие выводы: 1) у научно-популярного подстиля выделяют несколько лексических пластов, свойственных именно этому подстилю; 2) терминология располагается на первом месте по частоте использования, имеет свои характерные черты и сопровождается разного рода объяснениями; 3) различные заимствования также имеют место быть при условии постоянного технического прогресса; 4) лексике научно-популярного стиля в значительной степени характерны такие особенности как абсолютные синонимы и морфемная контракция.

ратурном вымысле и руководствуются желанием не воспроизводить то, что уже было, а найти подход к тому, что недоступно [2]. Творческое сознание не может существовать в условиях абсолютно изолированной «одноструктурной» системы, лишенной какой бы то ни было возможности развиваться. Из этого вытекает существенный вывод, который заключается в том, что развитие культуры внутри самой себя «не может осуществляться без постоянного притока текстов извне» [3].

Для развития «своего» требуется «чужое», им может быть «второе воспринимающее сознание», вопрос, который волновал М. М. Бахтина. Он считал, что нейтрализовать или элиминировать это сознание нельзя [4]. «Чужим» может быть любое произведение, включая произведение «своей» культуры. Литература, возникнув, ви-

доизменяет человеческие характеры, освещает их особенности, в других случаях скрытые. В кантианской философии категория «как если бы» [2, с. 12] выступает как основополагающая, включая в себя все умопостижимое. Следовательно, считает ученый, вымысел есть нечто такое, чему нет альтернативы. Бесконечное варьирование контекстов делает эту философскую категорию подходящей для обозначения вымысла. До сих пор «фикциональность» [2, с. 16] как художественный вымысел остается единственным инструментом, который направляет необходимый поток фантазии в наш повседневный мир. В качестве деятельности сознания она освобождает всю мощь источников нашего воображения, одновременно сообщая им нужную форму.

В художественных текстах воспроизведение иных, особых миров всегда реализовывалось, как способ представить то, чего еще нет. Этот способ представления был создан и сопровождал человечество всю его историю, т. к. им руководило желание не воспроизводить то, что уже было, а найти подход к тому, что пока является «чужим» [3].

Существуют две побудительные причины, вызывающие интерес к какой-либо идее или вещи, а также желание ее постигнуть, или завоевать. Это, во-первых, то, что нужно, так как понятно и знакомо; во-вторых, нужно, потому что непонятно, незнакомо, не вписывается в известные представления. Первое определяется как «поиски своего», второе — как «поиски чужого». Именно эти схождения объединяют неоднородный материал в единое целое [3]. Текст может стать действующим участником в процессе литературной преемственности при условии, что он из знакомого и «своего» превратится в незнакомый и «чужой». Так возникает диалог культур или диалог «своего» и «чужого». Культура неизменно создает своими стараниями «чужого», носителя другого сознания, иначе кодирующего мир и тексты, так как нуждается в партнере. Этот формируемый в недрах культуры, в основном, в противоположность ее собственным доминирующим кодам, образ «экстериоризируется» ею вовне и проецируется на лежащие за ее пределами культурные миры [3].

Дж. Джойс известен всему миру как романист-новатор, а его творчество, имевшее большое воздействие на развитие мировой литературы XX в., оценивалось как экспериментаторское. Описание истории восприятия наследия Джойса в России подробно исследуется в работах Д. Г. Жантиевой «Джеймс Джойс» (1967), С. С. Хоружего «Улисс в русском зеркале» (1994), Н. Корнуэлла «Джойс и Россия» (1998) и др.

Роман Дж. Джойса «Улисс» был опубликован в Париже на английском языке в 1922 г. Но впервые роман увидел свет именно в журнальной версии, сначала в американском журнале «Little Review» в 1918 г., затем в лондонском издании «The Egoist» в 1919 г. Его первые переводы на французском и русском языках были изданы во французском журнале «La Nouvelle Revue française» (Новое французское обозрение) в 1924 г. и русском альманахе «Новинки Запада» в 1925 г. соответственно. Все но-

вости о Джойсе и других зарубежных писателях в России 1920–1930-х гг., а также фрагменты их переводов, были доступны читателям именно из журналов и газет: «Улисс» (фрагменты) в переводе С. Я. Алымова и М. Ю. Левицова — «Литературная газета», 1929 г.; «Похороны Патрика Дигнэма» — «Звезда», 1934 г. и «Утро м-ра Блума (глава из «Улисса»)» — «Литературный современник», 1935 г. в переводе В. О. Стенича; перевод первых десяти эпизодов «Улисса» творческим объединением переводчиков под руководством И. А. Кашкина — «Интернациональная литература». 1935–1936 гг. [5, 6].

Таким образом, следует отметить, что восприятие модернистского романа Джойса «Улисс» в 1920–1930-е гг. осуществлялось в журнальном и газетном пространстве, что очевидным образом сказывалось, в частности, на форме и размере переводимых его фрагментов и частей. Журналы и альманахи 1920–1930-х гг. были «живым литературным фактом», «своеобразным литературным произведением» [7] именно в это время, но не только для России. Эта была общая мировая тенденция [5], воплощенная в лозунге совместного проекта университетов «Brown University & The University of Tulsa» под названием «Журналы модернизма», возникшего в наше время: «Модернизм начинался в журналах» [8]. Данные журнальные публикации первых русских переводов романа Джойса и их фрагментарный характер указывают на то, что сам процесс принятия Джойса русской культурой и литературой происходил в стилистике модернизма, что могло бы показаться невозможным по объективным причинам. С одной стороны, русский читатель был воспитан на русской классической литературе, с другой стороны, в начале 1920-х гг. начинал формироваться социалистический реализм, следствием которого было практически полное отсутствие внимания к Джойсу вообще.

В контексте данной работы значим процесс восприятия литературы модернизма как «иной» культуры. В литературе модернизма основополагающей является ситуация отчужденности: человек постоянно сталкивается с непониманием, «убеждаясь в невозможности реального взаимодействия и диалога с другими» [9, с. 570]. Чтение, в данном случае, выступает как способ преодоления отчужденности и «уединенного сознания субъекта» [9], как возможность взаимодействия автора и читателя. Проблема читателя в эстетике модернизма становится ключевой. В рамках «неклассического единства» художественной культуры специфика «внутренне диалогической или коммуникативной природы художественного творения» [10] отчетливо осознаётся при сравнении с позицией автора в классической парадигме художественности. В поэтике модернизма читатель выступает как активный соучастник [10]. Владение искусством чтения оказывается равноценным владению искусством писать [1].

Об этом — по-разному и по-своему — говорится в таких произведениях русского модернизма, как «О собеседнике» О. Мандельштама, «Письма о русской поэзии» Н. Гумилева, «Книги отражений» И. Анненского

и др. В них подчеркнута мысль об адресате или «собеседнике» как о необходимом аспекте словесного творчества. Внимание к проблеме читателя было связано с тем, что творческие принципы классической художественности XIX века были пересмотрены. Привычное изображение действительности в разнообразии объективных связей не является основой модернизма, на первый план выходит ее (действительности — С. С.) «преломление» в индивидуальном сознании. Модернизму характерно такое представление о жизни, как ее «дробность» [10]. В романе модернизма нет целостного образа бытия, но при этом в нем реализуются многочисленные точки зрения. Это, в свою очередь, требует «активной рецептивной деятельности читателя» [10], направленной на составление этой реальности в своем сознании. Таким образом, творческая задача писателя в модернизме переходит от воссоздания мира, похожего на реальный, к воздействию на восприятие адресата.

Первые русские переводы и являются попыткой восстановить или воссоздать реальность, существующую в романе «Улисс», они представляют собой как многообразие точек зрения, так и разные возможности преломления авторской реальности в сознании читателя, в данном случае, читателя-переводчика. «Улисс» Джойса как произведение модернизма также сложен и требует от читателя больших усилий при чтении. Поэтому, с одной стороны, роман Джойса должен был быть «непонятен» и «незнаком» русскому читателю, т. к. представлял новое направление в искусстве и был далек от привычного те-

зауруса. С другой стороны, именно «инаковость» романа Джойса должна была вызвать интерес у того слоя советского общества, которое воспитывалось на культуре и литературе Серебряного века.

Таким образом, рецепция европейского модернизма в России 1920–1930-х гг. является сложным сочетанием различных факторов. На одном полюсе находился модернизм как «чуждое» явление для русского читателя, который был воспитан на русской классической литературе. Более того, как уже говорилось выше, формирование социалистического реализма в советской литературе в это время должно было привести к запрету творчества Джойса и других писателей модернизма в Советском Союзе на долгие годы. На другом полюсе — русская классика конца XIX в., известная своими новаторскими художественными принципами модернистского романа, подготовленными ее эстетикой и поэтикой, а именно углубленным психологизмом, диалогом и внутренним монологом героя, потоком сознания, редукцией позиции автора и др. Также традиции литературы Серебряного века, воспитавшие особый тип русского читателя, способствовали возникновению интереса к так называемой «инаковости» романа Джойса.

«Так в русской культуре указанного периода сосуществовали два типа читательского отношения к европейскому модернизму: восприятие его как «чужого» и глубокий интерес к нему, который определялся, в том числе, опытом чтения русской классической литературы и литературы Серебряного века» [11].

Литература:

1. Гаспаров, М. Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология. М.: Наука. — 1998. — с. 5–44.
2. Изер, В. К антропологии художественной литературы // Новое литературное обозрение, М. — 2008, (6) №94. — с. 7–21.
3. Лотман, Ю. М. К построению взаимодействия культур // Избранные статьи в 3-х т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, Александра. — 1992. — с. 110–121.
4. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., Худ. лит. — 1986. — с. 473–500.
5. Stepura Svetlana N. James Joyce's «Ulysses» in periodical literature of the 1910–1930-s. Virtual Multidisciplinary Conference QUAESTI. EDIS, Publishing Institution of the University of Zilina. December, 15–19. 2014. — P. 362–365.
6. Степура, С. Н. Пятый эпизод романа Джеймса Джойса «Улисс» в русском переводе 1930-х гг. // Вестник Том. гос. ун-та. — 2012. — №365. — с. 29–32.
7. Тынянов, Ю. Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. — с. 255–269.
8. The Modernist Journals Project [Электронный ресурс] // URL: <http://dl.lib.brown.edu/mjp> (дата обращения: 18.06.13).
9. Зверев, А. М. Модернизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. — 2001. с. 570.
10. Павлов, А. М. Проблема читателя в эстетике литературного модернизма (Креативно-рецептивные аспекты лекционного дискурса В. Набокова): Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. Кемерово. — 2004. — 202 с.
11. Степура, С. Н. Переводческая рецепция романа Дж. Джойса «Улисс» в русской литературе 1920–1930-х гг.: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск. — 2013. — 203.

Communicative competence

Холикова Хуснора Рузикуловна, старший преподаватель;

Киямова Гузаль Рузиевна, преподаватель

Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Kholikova Khusnora Ruzikulovna, senior teacher

Kiyamova Guzal Ruziyevna, teacher

Karshi State University (Uzbekistan)

Communicating-or getting our message across-is the concern not only of second language teachers but of us all in our daily lives in whatever language we happen to use. Our successes are a continual source of jubilation- This time he got the message! — and comfort-You really do understand, don't you? Our failures are a source of frustration-I wonder what he meant by that? — and discouragement-somehow I can never seem to make them understand. Learning how to be better communicators is important to all of us in both our private and public lives. Better communication means better understanding of ourselves and others; less isolation from those around us; and more productive, happy lives.

We begin at birth by interacting with those around us to keep warm, dry, and fed. We learn very soon that the success of a particular communication strategy depends on the willingness of others to understand and on the interpretation they give to our meaning. Whereas a whimper will suffice to bring a mother running with a clean diaper and warm milk in one instance, sustained screaming over long stretches of time will be ineffectual in another. We learn, then that meaning is never one-sided. Rather, it is negotiated between the persons involved [1].

As we grow up our needs grow increasingly complex and, along with them, our communication efforts. Different words, we discover, are appropriate in different settings. The expressions we hear on the playground or through the bedroom door may or may not be acceptable at the supper table. We may decide to use them anyway to attract attention. Along with words we learn to use intonation, gestures, facial expression, and many other features of communication to convey our meaning to persons around us. Most of our repertoire of communication strategies develops unconsciously, through assimilation of role models- persons we admire and would like to resemble to some extent- and the success we experience in our interactions. In childhood, peer as well as adult reactions are usually quite spontaneous and direct; they give immediate feedback on the way our meaning has been interpreted: That's no way to talk your father! Just for that, I'm not going to play with you anymore. — All you ever do is talk about how great you are. You think you're so smart!

Formal training in the classroom affords an opportunity to gain systematic practice in an even wider range of communicative activities. Show and Tell, an activity that has become an integral part of most preschool programs, provides an early opportunity to report to a group in a formal setting on a previously prepared topic. Group discussions, moderated by

the teacher, give young learners important practice in taking turns, getting the attention of the group, one's views, and perhaps disagreeing with others in a setting other than the informal family or playground situations with which they are familiar. Classrooms also provide practice in written communications of many kinds. Mother's Day, business letters, and job application forms are routinely included in many school curricula and provide older learners with practical writing experience.

A concern communication extends beyond school years and into adult life. Assertiveness training, the development of strategies for conquering stage fright, and an awareness of body language-the subtle messages conveyed by posture, hand movement, eyes, smile-are among the many avenues to improved communication as adults. The widespread popularity of guides to improving communication within couples and between parents and children attests to our ever present concern with learning to communicate more effectively in our most intimate relationships, to understand and to be understood by those closest to us.

One of the important lessons to be learned here, as in other communicative contexts, is that what matters is not the intent but the interpretation of the communicative act. Conveyance of meaning in unfamiliar contexts requires practice in the use of the appropriate register or style of speech. If a woman wants to sound like a business executive, she has to talk the way business executives talk when they are on the job. The same register would of course be inappropriate when talking of personal matters with a spouse or an intimate friend. Similarly, executives who must cope with an investigative reporter may be helped to develop an appropriate style. They need to learn how to convey a sense of calm and self-assurance. Effective communication in this particular context may require the use of language to avoid a direct answer or to hide one's intent while appearing to be open and forthright. In both instances an understanding of what is really happening, as opposed to what one would like to see happening, is the first step toward improved communication [2].

Communication, then, is a continuous process of expression, interpretation, and negation. The opportunities for communication are infinite and include system of signs and symbols (which we cannot begin to classify or even identify), of which language is but a part. The color of our skin, the way we dress, the way we wear our hair, the way we stand, smile, listen, nod, and pause all communicate to others along with the sound of our voice and the words we speak. We are con-

cerned with communication from birth, and we learn to respond in new contexts as we accumulate life experiences. The meaning we intend and the meaning we convey are often not the same. In going from thoughts and feelings to their symbolic representation—in written or spoken words, gesture,

design, color, movement, or sound-choices must be made. We make the best use we can of the symbolic systems we know. The meaning we convey depends on others who share an understanding of these symbols and who may or may not interpret them as we intend.

References:

1. Matthews, P. H. (1991). *Morphology* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
2. Pennington, M. C., & Stevens, V. (Eds.). (1992). *Computers in applied linguistics*. Clevedon, England: Multilingual Matters.

Лексический уровень как платформа для создания языковых шуток

Щирова Елена Сергеевна, старший преподаватель
Московский государственный педагогический университет

Статья посвящена рассмотрению способов создания языковой шутки в текстах немецкого юмориста первой половины XX века Карла Валентина на лексическом уровне. Единицы лексического языкового уровня обладают мощным игровым потенциалом, который К. Валентин использует в своих произведениях с целью создания комического эффекта. При этом в основе создания комического эффекта лежит отклонение от типичного использования той или иной лексической единицы и реализация принципа бисоциации закреплённых за ней значений.

Ключевые слова: бисоциация, языковая шутка, языковая игра, комический эффект, каламбур, игровой потенциал языка.

Творчество баварского комика и юмориста первой половины XX века Карла Валентина представляет собой неисчерпаемый источник материалов для исследования игрового и творческого потенциала единиц немецкого языка. Его умение обращаться с пластичностью, гибкостью и вариативностью отдельных языковых единиц для реализации комического эффекта доказывает тот факт, что комический эффект от использования языковых единиц может создаваться на абсолютно всех языковых уровнях, начиная с самого простого — фонетического, заканчивая уровнем целого текста в различных аспектах его изучения. Большинство лингвистов, занимающихся вопросами языковой шутки, вслед за сентенциями античных философов, рассматривают комический эффект как реакцию на отклонение от некоторых норм. В основе языковой шутки, порождающей комический эффект языковыми средствами, лежит языковая игра. При этом языковая игра, как термин возникшая впервые в трудах Л. Витгенштейна, подразумевает своеобразный лингвистический эксперимент, в ходе которого расширяются рамки типичного использования той или иной языковой единицы. Любое отклонение от языковой нормы в данном случае не ведет к совершению языковой ошибки в грубом ее проявлении, а способствует раскрытию содержащегося в языковых единицах игрового потенциала.

Языковая шутка может создаваться уже на фонетическом уровне за счет обыгрывания отдельных фонем,

или вследствие намеренного нарушения грамматических норм, то есть на морфологическом уровне, или за счет умелого использования словообразовательных моделей для создания авторских окказионализмов, то есть на словообразовательном уровне. Но все-таки наибольший игровой потенциал содержится в уже существующих лексических единицах языках, закрепивших за собой определенную семантику, подталкивающую автора к свершению еще большего количества лингвистических экспериментов за счет смещения и смешения формального и смысловых уровней этих единиц.

Лексический уровень чаще других рассматривается в лингвистических исследованиях категории комического, поскольку долгое время каламбур считался одной из форм проявления комического. Однако каламбур, создаваемый с помощью лексических средств, является одним из приемов создания комического эффекта. В его создании могут принимать участие омонимы разных типов (в том числе омофоны и омоформы). Возможность включения в один и тот же контекст двух и более омонимов создает все необходимые условия для реализации комического эффекта. А. Кестлер описал эти условия как принцип бисоциации. Под бисоциацией Кестлер понимает любую умственную деятельность, в которой одно явление одновременно ассоциируется с двумя обычно несовместимыми контекстами. Действительно, подобное, несомненно, является основой всей литературы абсурдистского харак-

тера, в которой логически выведенное умозаключение пересекается с типичным для данной ситуации, не менее логичным, поступком или фразой. Пересекаясь, два подобных логических потока образуют «стык», на месте которого, по мнению А. Кестлера, и возникает комический эффект [Koestler 1964: 51]. В данную концепцию идеально вписываются обыгрываемые в рамках одного контекста омонимы.

Полноценные омонимы, то есть лексические единицы, полностью совпадающие друг с другом формально, обыгрываются в следующем примере. К. Валентин размышляет о том, за какую сумму денег он смог бы продать свои кости. «*Ich hab mich kürzlich ausgezogen und hab meine Knochen so abgegriffen und da hab' ich 'rausgefunden, dass ich 50 Knochen hab' und weil ich in jedem Knochen «a Mark» hab', bin ich 50 Mark wert?»*» (Здесь и далее перевод наш — Щирова Е. С.: «Недавно я разделся и прощупал свои кости и установил, что у меня 50 костей, и поскольку у меня в каждой кости есть костный мозг, то я стою 50 марок?») [Valentin 1992: 16]. В данном контексте реализуются два значения языковой единицы *Mark*: денежная единица (марка) и костный мозг. За счет полного совпадения языковой формы оказывается возможной быстрая и безболезненная для контекста замена одного омонима другим, а точнее — подмена их значений.

Существующие в языке омоформы, которые могут быть обыграны в любой момент неосознанно даже в ходе бытового разговора любым носителем языка, будучи замеченными, приносят носителям языка некоторое эстетическое удовольствие. Иногда Карлу Валентину не надо ничего искусственно создавать, все уже под рукой: [Valentin 1992: 230].

<i>Lehrer: Gut, und was ist ein Fremder?</i>	<i>Учитель: Хорошо, а что есть чужой?</i>
<i>Schüler: Fleisch, Gemüse, Obst, Mehlspeisen usw.</i>	<i>Ученик: Мясо, овощи, фрукты, мучные изделия и т. д.</i>

Омонимия форм 3 лица единственного числа глаголов *essen* (*есть*) и *sein* (*быть*), вероятно, известна каждому носителю немецкого языка. Более того, интересно, что и в русском языке эти два глагола в некоторых своих формах совпадают (*есть*), что, скорее всего, свидетельствует о важности поглощения пищи для поддержания жизнедеятельности. В следующем примере мы имеем дело с омофонами: «*Es hat eben alles auf der Welt seinen Vorteil und seinen Hinterteil, ah, seinen Nachteil, wollte ich sagen — nicht Nachteile, denn Nachteile ist ja ein Raubvogel*» («*Все на свете имеет свою переднюю и заднюю часть, э, свой недостаток, я хотел сказать — не ночную сову, потому что ночная сова — хищная птица*») [Valentin 1992: 22]. Фонетические особенности говорящего приводят к сглаживанию разницы между звучанием дифтонгов *ei* и *ei*. Выпадение безударного гласного *e* в конце слова *Nachteuele* (апокопа) также типично для устной речи, что еще больше сближает звучание двух рассматриваемых лексических единиц *Nachteil*

и *Nachteul*. Благодаря указанным фонетическим преобразованиям лексем и появляется эта пара ситуативных омофонов, обыгрываемая в примере.

Тема запрета на упоминание имени Адольфа Гитлера или его партии после окончания второй мировой войны в Германии часто проскальзывает в сценических монологах Карла Валентина со свойственной ему комической направленностью и даже также обыгрывается лексическими способами, в том числе — омофонами. «*Mei Sohn, der Ignatz — wir haben halt immer Nazi dazu gesagt — jetzt sagn wir wieder Ignatz*» («*Мой сын — Игнац — мы все время называли его ласково Наци — теперь мы снова говорим Игнац*») [Valentin 1992: 151]. Уменьшительно-ласкательная форма имени собственного сына автора данного высказывания совпадает с разговорной формой обозначения национал-социалистической партии Германии, больше известной как фашистская партия. Другая пара омофонов для высмеивания того же табу носит также окказиональный характер и зависит полностью от особенностей произнесения играющих в ней языковых единиц. Интересно привести этот пример целиком для воссоздания контекста, в котором реализуется данная пара омофонов. «*Nur mit den römischen Ziffern auf der Uhr kommt er nicht recht mit, und deshalb hats ihm mein Mann auf seiner Taschenuhr erklärt, — siegst Walter, hat er gsagt, das hier ist der Einser, das hier der Zweier, dashier der Dreier und das der Vierer — das ist der «Führer» uhi — hat der Walter gsagt, das derfens nimmer sagn, da werns von de Amerikaner aufgehängt*» («*Только в римских цифрах на часах он никак не разберется, и поэтому мой муж объяснил ему их на своих карманных часах, — видишь, Вальтер, сказал он, вот единица, вот двойка, вот тройка, вот четверка — это Фюрер, уии, — сказал Вальтер. — Этого нам нельзя говорить, иначе нас повесят американцы*») [Valentin 1992: 154]. По счастливой случайности Карл Валентин находит очередной потенциально игровой компонент: ребенок, который учится понимать по часам, слыша слово *Vieger*, повторяет его на более знакомый ему манер — *Führer*, не осознавая табуированности этого выражения, а может и его смысла. Фонетическое сходство этих единиц формирует языковую шутку.

Наряду с омонимами созданию каламбура способствует явление полисемии. Зачастую автор нейтрализует закрепленную за одним из значений слова метафоричность или переносность, тем самым реализуя приемы деметафоризации или дегиперболизации. В следующем примере можно наблюдать именно такую потерю заключенной в дополнительном переносном значении метафоричности. «*Auf einmal sagt er zu mir, ich soll ihm den Wecker 'reinbringen, weil ihm der rechte Fuß eingeschlafen ist*» («*Вдруг он мне говорит, что я должен принести ему будильник, потому что у него заснула (онемела) правая нога*») [Valentin 1992: 19]. За счет такого семантического сужения значения слова *einschlafen* до его первого буквального и дальнейшего развития при-

чинно-следственной связи (если что-то заснуло, нужно поставить будильник) рождается комический эффект.

Карл Валентин — мастер игровых цепочек. Обыгранный однажды элемент он включает в контекст, где для участия в игре ждут своей очереди и другие языковые единицы. «Mein Vater hat mich sehr streng *musikalisch erzogen*. Als Kind habe ich nur mit der *Stimmgabel* essen dürfen, *geschlagen* hat mich mein Vater *nach Noten*» («Мой отец воспитывал меня строго музыкально. Будучи ребёнком, есть я мог только с помощью камертона, бил меня отец по нотам») [Valentin 1992: 25]. Музыкальное образование здесь сводится к тому, что ребенок ест при помощи камертона, а бьют его по нотам. То есть слово *Stimmgabel*, принадлежащее семантическому полю «музыка» заменяет адекватное здесь *Gabel* (*вилка*), которую используют во время еды, а привычное для ребенка наказание подменено за счет многозначности глагола *schlagen*, который имеет значение не только бить, но и ударять, в том числе по музыкальным инструментам.

Тема голода, актуальная в период его творчества, сама по себе довольно трагична. Однако и она дает повод Карлу Валентину для создания комического эффекта. «Es wirkt heute direkt lächerlich, wenn ein armer Kranker vom Doktor gewarnt wird, Sie dürfen sich nie mit vollem Magen ins Bett legen («Сегодня кажется даже смешным, когда доктор предостерегает бедного больного от того, чтобы он не ложился в постель с полным желудком») [Valentin 1992: 162]. Ein armer Kranker — бедный больной также содержит в себе элемент полисемии: 1) бедняга больной, 2) нищий больной. Реализация комического эффекта в таких шутках полностью зависит от реакции зрителя или читателя, от его способности отыскать завуалированную иронию и узреть в этом сарказм жизни. Врач просто делает свою работу, механически дает советы. Бедному, которому нечего есть и так, вряд ли возможно лечь, только что поев. Дальше в том же монологе мы встречаем: «Was sagen Sie zu der jetzigen Lage? — A nette Lage, bald werden wir uns hinlegen, weil wir vor Hunger nimmer stehen können, dann haben wir die richtige Lage» («Что Вы скажете о сегодняшнем положении? — Миленькое положение, скоро все мы ляжем, потому что уже не сможем стоять от голода, и тогда мы примем правильное положение») [Valentin 1992: 162]. Существительное *Lage* вступает в игру, основанную на его многозначности. С одной стороны, это положение, ситуация, с другой стороны — положение, поза. И еще одним важным реализованным значением здесь является его деривационная связь с глаголом *liegen*, который употребляется в контексте с прямым пространственным значением — лечь. Так появляется третье значение существительного *Lage* — положение лежа. Выгодное совмещение значений на основе общего компонента — голод в стране как показатель экономической ситуации, и голод, от которого ноги подкашиваются, что хочется лечь. Дальнейший контекст усиливает созданный от положения эффект. В таком положении лежа очень удобно констатировать смерть от голода.

Для реализации приема каламбура могут также использоваться и паронимы. Например: «*Ich war ein damaliger Knabe von ungefährlich 15 Jahren*» («Тогда я был юношей неопасных 15 лет») [Valentin 1992: 127]. Комический эффект этого случая создается за счет допущенной по незнанию ошибки. Слово употреблено неправильно, вместо лексемы *ungefähr* (примерно, приблизительно), герой произносит *ungefährlich* (неопасный), за счет чего создается его комический образ невежды, раскрываемый в последующем контексте.

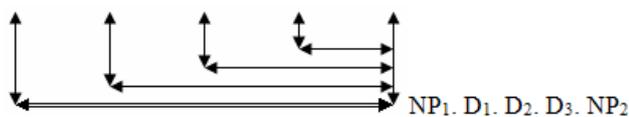
Огромным игровым потенциалом обладают фразеологизмы, чем умело пользуется Карл Валентин. Он расчленил их, вводит в их состав чужеродные элементы, сочетает их с другими устойчивыми сочетаниями, порождая, тем самым, явление контаминации, а также переосмысляет их значение, используя прием дефразеологизации. Нетипичное использование фразеологизмов с потерей переносного компонента, лежащего в его основе, приводит к потере, в целом, всего смысла фразеологизма, однако, бесспорно, порождает комический эффект, как, например, в предложении: «*Ja, der Ring liegt mir heute noch am Herzen, nicht in Wirklichkeit, sondern man sagt eben so, denn wenn er mir in Wirklichkeit am Herzen liegen tät, dann wüsste ich ja wo er wär*» («Да, кольцо сегодня очень близко моему сердцу, не в действительности, а просто так говорится, потому, если бы оно в действительности было близко моему сердцу, тогда бы я знал, где оно») [Valentin 1992: 31].

Часто демегафоризация фразеологизма происходит именно по такой схеме, когда один из его компонентов включается в отношения с другими компонентами смысла в рамках обыгрываемой ситуации. На примере идиом подобное проявляется наиболее ярко: «*Der Mensch denkt und Gott lenkt*», — wie ich das gelesen habe, habe ich mein Radl gepackt, bin auf die Straße hinaus, habe mich hinaufgesetzt und bin dahin gefahren, ohne zu lenken» («Человек предполагает, а бог располагает (здесь: управляет)», — как только я это прочитал, я быстро схватил свой велосипед, вышел на улицу, сел на него и поехал, не держась за руль» [Valentin 1992: 37]. Глагол *lenken* (управлять, в том числе и транспортным средством) вырывается за рамки известной идиомы и понимается буквально в силу скудных когнитивных представлений о мире изображаемого героя. Данный пример четко демонстрирует потенциальную уязвимость любой метафоры. Наличие в ней образного компонента свидетельствует о том, что при минимальном изменении контекста нарушается смысловое единство и всего метафорически обозначаемого, в целом.

Проиллюстрированные примеры языковых шуток доказывают гипотезу о том, что лексический уровень языка скрывает в себе большой игровой потенциал. Значение, закрепленное за определенной лексемой, уязвимо к творческому воздействию на него, что позволяет создавать большое количество игровых прецедентов, влекущих за собой комический эффект.

1 (5) 2 3 4 5

It was one of these regular summer storms.

Данные схемы подтверждают, что предложные сочетания в позиции предикатива характеризуются по основе ядерной предикативной связи, и являются ядерным предикативным компонентом.

Предложные сочетания в позиции предикатива могут сочетаться с различными элементами, которые выступают как зависимый компонент предложения на основе субординативной связи.

В данных нами примерах к зависимым компонентам (Д) относятся: притяжательное местоимение *his*; прилагательные *great*, *regular*, *summer*, *favorite*, указательное местоимение *these*; словосочетание *till June 2*.

В отличие от ядерной предикативной связи, имеющей двусторонне направленную синтаксическую связь, субординативная связь имеет одностороннюю направленность, как мы видим в вышеуказанных функциональных моделях.

Отсутствие зависимого компонента не нарушает структуры предложения, хотя он вносит красочный оттенок в содержание предложения и помогает при выявлении различных синтаксико-семантических признаков.

Наш фактический материал показал, что в исследуемых нами предложениях могут наличествовать два и более предложных сочетаний в позиции предикатива при одной глагольной связке. Например:

1. The foundation is about strengthening ties, about democracy. (CM 7)
2. The safest places are under a doorway or a strong table. (CM 17)
3. The Republicans are for the very wealthy business, for the very rich business and for big business. (DN 19)

В указанных предложениях между предложными сочетаниями в **позиции** предикатива имеется координативная связь, с учётом которой в них выявляются однородные ядерные предикативные компоненты.

Литература:

1. Мухин, А. М. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л.: Наука 1976. с. 282. Также см.:
2. Мухин, А. М. Синтаксисный анализ и проблема уровней языка. Л. 1980, с. 303.
3. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка. М. 1957, с. 286.
4. Засорина, Л. Н. Трансформация как метод лингвистического эксперимента в синтаксисе. // Трансформационный метод в структурной лингвистике. М.. 1964. с. 113.

Итак, мы рассмотрели предложные сочетания в позиции предикатива, формула которых выглядит следующим образом *to be prep S*.

Но, следует заметить, что кроме глагола-связки *be* существуют **другие** связочные глаголы (*come*, *go*, *stand*, *exist*, *appear*,; *seem*, *remain* и др.), **которые** вместе с предложным сочетанием выступают в роли **ядро-**предикативного компонента.

1. The most junior stands near the buttons. (CM 9)
2. ... Europe seemed on the verge of collapse. (N 12)
3. But they ran into trouble. (N 37)
4. I came into politics to change my country. (DN 19)

Для того, чтобы доказать, что данные глаголы-связки выполняют ту же функцию, что и глагол-связка *be*, нужно сделать эксперимент с заменой данных глаголов-связок с глаголом-связкой *be*.

В этих предложениях связочные глаголы вместе с предложным сочетанием также как и в случае с глаголом-связкой *be* реализуются как один компонент предложения, т. е. выполняют функцию связочного глагола.

На основе анализа поверхностной структуры предложных сочетаний в позиции предикатива на основе лингвистических экспериментов мы попытались установить синтаксические связи и их дифференциальные синтаксические признаки.

Разобравшись в структуре предложений с предложными сочетаниями в дальнейшем, мы попытаемся определить синтаксико-семантические признаки предложных сочетаний в позиции предикатива, но этот этап будет предметом специального исследования.

Для подтверждения грамматической неотмеченности полученных результатов в лингвистических экспериментах привлекались информанты — носители английского языка.

Список сокращений:

- CM — The Christian Science Monitor. nov. 10–16 1995, feb. 9–15, 1996.
 DN — The Dallas Morning News, jan. 5, 1995.
 JFM — Jonathan Franzen. Strong Motion.
 M'A — Mark Twain, Adventures of Huckleberry Finn. New York. 1989. с. 170.
 N — Newsweek, nov. 4. 2009. New York.

ПРОЧЕЕ

Национальная одежда: потребительские предпочтения современных жителей Бухарского региона

Закиряева Нодира Гафуровна, ассистент
Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

Одежда создавалась народом в течении всей её многовековой истории. Покрой национальной одежды определялся климатическими условиями данной местности, занятиями народа, его этнической культурой. Эти факторы во многом повлияли на строение и формы повседневной одежды различных народов. Климат, среда обитания, погодные условия определяли функциональные задачи того или иного вида одежды. По мере развития человечества люди начали предъявлять к одежде не только чисто функциональные, но и эстетические, гигиенические требования. Со времен создания одежда претерпела огромные изменения, приобрела национальный признак, но принцип остался прежним: защита человека от внешних воздействий.

Сегодня узбекская текстильная и швейная промышленность стараются обратиться к своим культурным ресурсам, своему текстильному наследию (оформлению, материалам, технологии), чтобы создать свою особенную этническую моду и завоевать независимый путь и место на мировом текстильном рынке и в мире моды.

С этой точки зрения большое значение имеет изучение и анализ современной практики потребительских предпочтений в национальной одежде. Отсюда возникает вопрос, как мы относимся к традиционной национальной одежде? Соблюдаем ли традиции? Насколько глубоко мы знаем свои национальные традиции, в частности по отношению к одежде?

Чтобы ответить на эти довольно простые, но вместе с тем важные вопросы мы задались целью проведения предварительных исследований в определенных регионах Узбекистана, в частности в Бухарской области.

С целью изучения потребительских предпочтений в национальной одежде был проведён анкетный опрос местных жителей в традиционно-историческом текстильном центре — Бухаре.

Для осуществления данной задачи был проведён анкетный опрос и взято интервью у различных представителей местного населения: рабочих, служащих, студентов. В опросе участвовали как женщины, так и мужчины.

Мужская национальная одежда, как и всякий другой вид одежды, пережившая большой исторический период приобрела свой нынешний вид, но её состав остался прежним. В состав современной национальной мужской одежды входят: рубаха, шаровары (иштан), чапан, набедренная повязка (белбаг), тубетейка. Мужчины во всех регионах Узбекистана пользуются данными предметами национальной одежды в качестве свадебной и траурной обрядовой одежды. Состав и покроем мужской национальной одежды не претерпели серьёзных изменений. Изменились только применяемые для их изготовления материалы. Поэтому, в данном исследовании основное внимание мы уделили развитию традиционной женской национальной одежды (рис. 1), как наиболее претерпевшей изменения под влиянием современной моды.

Рис. 1. Традиционная узбекская национальная женская одежда

За последние годы, на протяжении двадцатого столетия, в гардеробе мужчин и женщин Средней Азии произошли большие изменения, в частности гардероб пополнен изделиями европейского покроя. Тем не менее, у каждого местного жителя, особенно сельской местности весомую часть гардероба составляет национальная одежда. Здесь следует отметить, что узбекская национальная одежда испокон веков всегда выгодно отличалась своими эргономическими и гигиеническими свойствами, и их в основном изготавливали из тканей природных волокон. В целях изучения мнения потребителей Бухарской области по от-

ношению к мужским национальным и традиционным изделиям был проведен социальный опрос. Основу социального опроса составили вопросы: Как приспосабливаются современные жители в условиях глобализации моды, как они обращаются со своими текстильными традициями, как мировая мода влияет на стиль местных жителей? и т. д.

Ниже, в виде диаграмм, приведен контингент респондентов по месту жительства, возрастному и социальному признакам (Рис. 2, 3, 4.)

На вопрос: «Ваши представления о национальной женской одежде?» были получены следующие ответы: 40% участников считают, что это одежда из национальных

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5. Традиционные узбекские национальные ткани: 1,2 — «хонатлас», 3,4 — «адрас», 5 — «банорас»

тканей «атлас», «адрас» и «банорас» (рис. 5); 20% участников считают, что это одежда украшенная в национальном стиле одежда, 15% считают, что это одежда этнического характера, 25% считают, что это одежда, изготовленная из национальных тканей с использованием традиционных украшений.

Анализ результатов показывает, что 75% опрошенных в выборе повседневной летней одежды отдают предпочтение современному платью или костюму из национальных тканей, т.е. полуевропейскому стилю, а 25% отметили что предпочитают чисто традиционную национальную узбекскую одежду и объясняют свое предпочтение удобством и комфортностью данного вида одежды.

Следует отметить, что по результатам опроса выяснилось: предпочтение национальной одежде в основном отдают представители старшего поколения. Данный вид одежды используется как церемониальная, повседневная и домашняя одежда, и отмечается его практичность, простота, удобство и хорошие защитные свойства.

Результаты изучения наличия в гардеробе участников национальной одежды показали, что среди национальной одежды на первом месте стоит — национальное платье, шаровары — «лозим», головной убор-платок. По поводу применения данной одежды были высказаны следующие мнения: 35% используют как церемониальную, 45% как домашнюю, 18% повседневную и 2% как служебную одежду.

Исследования показали, что в городах, районах и кишлаках Бухарской области применение национальных и традиционных изделий различны.

На вопрос, Вы согласны с внедрением современного дизайна в национальную одежду?, 60% (преимущественно молодёжь) ответили положительно, 30% (преимущественно старшее поколение) отрицательно, а 10% выразили свое безразличие. Как известно, узбекская национальная одежда отражает в себе характерные элементы узбекского народа, т.е. простоту, неповторимое обаяние, красоту и искусное мастерство женщин. По мнению опрошенных, внедрение современного дизайна (например,

Рис. 6. Современная женская одежда полуевропейского стиля с использованием традиционных национальных тканей «атлас», «адрас» и «банорас»

Рис. 7. Мужские и женские золотошвейные свадебные халаты — «чапан» и головные уборы — тюбетейки

европейский покрой, украшения различными аксессуарами) сыграет не лучшую роль в сохранении характерных элементов узбекской одежды, но пользуется тем не менее большой популярностью среди молодёжи.

В процессе исследования нас заинтересовал следующий вопрос: как одеваются современные узбекские женщины и девушки в реальной жизни, на рынках, улице, работе, отдыхе, церемониях?

Обобщая итоги, можно прийти к следующему выводу: на улицах и рабочих местах в основном носят современную одежду полуевропейского стиля. Это различного вида платья, жакеты и юбки, сорочки и брюки. Молодёжь в основном отдаёт свое предпочтение современной моде (рис. 6)

На церемониях, в особенности свадебных ношение национальной одежды вошло в традицию. Например, на свадьбе жениха и невесту облачают в традиционную одежду, жених в белой национальной рубашке, в золотошвейном свадебном халате — «чапан» с набедренной повязкой и головном уборе — тюбетейке, невестка в золотошвейном халате, платке, свадебном платье. Наблюдения показали, что мужские и женские золотошвейные свадебные халаты — «чапан» и головные уборы — тюбетейки (рис. 7) раньше были характерны только для Бухары, сейчас же они широко применяются во всех регионах Узбекистана. Кроме этого, вышеупомянутые виды национальной одежды в последние годы стали широко

применяться в качестве подарков юбилярам на юбилейных торжествах.

Проведённые исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Современная узбекская молодёжь свято чтит традиции, но в повседневной жизни предпочитает европейский стиль одежды с использованием национальных элементов.
2. Традиционно-национальную одежду в основном одевают люди старшего поколения.
3. В большинстве случаев традиционная национальная одежда используется как церемониальная.
4. Предпочтение национальной узбекской одежды старшим поколением объясняется её удобством и комфортабельностью.

Несомненно, традиции сохраняются из поколений и являются для нас бессмертным наследием, традицией и национальной ценностью. Но при проектировании одежды необходимо учитывать потребительские предпочтения. Как показали исследования, современные потребители предпочитают современную одежду с сочетанием национальных традиций: применение национальных тканей, традиционных декоративных отделок и т.д. Выяснение предпочтительных видов одежды позволит производить одежду в соответствии со спросом, это в свою очередь повысит покупательскую способность и конкурентоспособность местной продукции на внутреннем рынке.

Литература:

1. Абдуллаев, С. Одежда узбеков. Т., 1985.
2. Хасанбаева, Н. К. История костюма. Т., 2003.
3. Пулатова, С. У. и другие. Композиция костюма. Т., 2006.
4. Садыкова, Н. С. Узбекская национальная одежда XIX—XX века. Т., 2001.

Способы изготовления традиционно-национальных золотошвейных изделий

Пулатова Сабохат Усмановна, кандидат технических наук, доцент;

Вафаева Замира Севиндиқовна, ассистент;

Чориева Мухаббат Мухаммедовна, ассистент

Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

Одежда более всех других элементов материальной культуры отражает национальный характер народа и относится к числу устойчивых этнических признаков. В ней отражаются традиции, коренящиеся в этнической истории, социальные отношения и некоторые элементы идеологии, верование, эстетические идеалы. Раньше золотошвейные изделия носили только эмир Бухары, члены его семьи и некоторые из его высокопоставленных придворных. Обычный народ не имел права носить золотошвейную одежду. С изменениями в жизни общества, его экономики и политики развивались и формы одежды. Она отражала материальное благосостояние людей, их вкусы, специфику хозяйства и некоторые стороны семейного быта.

В настоящее время золотошвейные мужские, женские и детские изделия имеются в каждой узбекской семье. Более того, они стали неотъемлемой частью гардероба жениха и невесты. Традиционные мужские и женские золотошвейные халаты, а также тюбетейки в последние годы получили ещё одно своё новое назначение — они дарятся юбилярам и дорогим гостям в качестве подарка. Помимо этого, в период роста интереса к культуре нашей страны и развития международного туризма, спрос на золотошвейные изделия значительно возрос.

Если раньше золотошвейным ремеслом занимались только в Бухаре, то на сегодняшний день это ремесло распространилось во многие города Узбекистана: Самарканд, Навои, Қарши, Андижан, и другие.

Хотя данное ремесло очень популярно и весьма прибыльно, технология его производства является очень сложным и трудоёмким процессом, требующим много времени и кропотливого ручного труда. Поэтому, целью нашего исследования явилось изучение технологического

процесса изготовления золотошвейных изделий и разработка рекомендаций по его совершенствованию.

Объектом исследования выбран национальный золотошвейный мужской халат (чапан), который имеет большой спрос среди населения.

Исследования проводились путем изучения работы мастеров, собеседований по теме исследования и проведения видеосъемок процессов изготовления объектов исследования. В ходе исследований нами проведена систематизация процессов производства объектов исследования. Вместе с тем, в работе приведен наиболее полный перечень необходимого оборудования и сырья для производства золотошвейного мужского халата.

Технологический процесс изготовления золотошвейного халата

Необходимое оборудование:

— Специальные ножницы для вырезания трафарета узоров вышивки, пяльцы, мерная лента, трафареты узоров вышивок, обычные ножницы, иглы, наперсток, швейная машина, утюг и гладильная доска.

Необходимое сырье:

— Специальный картон, клей, дикстр, бязь для натягивания на пяльцы — 2,0 метра, основная ткань (бархат) — 2,6 метров, подкладочная ткань (ситец или шёлк) 2,6 метров, клеевая прокладка (дублерин) — 3,5 метра шелковая нить, золотистая нить (зар) — 160гр, кромочная лента (жияк).

Изготовление халата включает в себя пять основных этапов:

1. Раскрой деталей халата из основной и подкладочной тканей;
2. Подготовка трафаретов узоров: рисование узора, нанесение узора на картон, вырезание трафаретов узоров;

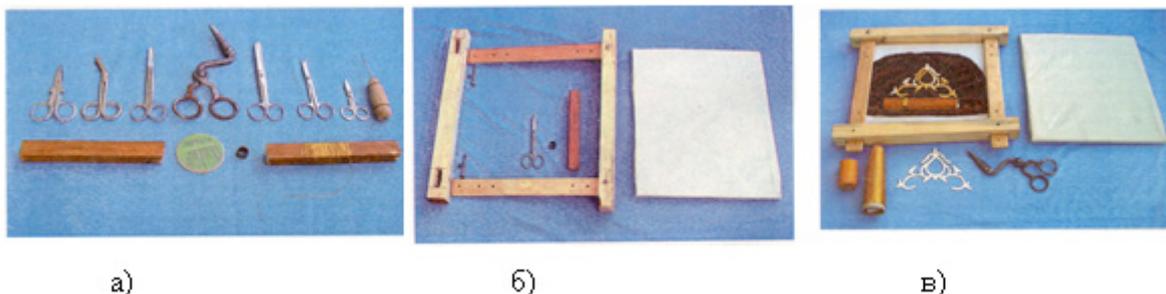

Рис. 1. Необходимые инструменты и сырьё для золотого шитья: а) Ножницы, с помощью которых вырезаются узоры; б) Пяльцы, на которые натягивается бязь; в) Нашивание детали изделия и трафарета узора на готовые пяльцы

Рис. 2. Процесс вышивания золотошвейных халатов на пяльцах

3. Подготовка пялец: натягивание и пришивание бязи на пяльцы;
4. Вышивание узоров:
 - нашивание деталей халата из ткани верха на готовые пяльцы;
 - нашивание узоров трафарета на детали халата;
 - вышивание узоров;

— вырезание готовых вышитых деталей халата и очистка от производственного мусора;

5. Технологический процесс изготовления халата: обработка отдельных деталей халата, сборка деталей халата, влажно-тепловая обработка халата, настрачивание отделочной тесьмы на края горловины, бортов, низа халата и рукавов, окончательная отделка и упаковка изделия.

Рассмотрим каждый этап по отдельности.

Первый этап. Раскрой деталей халата:

Рис. 3. Схема технологического процесса раскроя деталей халата

Второй этап. Подготовка трафарета узоров включает в себя следующие операции:

Рис. 4. Схема технологического процесса подготовка трафаретов узоров

Третий этап: Подготовка пялец

Рис. 5. Схема процесса подготовка пялец

Четвертый этап. Ручное вышивание узоров включает в себя следующие операции:

Рис. 6. Схема технологического процесса вышивания узоров халата

Пятый этап. Технологический процесс изготовления халата включает в себя следующие операции:

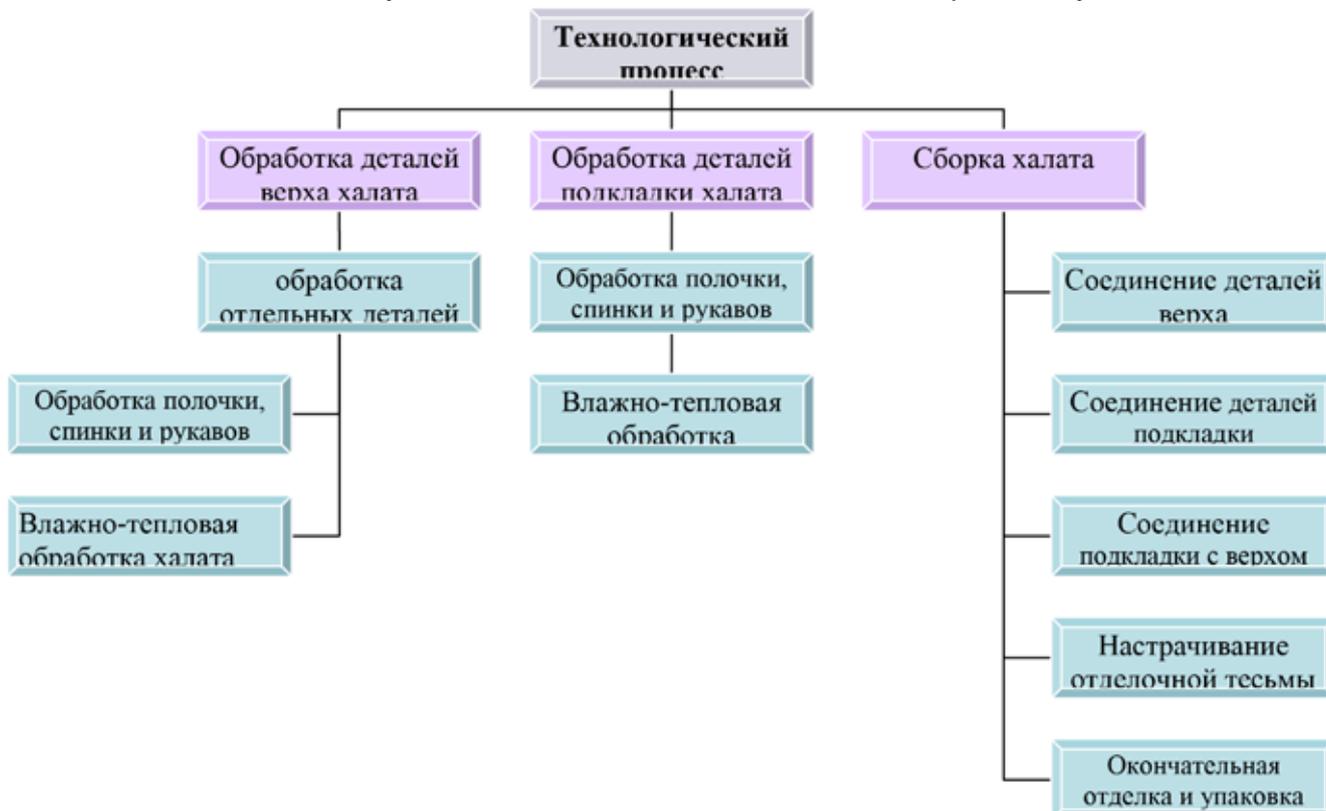

Рис. 7. Схема технологического процесса изготовления халата

Рис. 8. Мужские и женские золотошвейные халаты

Особый интерес из вышеуказанных этапов процесса изготовления национальных золотошвейных халатов представляет процесс вышивания золотошвейных узоров, т. к. элемент золотого шитья выделяет данный вид одежды из множества других видов национальной одежды. Кроме этого, процесс вышивания золотой нитью является очень сложным, кропотливым и трудоёмким процессом, т. к. к нему привлекается большое число мастеров и расходуется длительное время, поэтому, требует совершенствования.

Самым сложным в золотошвейном производстве является процесс рисования и вырезания узоров трафарета. Узор рисуется художником на белой бумаге или кальке. Затем контур рисунка по всему узору прокалывается иглой, затем путём нанесения керосина или угля рисунок переводится с бумаги на картон. Перенесённый таким способом узор вырезается специальными ножницами причудливой формы «кайчи-уштур гардан», напоминающими по форме «верблюжью шею». Хотя эти ножницы очень удобны в работе, но при вырезании в день по 150 и более узоров, руки

вырезальщиков узоров — «гульбууров» покрываются мозолями. Поэтому, наличие проблемы в данной области очевидно. Автоматизация процесса рисования и вырезания узоров позволит облегчить труд художников-«гульбууров», сократить сроки производства, повысить производительность труда и улучшить качество золотошвейных изделий.

В результате проведённых исследований нами разработаны следующие предложения:

- организовать работу по систематизации процессов изготовления предметов народного творчества, в частности изготовления золотошвейных изделий, как наиболее трудоёмких и в тоже время пользующихся наибольшим спросом у местного населения и приезжих туристов;

- автоматизировать наиболее трудоёмкий процесс в золотошвейном производстве — процесс рисования и вырезания узоров;

- разработать обучающие материалы по технологии изготовления золотошвейных изделий, организовать учебные семинары, мастер-классы с привлечением ведущих мастеров-ремесленников Узбекистана.

Литература:

1. Садыкова, Н. С. Узбекская национальная одежда XIX—XX веков. Т., 2001.
2. Давлатова, С. Об истории одежды узбекского народа. Журнал «Искусство». №3, 4/2006, стр. 6.
3. Гончарова, П. А. Золотошвейное искусство Бухары. Ташкент, 1996, с. 94—68.
4. Пулатова, С. У. и др. Композиция костюма. Т., 2006.

Способы изготовления бухарских золотошвейных тюбетеек

Пулатова Сабохат Усмановна, кандидат технических наук, доцент;

Нутфуллаевна Шахло Нуруллаевна, ассистент

Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

Одежда более всех других элементов материальной культуры отражает национальный характер народа, и относиться к числу устойчивых этнических признаков. В ней отражаются традиции, коренящиеся в этнической истории, социальные отношения и некоторые элементы

идеологии, верование, эстетические идеалы. С изменениями в жизни общества, его экономики и политики развивались и формы одежды. Она отражала материальное благосостояние людей, их вкусы, специфику хозяйства и некоторые стороны семейного быта.

Объектом исследования выбраны национальные тубетейки, которые имеют большой спрос среди местного населения и приезжих туристов.

Исследования проводились путем изучения работы мастеров, изготавливающих тубетейки. В ходе исследований

нами проведена систематизация последовательности процессов технологии производства объектов исследования. В месте с тем, в работе приведен наиболее полный перечень необходимого оборудования и сырья для производства национальной тубетейки.

Рис. 1. Разновидности тубетеек

Женские тубетейки по форме подразделяются на следующие виды: с квадратным дном, с круглым дном и современные формы, обобщённо называемые «фантазии». По способу отделки женские тубетейки подразделяются на следующие виды: с ручной золотошвейной вышивкой, с ручной шёлковой вышивкой, с тамбурной вышивкой и с аппликацией.

Технологический процесс изготовления золотошвейных тубетеек.

Необходимое оборудование:

— специальные пяльцы, натянутые бязью, мерная лента, трафареты узоров вышивок, ножницы, иглы, наперсток, швейная машина, пресс, посуда для клея, электрическая плита, щётка, текстолитовая доска, металлическая плитка и распылитель для воды.

Необходимое сырьё:

— основная ткань (сатин), золотистые нити для вышивания, хлопчатобумажные нитки, изнаночная ткань (ситец), флизелин, отделочная тесьма (жияк), картон, калька, гранулированный столярный клей.

Изготовление тубетейки включает в себя пять основных этапа:

1. Раскрой деталей тубетейки;
2. Вышивка золотошвейных узоров;
3. Подготовка верхней части тубетейки;
4. Подготовка нижней части (кизак) тубетейки;
5. Соединение верхней и нижней частей тубетейки;
6. Предварительная, окончательная отделка.

Рассмотрим каждый этап по отдельности.

Первый этап. Раскрой деталей тубетейки:

Рис. 2. Схема технологического процесса раскроя деталей тубетейки

Второй этап. Вышивание золотошвейных узоров тубетейки

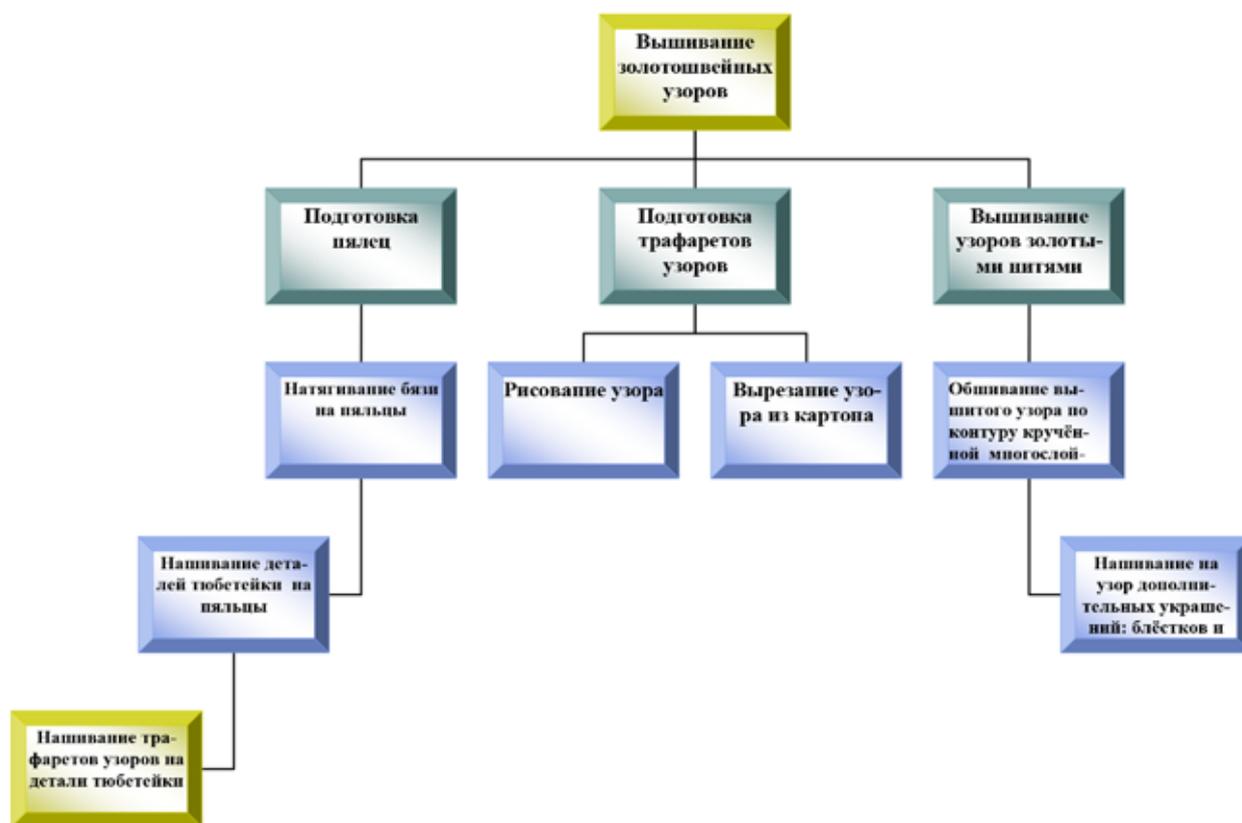

Рис. 3. Схема технологического процесса вышивание золотшвейных узоров тюбетейки

Третий этап. Подготовка верхней части тюбетейки включает в себя следующие операции:

Рис. 4. Схема технологического процесса подготовка верхней части тюбетейки

Четвертый этап. Подготовка нижней части (околышка) тюбетейки включает в себя следующие операции:

Рис. 5. Схема технологического процесса подготовка нижней части тюбетейки

Пятый этап. Соединение верхней и нижней частей тюбетейки включает в себя следующие операции:

Рис. 6. Схема технологического процесса соединения деталей тюбетейки

Шестой этап. Окончательная отделка тюбетейки включает в себя следующие операции:

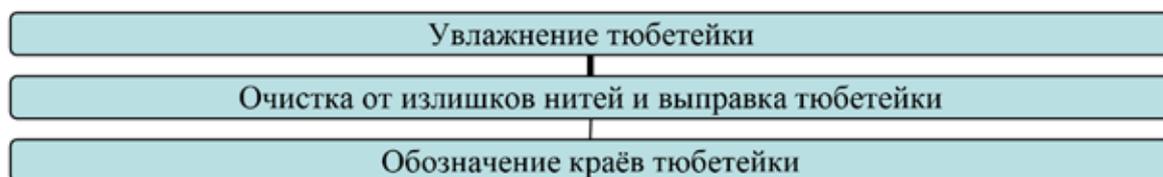

Рис. 7. Схема технологического процесса окончательной отделки тюбетейки

Для золотошвейных тюбетеек применяются сатиновую ткань (лас) золотисто-желтого цвета. Из сатина выкраивают лицевую часть верха и низа (околышек) тюбетейки, соразмерно им выкраиваются изнаночная детали из подкладочной ткани (ситец). При выкраивании верха основа лицевой ткани должна соответствовать утку изнаночной ткани. Это влияет на качество готовой тюбетейки.

Верхняя и нижняя детали тюбетейки прочно нашиваются на натянутую бязь пялец. На пришитые на пяльцы детали тюбетейки пришиваются трафареты узоров. Затем узоры вышиваются поверх трафаретов золотистыми нитями. В вышитом готовом узоре трафарет остаётся под вышивкой. Золотошвейная вышивка в зависимости от техники выполнения подразделяется на «гульдузи» — это вышивка только отдельных узоров золотой нитью и «заминдузи» — вышивка узоров и всего фона тюбетейки.

После окончания процесса вышивания детали тюбетейки вырезаются из пялец, очищаются от излишков нитей. Далее в вышитую узором верхнюю часть вставляется подкладочная ткань и простёгивается ручным стежком. При стёжке применяют специальную тонкую иглу и однотонную нить. Сначала стежки прокладываются по диагонали. Далее с обратной стороны подкладочная ткань немного растягивается и каждый из четырех участков разделяется стежками еще на четыре части. Это обеспечивает равномерное распределение стежков. После этого лицевая и изнаночная ткани равномерно распрямляются и каждый разделенный участок полностью заполняется стежками.

Для удобства введения бумажных фитилей верх заготовки распрямляется с помощью острого ножа.

Для фитилей калька разрезается на полоски шириной 2 см и полоски заворачиваются на тонкую шпильку. Шпильки с бумажным фитилем прокладываются по отдельности в стежки между лицевой и изнаночной тканями.

В вышитую узором нижнюю часть (околышек) настрачивается отделочная тесьма (жияк). Тесьма также соединяется с лицевой тканью и оба края прострачиваются соединительным швом. Процесс выполняется с помощью швейной машины. Для упрочнения нижней части тюбетейки, между лицевой и изнаночной тканями прокладывается картонная полоска шириной около 3 см, далее наносятся стежки по периметру над вышитыми узорами и между строчками вводятся бумажные фитили с помощью специальных шпилек. Подготовленная таким образом нижняя часть замеряется мерной лентой, подводится под размер и складывается в виде квадрата. При этом следует, чтобы место соединения совпадало с отмеченным углом. Далее нижняя часть слегка растягивается для распрямления и ориентации. При подготовке нижней части верхняя и подкладочная ткани распрямляются, оставляется кромка шириной 0,7 см на лицевой ткани и остальная часть срезается ножницами. В верхней части также срезаются лишняя кромка и определяются углы тюбетейки. При соединении верха и низа тюбетейки, сначала выметывают углы верха и низа. Далее прокладывают соединительные швы швейной машиной. Лишняя часть соединений срезают, вручную подгибают и выметывают заранее оставленную кромку изнаночной ткани, с целью закрытия строчек. Вывернув тюбетейку лицевой стороной, проверяют качество строчек.

Для нанесения клея тюбетейки выворачиваются изнанкой и устраняются лишние концы нитей. Клей готовят из гранулированного столярного клея путем кипячения в обычной воде. Консистенция клея не должна быть жидкой, иначе клей будет просачиваться на лицевую часть. Таким образом, кипящий клей наносится сперва на нижнюю, затем на верхнюю части с изнаночной стороны тюбетейки равномерно с помощью щетки тюбетейка высушивается в естественных условиях в течении 1,5–2 часов. Высушенные тюбетейки выворачиваются лицевой стороной и расправляются.

В принципе, изготовление тюбетейки дело рук нескольких мастеров одновременно. Например, узоры вышиваются мастерицами-золотошвеями, стежки выполняют стегальщицы, соединение и отделку делают другие мастера. Эти виды работ всегда считались очень трудоемкими. Но, несмотря на это получаемая прибыль

удовлетворяет мастеров и мастериц этого дела. На сегодня золотошвейные тюбетейки пользуются широким спросом.

В результате проведенных исследований нами разработаны следующие предложения:

— организовать работу по систематизации процессов изготовления предметов народного творчества, в частности изготовления золотошвейных изделий, как наиболее трудоёмких и в тоже время пользующихся наибольшим спросом у местного населения и приезжих туристов;

— автоматизировать наиболее трудоёмкий процесс в золотошвейном производстве — процесс рисования и вырезания узоров;

— разработать обучающие материалы по технологии изготовления золотошвейных изделий, организовать учебные семинары, мастер-классы с привлечением ведущих мастеров-ремесленников Узбекистана.

Литература:

1. Садыкова, Н. С. Узбекская национальная одежда XIX–XX веков. Т., 2001.
2. Давлатова, С. Об истории одежды узбекского народа. Журнал «Искусство». №3, Т., 2006.
3. Гончарова, П. А. Золотошвейное искусство Бухары. Т., 1996.
4. Пулатова, С. У. и др. Композиция костюма. Т., 2006.

Маркетинговые исследования потребительского спроса для проектирования изделий из каракуля

Темирова Гулноз Ибадовна, старший преподаватель;
Пулатова Сабохат Усмановна, кандидат технических наук, доцент
Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

Маркетинговые исследования позволяют выявить максимально возможное количество средств, воздействующих в той или иной степени на покупательский спрос, ставит производство швейных изделий в функциональную зависимость от запросов и требует производить продукцию в ассортименте и объеме, нужном потребителю. В качестве ведущих признаков женских верхних изделий из каракуля отобраны следующие: цвет, силуэт, рисунок, вид отделки. Выделенные признаки положены в основу составления анкеты для маркетинговых исследований.

Целью маркетинговых исследований было определение потребительских требований и тенденций формирования женских верхних меховых изделий. Маркетинговые исследования проводились в четырёх этапах:

- определение цели и выбор методов маркетинговых исследований;
- определение объема выборки;
- сбор информации;
- формирование рекомендации по рациональной структуре направляющей коллекции одежды.

В качестве объекта исследования выбран ассортимент женских верхних изделий из каракуля: полушубок, шуба, пончо, жакет. Опрос проведен в январе 2014 года среди женщин-предпринимателей, занятых бизнесом, преподавателей, врачей, интеллигенции и студентов, так как именно эта группа респондентов является наиболее привлекательной для производителей женской меховой одежды. Опросом была охвачено 300 женщин в возрасте от 18 до 60 лет.

Анализ результатов опроса по месту работы и роду занятий респондентов показал, что многие из них это служащие: экономисты, инженеры, предприниматели, работники бизнеса и государственных учреждений. Большинство женщин предпочтение отдают классическому стилю в одежде — 38,6%; романтический стиль (утонченные, женственные вещи) предпочитают — 32,6%; спортивный — 11,3%; авангард — 17,3%;

По вопросу о цветовой гамме для одежды из меха большинство респондентов отдали предпочитаемые насыщенным, спокойным цветам и сочетаниям. Выбор цветовой гаммы был связан с конкретным видом одежды

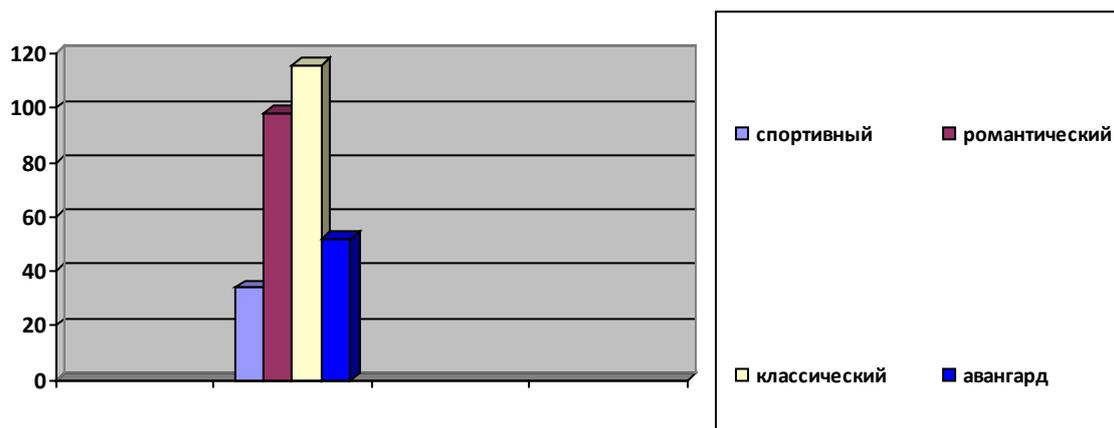

Рис. 1. Предпочитаемые стили одежды: 1 — классический; 2 — романтический; 3 — спортивный; 4 — авангард

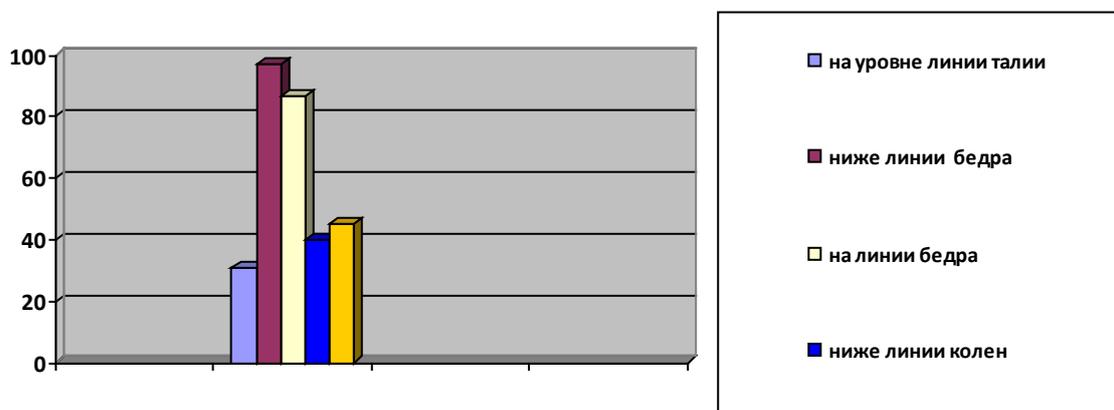

Рис. 2. Предпочитаемая длина: 1. на уровне линии талии; 2. ниже линии бедра; 3. на уровне линии бедра; 4. ниже линии колен; 5. выше линии колен

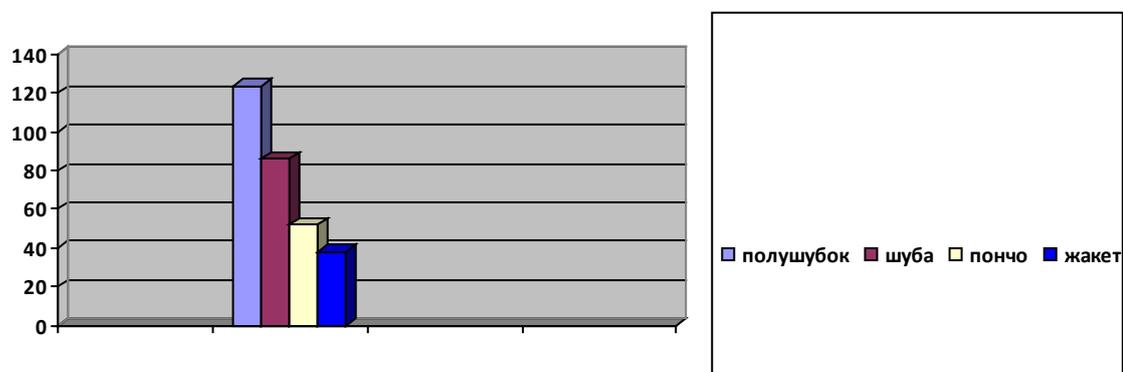

Рис. 3. Предпочитаемые виды одежды из меха 1-полушубок; 2 — шуба; 3 — пончо; 4 — жакет

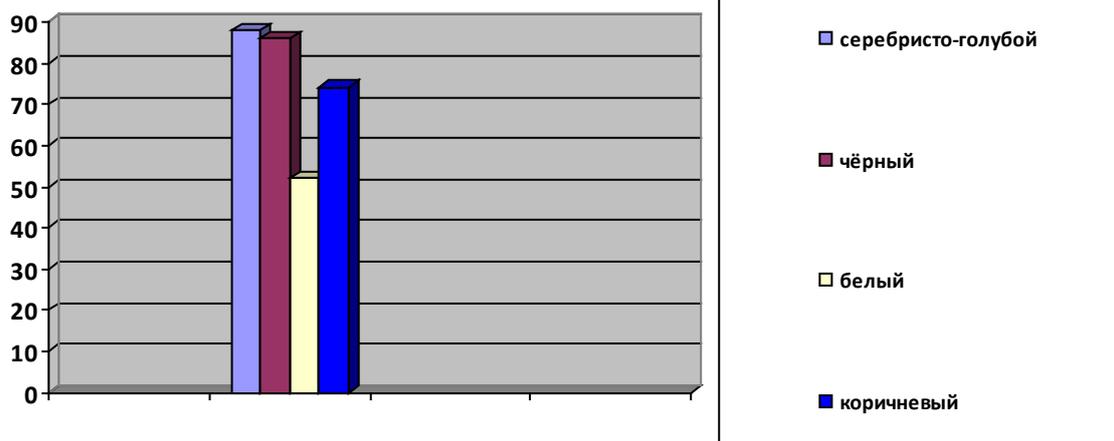

Рис. 4. Предпочитаемая цветовая гамма одежды из меха: 1 — серебристо-голубой; 2 — чёрный; 3 — коричневый; 4 — белый

из меха, возрастной группой респондента и назначением изделий.

В цветовой гамме лидируют четыре цвета: серебристо-голубой (29,3%), чёрный (28,6%), коричневый (24,6%), белый (17,5%). Следует отметить, что большинство опрошенных, предпочитают полупальто (28,6%). Так как большинство опрошенных были деловые женщины, ответы соответствовали их образу жизни. Выявлено, что их основная работа сопровождается в общении и связана с выступлениями на конференции, презентациями и различными торжествами. Это подтверждается и данными по анализу ситуаций потребления одежды, связанных с основной работой. Для проведения деловых встреч (ресторан, офис) они предпочитают полупальто, хорошо сочетающиеся с двух предметными костюмами: юбка-жакет, жакет-брюки, которые можно комбинировать друг с другом.

Во многих социологических исследованиях рассматривались в качестве важных признаков респондентов: образование, ситуация связанная с работой, комфортность, возраст, доход и тип фигуры.

В связи с переходом на рыночную экономику, развитием малого среднего бизнеса республики число женщин, участвующих в активной деятельности с каждым годом растёт. У деловых женщин разнообразными становится характер работы: презентации, конференции, круглые столы, приемы, поездки и т.д., которые естественно влияют на стиль и комфортность их одежды. С учетом указанных факторов в анкету социологического опроса были включены и учтены, как биосоциальные признаки респондентов, следующие несколько измененные признаки: образование, ситуация связанная с работой, доход, комфортность, тип фигуры и возраст.

Из анализа следует отметить, что некоторые биосоциальные признаки личности респондентов тесно связаны между собой. Это объясняется, что влияние при-

веденных факторов дублируют друг, друга, причем один пары факторов объясняет изменение результата под действием второго фактора. Например, на выбор типа верхней одежды наиболее значительное влияние оказывает комфортность (0,93) и ситуация связанная с работой (0,90).

Но взаимосвязь между этими признаками очень тесная — $T=0,82$. Другой пример: аналогичная ситуация, высокая теснота связи между комфортностью и образованием, а также возрастанию ситуации, связанной с работой. Поэтому, в качестве факторов, определяющих выбор характеристик целей, выделяются те, которые имеют более тесную связь результативным признакам, в данном случае комфортность.

Сумма баллов взаимосвязи для каждого фактора является числовым выражением общей дисперсии результативного признака, объясняемой данным фактором. Образование, ситуация, связанная с работой, комфортность и возраст респондентов объясняют наибольшую часть колебаний и требований потребителей при выборе модели одежды из каракуля.

Таким образом, в результате маркетинговых исследований установлено следующее:

- верхние меховые изделия из каракуля предпочтительно должны быть в виде полупальто;
- при моделировании меховых изделий из каракуля целесообразным является использование классического стиля;
- потребительские предпочтения на основные художественно-конструктивные признаки: длина — чуть ниже линии бёдер; силуэт — прямой; цвет — серебристо-голубой.

Разработка направляющей коллекции моделей верхних изделий из каракуля явилось целью следующего этапа работы. Выбранные образцы каракуля послужили исходной информацией для выбора формы верхнего изделия, его пропорции, фактуры и других стилевых признаков кол-

лекции. Особое значение при создании эскизов моделей знаков временным тенденциям моды и результатам маркетинговых исследований уделялось обеспечению соответствия эстетических при-

Литература:

1. Гагарина, Л. П. Проектирование детских меховых изделий. М., 2004.
2. Цепкина, И. А., Николаевская В. А. Моделирование и художественное оформление меховых изделий. М., 1973.
3. А. Тихомиров. Теория планирования эксперимента. М., 1985.

Опровержение

Редакция журнала «Молодой ученый» отзывает следующие статьи, ранее опубликованные:

1. Буран А.Л. Проблема подготовки и проведения тестирования по иностранным языкам с использованием компьютера как средства информационно-коммуникационных технологий [Текст]/А.Л. Буран // Молодой ученый. — 2011. — №7. Т. 2. — с. 78–80
2. Буран А.Л. Педагогические технологии, используемые в обучении иностранным языкам с применением информационно-коммуникационных технологий [Текст]/А.Л. Буран // Молодой ученый. — 2011. — №12. Т. 2. — с. 81–85.
3. Буран А.Л. К вопросу об основных требованиях, предъявляемых к созданию и применению учебных электронных изданий в преподавании иностранных языков [Текст]/А.Л. Буран // Молодой ученый. — 2010. — №11. Т. 2. — с. 107–109.

Причина отзыва: плагиат, допущенный автором.

Информируем, что авторство значительных по объему фрагментов указанных статей, принадлежит д. п. н., проф. МГУ С. В. Титовой.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 6 (86) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Демин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4